

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 11 / 2019

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Многообразие властных и правовых систем: опыт истории

Исаев И.А. «Сетевая власть»:

техника и суверенитет.....3

Мельников С.А. Наследование престола

как фактор эволюции Древнерусского государства....10

Кулакова Ю.Ю. Взаимосвязь формально-логической

и диалектической методологии как условие

эффективности познавательного потенциала

теории государства и права.....18

Рымарь С.В. Нация и личность25

Юсупова Н.Ж. кизи. Правовые основы семейных

отношений и духовное наследие.....31

Станкевич З.А. Аппарат Президента СССР:

«несвоевременный» орган гнущего государства37

Арутюнян Р.Э., Станкевич Г.В., Каракотов Р.М.

Становление и развитие пенсионного

обеспечения в дореволюционной России45

Право и бизнес: опыт истории

Айвазидис А.К. Правовой анализ процесса

становления и развития первых прообразов

Центрального банка в России.....51

Олейник Н.Н., Невлев В.В. Историко-правовое

развитие кооперации кредитных обществ

и кустарных промыслов в пореформенный период....58

Латыпов У.А. Понятие и юридическая сущность

экономического суверенитета в России второй

половины XIX — начала XX века67

Степанова Ю.П. Финансовая политика земств

Новгородской губернии74

Персоналии

Федоров А.В. Историко-правовая летопись

Д.О. Серова81

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 11. Усл. печ. л. 11.

Номер подписан в печать 18.11.2019.

Номер вышел в свет 27.11.2019.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643 (на полуг.);

Объединенный каталог. Пресса России —

85492 (на полуг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов

без письменного разрешения авторов статей

или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной

комиссией при Министерстве науки и высшего

образования Российской Федерации для публикаций

основных результатов диссертаций на соискание

ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 11 / 2019

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;
Babich I.L., Doctor of History;
Zhil'tsov N.A., PhD (Law),
PhD in Pedagogy, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., LL.D., professor;
Migushhenko O.N., LL.D., associate professor;
Nigmatullin R.V., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Romashov R.A., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation;
Safonov V.E., LL.D., professor;
Tumanova A.S., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Khabibulin A.G., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Cherdakov O.I., PhD in History,
LL.D., professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., PhD (Law),
associate professor;
Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;
Klimenko A.I., LL.D.,
associate professor;
Nedobezhkin S.V., PhD (Law),
associate professor;
Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding
member of the RAE, Honored lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Variety of Power and Legal Systems: Historical Experience

- Isaev I.A.* The Network Power:
Technique and Sovereignty..... 3
- Melnikov S.A.* Succession to the Throne
as a Factor of Evolution of the Old Russian State 10
- Kulakova Yu.Yu.* The Interrelation between
the Formal Logical and Dialectic Methodology
as a Condition of Efficiency of the Cognitive Potential
of the Theory of State and Law 18
- Rymar S.V.* Nation and an Individual..... 25
- Yusupova N.Zh.* Legal Bases of Family Relationships
and Spiritual Heritage 31
- Stankevich Z.A.* The Executive Office
of the President of the USSR: An Untimely
Body of the Perishing State 37
- Arutyunyan R.E., Stankevich G.V., Karakotov R.M.*
Establishment and Development of Pension
Support in Pre-Revolutionary Russia 45

Law and Business: Historical Experience

- Ayvazidis A.K.* Legal Analysis of the Process
of Establishment and Development
of First Prototypes of the Central Bank in Russia 51
- Oleynik N.N., Nevlev V.V.* Historical and Legal
Development of Cooperation between Credit
Institutions and Handicraft Industry
in the Post-Reform Period..... 58
- Latypov U.A.* Concept and Legal Essence
of the Economic Sovereignty in Russia in the Second
Half of the 19th Century to the Early 20th Century..... 67
- Stepanova Yu.P.* Financial Policy of District Councils
in Novgorod Governorate 74
- ### Personalia
- Fedorov A.V.* Historical and Legal Chronicle
by D.O. Serov..... 81

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 11.

Conventional printed sheet 11.

Passed for printing 18.11.2019.

Issue was published 27.11.2019.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643 (for 6 months);

United Catalogue. Russian Press — 85492

(for 6 months).

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of
the Russian Federation for publications of basic results
of PhD and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

«Сетевая власть»: техника и суверенитет*

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igr@yandex.ru*

Статья посвящена анализу одной из важнейших тенденций, наблюдаемой в современной правовой реальности: развитию « сетевого » принципа в социальной, политической и правовой сферах. « Сеть », как постмодернистская структура управления обществом, затрагивает все аспекты его существования, вносит новое понимание нормативности, господства, централизации. Внедрение в политическую и правовую науку « сетевого » подхода требует пересмотра такого традиционного понятия, как суверенитет.

Ключевые слова: суверенитет, власть, право, закон, иерархия, сеть, норма, принцип, управление, автономия, система.

The Network Power: Technique and Sovereignty

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
LL.D., Professor*

The article is dedicated to the analysis of one of the most important tendencies observed in the modern legal reality: the development of the “network” principle in the social, political and legal spheres. The network as a post-modern society management structure covers all aspects of its functioning, introduces new understanding of normativity, supremacy, centralization. Introduction of the network approach in the political and legal science requires reconsideration of such a traditional concept as sovereignty.

Keywords: sovereignty, power, law, act, hierarchy, network, norm, principle, management, autonomy, system.

По замечанию Пьера Бурдьё, любое построение государства непременно сопровождается созданием своего рода общего исторического трансцендентального. Освободившись от Абсолюта, государство попыталось принять на себя его роль, и, для того чтобы обеспечить легитимность автономного политического, государство трансцендирует само себя¹.

Суверен всегда стремился встать над вершиной властной пирамиды, над уровнем высшего порядка бытия: и Боден, и Гоббс отводили

ему именно это место и этот статус. Но отнюдь не сам суверен и государство есть единое лицо, «ответственным за действия которого делало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей»; суверен являлся только носителем этого лица и не более того, сверхчеловеческое могущество суверена не делает его тождественным Левиафану, который занимает место Бога, ведь он — только бог смертный².

То, что и в настоящее время называется суверенитетом государства, все еще целиком сохраняет ис-

¹ См.: Бурдьё П. Дух государства. Политика и поэтика. С. 154.

² Гоббс Т. Левиафан : сочинения. Т. 2. М., 1991. С. 133.

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-29-16124.

конные царственные притязания на власть и привилегии на имущественное первенство и беспрекословное повиновение: «Мифу о божественной царской власти предстояло только овладеть силами цивилизации, и чтобы впоследствии перерасти в производный от него миф машины»³. Если личность царя отождествлялась с безличным и негуманным порядком небес, что и давало ему политическое могущество самодержца, то безлика «машина власти» всю свою мощь связывала с господством Ratio и математики.

Неосмотрительные попытки Гоббса и Лейбница заменить эмоции и страсти геометрически выверенными техниками властвования и управления только привели к неожиданным результатам. Язык математики перестали понимать обычные люди, а техника начала диктовать собственные правила и условия. Власть из области человеческих отношений поднялась в абстрактные и безлюдные сферы.

В классической Греции технические изображения интересовали искусство больше, чем науку, непосредственных отношений между знанием и техникой особенно не наблюдалось. Еще и в XVI–XVIII вв. изобретения демонстрируют преимущественно только любопытство и артистическую выдумку. И так продолжалось до конца XVIII в. Во время первой индустриальной революции было сделано открытие обратного порядка: нет техники без богатства, но нет и богатства без техники, техническое устройство требует инвестиций. Желание обогатиться — уже не простой интерес, оно навязывает технике императив увеличения, эффективности.

И только тогда технику начинают связывать с наукой: в более общем виде повсеместно в постиндустриальных обществах происходит замена нормативности законами эффективности процедур.

Реальность поставляла доказательства для научной аргументации и результаты для предписаний правового и политического порядков. «Усиливая технические приемы, усиливают реальность, а следовательно, — шансы быть справедливым и правым»: легитимация оформляется через производительность, легитимируя право через его эффективность⁴.

С того момента, когда техника в своей новой математической версии начинает зиждаться исключительно на науке и ее достижениях, сама она уже приобретает статус доминирующего и независимого элемента. Прежнее равновесие тогда нарушается, технический прогресс и социокультурная жизнь уже не соответствуют друг другу. Человек теперь не только не может контролировать процессы, но и даже осознавать и оценивать последствия всего происходящего. Техника очень скоро превращается в неуправляемый анархический фактор. Она, созданная человеком, становится главным фактором изменений на Земле. «Гигантский мир, созданный человеком, не только ошеломлял нас, но порою производил пугающее впечатление. Гроздь сцепленных друг с другом человеческих и природных систем и подсистем... оказались прямо или косвенно связаны между собой. И сеть их опутала всю планету. Любое творение или изменение в одной из этих систем может легко переки-

³ Мамфорд Л. Миф машины. М., 2001. С. 231–233.

⁴ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 108–114.

нуться на другие, приобретая порой характер эпидемий»⁵.

Разрушив иерархии и отбросив аффекты, техника призвана раскинуть свои сети по всему миру. Такова мрачная перспектива прогресса. Однако люди упорно надеются и рассчитывают на благотворительный характер техники, которая может облегчить их существование, расширить пределы пространства, победить течение времени, ускоряя процессы. Обе перспективы остаются гипотезами, хотя актуальные симптомы отчасти уже позволяют сделать определенные выводы.

Математик XIX в. А. Курно отмечал, что в процессе перехода к технологической цивилизации происходит замена витального «образного» восприятия действительности строгим рациональным методом. Только рационализация и сможет обеспечить стабильность общества, разрушив для этого господствующие в нем инстинкты и страсти и тем самым обеспечив совершенство управления: харизматическая энергия, всплеск которой сопровождает важнейшие исторические преобразования, сменится тогда очередным периодом оцепенелости, когда мертвящий механизм управления возвышает «специалиста без сердца, ничтожества» (М. Вебер).

Технократическое мышление было укоренено уже в ньютоновском мировосприятии, однако еще раньше многие авторы (включая того же Т. Гоббса) предлагали перенести строгий геометрический метод на область политики и юриспруденции. По мысли А. де Сен-Симона, один из главных типов людей будущего, монополюбно обладающий рациональными знаниями, составит

сословие руководителей производства и социальных администраторов. При этом общество будет двигаться от господства над людьми к управлению вещами. И уже согласно Т. Веблену, новый революционный класс будет «генеральным штабом индустриальной системы» или промышленной инженерии. Революция и политическая, и социальная может быть осуществлена только как промышленный переворот. Главные линии революционной стратегии — это линии технической организации и промышленного управления: «Это механически организованная структура технических процессов, разработанная, созданная и руководимая инженерами-производственниками»⁶.

Сам процесс дифференциации власти начинал восприниматься как форма проявления техники: «Техническое начало в структуре средств технической коммуникации коренится в свойствах бинарных кодов», в схематизации процессов, которые протекают в случайной форме, в регулировании последовательностей, алгоритмах, процессах образования сцеплений и сети (Н. Луман)⁷.

Ценностно-нормативное начало, в котором право когда-то «гуманизировало» властное насилие, сменяется технократическим безразличием и отвлеченностью на достижении эффективности. Организующий порядок становится техникой, «ценностно нейтральным» межинституциональным сооружением, независимым от любых правовых и моральных установлений. Такие понятия, как система и структура, начинают восприниматься в соответствии с понятием порядка как отказа от случайности.

⁵ Печчи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 68.

⁶ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 484.

⁷ См.: Луман Н. Власть. С. 112–113.

Политическая техника, получив автономию от трансцендентального центра, сама становилась узурпированной формой абсолютного. (По замечанию Эмиля Бенвениста, произошло отделение внешнего от внутреннего, сакрального от профанного. Прежде в центре сакрального пространства оставался царь, суверен, задающий границы пространства: «латинский гех должен был рассматриваться... как человек, проводящий линии границ или прокладывающий путь, олицетворяющий все, что связано с правом»⁸.)

Поскольку техника вторгается в сферу государственного управления, она требует замены формального, установленного государством права преимущественно техническими нормами. Вместе с иерархией власти подвергается сомнению иерархия норм. Технические же нормы относительно равноценны и равнозначны. В сети крайне затруднительно обнаружить какие-либо приоритеты.

Вектор технологического развития воплощал уже новый, героический нарратив власти, господства и самоопределения. «Сети, которые овладели технологическим, научным и культурным дискурсами и практиками, — коммуникационные сети... Сложные институциональные рамки... все это уже не только линейные векторы или постоянные проявления контроля. Теперь это сложные переплетения, пересечения сетей, сложные ткани из непредсказуемых и полуавтономных нитей». Сеть — это «настоящая матрица, лоно, мать-материя, которая порождает всех нас, и эта матрица существовала всегда». (Несмотря на его биологические корни, само это слово обозначает множество технологических

инструментов и практик. Сеть становится преобладающим технологическим архетипом тогда, когда в обществе начинается рост экологической активности: «гипотеза о Гее и религия Богини»: медленно, опытным путем «сетевой путь» возникает посреди стремлений и хаоса.)

Старые властные нарративы в эпоху постмодерна утратили свою силу, и язык теперь — уже не сфера истины и выражения, но «сеть-лабиринт» связанных неопределенностей и структурных кодов, которые невозможно разрешить. Каноны приоритета и его логоцентрические дискурсы истины и знания — «не что иное, как стратегии власти, условные и проблематичные, если фактически не деспотические». «Взамен постмодерн предлагает нецентрированный мир бесконечной фрагментации, сферы, где человеческая личность становится движущейся мишенью, а история растворяется в адской игре знаков и симулякров»⁹.

Старые общества должны были учитывать границы, заданные самими вещами. Мир понимался вполне вещественно и осязательно, как совокупность вещей или творение. То, что оставалось загадочным, все же должно было предполагаться существующим в мире как чудо, тайна или мистерия, — настоящий повод для страха и ужаса. Когда же мир начинает восприниматься в виде недоступного горизонта, как другая сторона определенности, тогда ситуация коренным образом меняется. Современный мир как раз и представляется некоей «фоновой неопределенностью», делающей возможными появление прежде неизвестных объектов и ответную безграничную активность субъектов.

⁸ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 31.

⁹ Дэвис Э. Техногнозис. Екатеринбург, 2007. С. 455–454.

Отсутствие или ощущение отсутствия вещественных и пространственных, которое влечет за собой технический прогресс, вызывает кризис прежних принципов легитимности. Их заменяют нормирование и автоматизм, в новом мире функций правопорядок утягивает свое бывшее значение. Механизм управления приобретает форму коммуникативных связей, действующих в разных направлениях, векторы сил, действующих в мире, взаимно пересекаются. Этот мир уже давно оказывается многополярным.

Уже начиная с XVI в. вся территория Земли оказывается «вплетена в сеть регулярных коммуникативных отношений». С этого времени «исчезает возможность определять единство системы общества прежними, ставшими относительными территориальными границами или же различием его членов и нечленов... Такие функциональные системы, как экономика или наука... политика или право, выставляют собственные требования к соответствующим собственным гражданам, которые отныне уже не могут замыкаться в каком-то конкретном пространстве или вокруг какой-то группы людей»¹⁰. Свою судьбу в этой ситуации мировое общество может и должно формировать только в себе самом: «Мировое общество — это настоящее со-бытие мира в коммуникации» (Николас Луман). Становясь формой властвования, коммуникация окончательно размывает иерархии и статусные жесткие структуры: сеть заменяет собой систему.

Техника, охваченная непрерывным стремлением к действию и деятельности («технический прогресс»), направлена на борьбу со всеми усто-

явшимися и статичными формами существования. Устанавливаемые суверенитетом границы техника перетягивает, стремясь в своей экспансии к глобальным масштабам. Ее не останавливают даже такие последствия, как деформация окружающей среды. Кажется, что в грядущей окончательной победе разума и науки над природой сбудутся просветительские мечтания XVIII в. Появление новых территорий знания было связано с тем, что сама спекулятивная иерархия познаний дала место имманентной, «плоской» сети исследований, границы которых постоянно перемещаются. «Старые “факультеты” распадаются на институты и фонды всякого сорта, университеты теряют свою функцию спекулятивной легитимации»¹¹.

Глава и основатель Римского клуба Аурелио Печчеи видел в национальном суверенитете главное препятствие на пути к будущему глобальному сообществу, новой форме человеческого объединения. От нынешнего анархического и неуправляемого состояния в мире, в основе которого лежит так называемый «суверенитет», хаотического множества конкурирующих и ссорящихся государств путь лежит сначала к вынужденному, а затем и вполне сознательному сотрудничеству. Конечной целью будет истинное «сообщество» людей, объединенных взаимным увлечением и общностью взглядов.

Суверенитет был некогда загадочным монадным пространством власти. Сам принцип монадообразной структуры предполагал независимость отдельных частей, не поддающихся иерархизации, и безграничность пространства, в котором монады сосуществуют и даже взаимодействуют: в этом уже уга-

¹⁰ Луман Н. Общество общества. Мировое общество. М., 2011. С. 156–157.

¹¹ Лиотар Ж.-П. Указ. соч. С. 96.

дывался глобализм Лейбница, почерпнутый им у Бруно. Бесконечное пространство, в котором живут вообразимые сообщества, могло стать только сетевым.

Древние империи содержали в себе зародыши глобализации. И только техническая революция помогла им вырасти в грозного монстра, который вызывает страх, разрушая все границы, традиции и институты. Его первой жертвой стал суверенитет, как особая форма национальной государственности. Прежняя политическая сущность суверенитета уже в эпоху модерна оказалась размытой социальной проблематикой и новыми целеполаганиями. Подростая на этой основе «биополитика» амбициозно претендует на регулирование жизни и смерти мира. Господство технологий требует создания нового, пригодного для них человечества и общества. Враждующий с мировой империей человек рассчитывает на привилегированное место для себя. У техники могут быть на этот счет свои собственные соображения...

В век «глобальной империи Человека» национальный суверенитет становится для нее настоящим препятствием. Сохраняя свое значение, как руководящий принцип государственного устройства, он представляет собой некий «типичный синдром якобы ненормального культурного развития». (Арнольд Тойнби с тревогой отмечал, что «сила поклонения культу национального государства вовсе не свидетельствует о том, что национальный суверенитет представляет собой удовлетворительную основу политической организации в атомный век. Истина же как раз в прямо противоположном... В нашу эпоху национальный суверенитет, по сути дела, равносильна масовому самоубийству».) Насущной же проблемой современности, с этой точки зрения, становится выявление структуры некоего нового политического порядка на планете, «порядка, свободного от прежних императивов национального суверенитета»¹².

¹² См.: Печчеи А. Указ. соч. С. 255–258.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; перевод с английского ; под редакцией В.А. Иноземцева. Москва : Academia, 1999. 783 с.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : I. Хоз-во, семья, общество. II. Власть, право, религия : перевод с французского / Э. Бенвенист ; общее редактирование и вступительная статья Ю.С. Степанова ; комментарий Ю.С. Степанова, Н.Н. Казанского. Москва : Прогресс : Универс [б.г.] (1995). 452 с.
3. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдые // Поэтика и политика : сборник статей / ответственный редактор Н.А. Шматко. Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. С. 125–166.
4. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения. В 2 томах. Т. 2. Москва : Мысль, 1991. 735 с.
5. Дэвис Э. Техногнозис : миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис ; перевод с английского С. Кормильцева, Е. Бачининой, В. Харитоновой. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2007. 478 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; перевод с французского Н.А. Шматко. Москва : Ин-т экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. 159 с.
7. Луман Н. Власть / Н. Луман ; перевод с немецкого А. Антоновской. Москва : Праксис, 2001. 249 с.
8. Луман Н. Мировое общество // Луман Н. Общество как социальная система / А. Антоновский ; перевод с немецкого. Москва : Логос, 2004. С. 156–157.

9. Мамфорд Л. Миф машины : техника и развитие человечества / Л. Мамфорд ; перевод с английского. Москва : Логос Σ, 2001. 404 с.
10. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи ; перевод с английского О.В. Захаровой ; общая редакция и вступительная статья. Д.М. Гвишиани. 2-е изд. Москва : Прогресс, 1985. 312 с.

References

1. Bell D. Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo : opy`t sotsialnogo prognozirovaniya [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting] / D. Bell ; perevod s angliyskogo ; pod redaktsiyey V.L. Inozemtseva. Moskva : Academia — translated from English ; edited by V.L. Inozemtsev. Moscow : Academy, 1999. 783 s.
2. Benveniste E. Slovar indoevropeskikh sotsialny`kh terminov : I. Khoz-vo, semya, obschestvo. II. Vlast, pravo, religiya : perevod s frantsuzskogo [Dictionary of Indo-European Social Terms : I. Economy, Family, Society. II. Power, Law, Religion : translated from French] / E. Benveniste ; obscheye redaktirovaniye i vstupitel'naya statya Yu.S. Stepanova ; kommentariy Yu.S. Stepanova, N.N. Kazanskogo. Moskva : Progress : Univers [b.g.] — general editorship and introductory article by Yu.S. Stepanov ; commentary by Yu.S. Stepanov, N.N. Kazanskiy. Moscow : Progress : Universe [year not specified] (1995). 452 s.
3. Bourdieu P. Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya [Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field] / P. Bourdieu // Poetika i politika : sbornik statey / otvetstvenny`y redaktor N.A. Shmatko. Sankt-Peterburg : Aleteyya — Poetics and Politics : collection of articles / publishing editor N.A. Shmatko. Saint Petersburg : Aletheia, 1999. S. 125-166.
4. Hobbes T. Leviatan [Leviathan] // Hobbes T. Sochineniya. V 2 tomakh. T. 2. Moskva : My`sl — Writings. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow : Thought, 1991. 735 s.
5. Davis E. Tekhnognozis : mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu [TechGnosis: Myth, Magic, and Mysticism in the Age of Information] / E. Davis ; perevod s angliyskogo S. Kormiltseva, E. Bachininoy, V. Kharitonova. Ekaterinburg : Ultra.Kultura — translated from English by S. Kormiltsev, E. Bachinina, V. Kharitonov. Ekaterinburg : Ultra Culture, 2007. 478 s.
6. Lyotard J.-F. Sostoyaniye postmoderna [The Postmodern Condition] / J.-F. Lyotard ; perevod s frantsuzskogo N.A. Shmatko. Moskva : In-t eksperimentalnoy sotsiologii ; Sankt-Peterburg : Aleteyya — translated from French by N.A. Shmatko. Moscow : Institute of Experimental Sociology : Saint Petersburg : Aletheia, 1998. 159 s.
7. Luhmann N. Vlast [Power] / N. Luhmann ; perevod s nemetskogo A. Antonovskoy. Moskva : Praxis — translated from German by A. Antonovskaya. Moscow : Praxis, 2001. 249 s.
8. Luhmann N. Mirovoe obschestvo [The World Society] // Luhmann N. Obschestvo kak sotsialnaya sistema / A. Antonovskiy ; perevod s nemetskogo. Moskva : Logos — Society as a Social System / A. Antonovskiy ; translated from German. Moscow : Logos, 2004. S. 156-157.
9. Mumford L. Mif mashiny` : tekhnika i razvitie chelovechestva [The Myth of the Machine: Technics and Human Development] / L. Mumford ; perevod s angliyskogo. Moskva : Logos Σ — translated from English. Moscow : Logos Σ, 2001. 404 s.
10. Peccei A. Chelovecheskie kachestva [The Human Quality] / A. Peccei ; perevod s angliyskogo O.V. Zakharovoy ; obschaya redaktsiya i vstupitel'naya statya. D.M. Gvishiani. 2-e izd. Moskva : Progress — translated from English by O.V. Zakharova ; general editing and introductory article by D.M. Gvishiani. 2nd edition. Moscow : Progress, 1985. 312 s.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: +7 (495) 953-91-08 или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

Наследование престола как фактор эволюции Древнерусского государства

*Мельников Сергей Алексеевич,
профессор кафедры конституционного права
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
старший научный сотрудник Института российской истории
Российской академии наук (ИГИ РАН),
доктор юридических наук
melnikov_sa@inbox.ru*

В статье исследуются влияние правового института наследования престола на основные процессы эволюции Древнерусского государства — распад государственного единства, развитие процессов феодальной раздробленности, возвышение Москвы и образование Русского централизованного государства.

Ключевые слова: наследование престола, Русское централизованное государство.

Succession to the Throne as a Factor of Evolution of the Old Russian State

*Melnikov Sergey A.
Professor of the Department of Constitutional Law of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPА)
Senior Research Scientist of the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences (IRH RAS)
LL.D.*

The article studies the influence of the legal institution of succession to the throne on the main processes of evolution of the Old Russian State: collapse of the state unity, development of the feudal fragmentation processes, rise of Moscow and establishment of the centralized Russian state.

Keywords: succession to the throne, centralized Russian state.

Цель данной работы заключается в том, чтобы с использованием комплексного историко-правового анализа выявить и показать влияние правовых факторов, в частности престолонаследия, на процессы распада государственного единства и образование Русского централизованного государства.

При изучении эволюции Древнерусского государства IX–XV вв. в историко-правовой и исторической науках основное внимание уделялось анализу экономических и социальных механизмов.

При этом авторы, ставившие под сомнение приоритет социально-экономических и классовых факторов в эволюции Древнерусского государства,

не смогли предложить альтернативные объяснения, исходя из юридической природы государственных институтов¹.

Проблеме соотношения наследования по завещанию и по закону посвящена обширная литература, преимущественно XIX — начала XX в. Вопрос в основном рассматривался в плоскости

¹ См., напр.: Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь); Плотникова О.А. Князь в системе социально-политических отношений древнерусского общества VI–XII веков: принципы властвования. М., 2006.

наличия или отсутствия свободы завещательной воли².

Анализ источников (труд арабского писателя X в. Ахмеда Ибн-Фадлана, договор Руси с Византией 911 г.) позволяет сделать вывод о том, что вплоть до появления наследственных статей Пространной редакции «Русской Правды», которое, по нашему мнению, произошло в начале XIII в., на Руси безраздельно господствовало наследование по закону³.

Основные положения древнерусского наследования по закону были следующие: круг наследников по закону включал только сыновей наследодателя, при отсутствии сыновей имущество объявлялось выморочным, в этом случае после смерти наследовал князь, а в феодальном классе к наследованию могли быть допущены дочери. В составе наследственной массы всегда предусматривалась обязательная доля, идущая церкви на помин души, и доля вдовы, которой она владела пожизненно в случае невступления в повторный брак. Отцовский дом всегда получал младший из сыновей.

Наследование по завещанию появляется только в «Пространной Правде» в начале XIII в. При этом оно было облечено в специфическую правовую конструкцию «ряда». По своей юридической природе ряд коренным образом отличается как от византийского завещания того периода, так и от современного завещания. Фактически ряд лишь закреплял порядок, предусмотренный наследованием по закону и, как следствие, ни о каком завещательном произволе не могло быть и речи. Ряд по «Пространной Правде» — это даже не завещание в подлинном смысле

этого слова, а распределение имущества между наследниками по закону.

Важна проблема соотношения частного-правового и княжеского наследования, поэтому проанализированы случаи перехода власти по наследству в древнейший период древнерусской истории. К нашедшейся под властью князя территории в источниках употребляются термины «дедина», «отчина», «дом», «жизнь»⁴. Право верховной собственности на землю княжества персонифицировалось в князе. Фактически это произошло в результате захвата той или иной территории и включения ее в состав Древнерусского государства. В результате захвата земель государь становился собственником земель со всеми присущими собственнику правомочиями.

Земли, включенные в состав Киевской Руси, как и позднее — в состав отдельных княжеств, принадлежали князю на праве феодальной собственности. Судя по всему, эти земли составляли основу наследства. И именно производным от права княжеской собственности было право на осуществление государственной власти⁵.

Данные обстоятельства, безусловно, сближают княжеское землевладение с частным, которое было объектом древнерусского частного наследственного права. Следовательно, общие закономерности, выявленные по отношению к частно-правовому наследованию, вполне могут быть распространены и на княжеское наследование.

В результате исследования передачи власти в древнейший период можно вы-

² См., напр.: Цитович П.П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870; Руднев Л. О духовных завещаниях по Русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1894.

³ Мельников С.А. Историко-правовые факторы эволюции Древнерусского государства IX–XV вв. М., 2010. С. 26.

⁴ Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 17–18.

⁵ Думается, прав М.Б. Свердлов, который писал: «Верховная власть князя над территорией княжества как социально-экономическая функция была выражением верховной собственности феодального государства на землю». См.: Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 194.

явить общие закономерности престолонаследия в IX–XI вв.

Уже на раннем этапе существования Древнерусского государства законными наследниками великого князя являются его сыновья. Наиболее распространенный вариант — это наследственное правопреемство в результате смерти предшественника. И этот акт, безусловно, отличается от получения той или иной территории в условное держание.

Безусловно, подавляющее большинство случаев истории раннего периода свидетельствует о том, что основными и, вероятно, единственными наследниками были сыновья наследодателя. В 879 году после смерти Рюрика — Игорь (при регентстве Олега), в 945 г. — Святослав (при регентстве Ольги). В 972 году после гибели Святослава законными наследниками были его три сына. Нечто похожее происходит в 1015 г. после кончины Владимира Святославича. Наследников по закону — 12. В результате династической борьбы, приведшей к гибели большинства сыновей, в наследственном разделе приняли участие только Ярослав и Мстислав. В 1036 году, после смерти Мстислава его выморочные владения унаследовал Ярослав.

В подавляющем большинстве случаев в рассматриваемый период наследование всех сыновей покойного князя — наиболее распространенный способ наследования по закону. Отдельно следует обратить внимание на то, что в случае выморочности владения наследовать мог и брат. При этом вплоть до середины XI в. других возможностей и не существовало. Это могло привести к постепенному складыванию правового обычая, регулирующего княжеское наследование.

В XI–XII веках в летописях имеются описания по меньшей мере трех предсмертных распоряжений древнерусских князей. В 1054 г. — Ярослава Мудрого, в 1146 г. — Всеволода Ольговича, в 1187 г. — Ярослава Осмомысла. Неко-

торые из исследователей считали «ряд Ярослава» полноценным завещанием и на этом основании делали далеко идущие выводы о распространенности завещаний на Руси в этот период. Первое важное обстоятельство заключается в том, что «ряд» не выходит за пределы наследования по закону. Единственная новация заключается в том, что определяется конкретный состав владений сыновей великого князя⁶. Подоплека появления распоряжений Всеволода и Ярослава принципиально иная. И в том и в другом случае предпринималась попытка существенно изменить обычно-правовой порядок наследования, нарушить его. В результате распоряжения наследодателей не были выполнены, а раздел был осуществлен в соответствии с нормами наследования по закону. Здесь следует согласиться с замечанием М.Ф. Владимирского-Буданова о том, что завещание, противоречащее обычаю, не исполняется⁷.

В 1212 году в ряде источников присутствуют сведения о конфликте между Всеволодом Большое Гнездо и Константином. Великий князь считал, что его преемником на должен стать Константин, но Ростов должен унаследовать следующий по старшинству сын, Юрий. Константина такой вариант категорически не устраивал. Фактически он выступил против известной традиции, которая приводила к тому, что потомки старших сыновей, занимавших великокняжеский стол, не имели сколько-нибудь серьезных владений в собственности.

Для того чтобы добиться реализации своих замыслов, Всеволод вновь задействовал конструкцию древнерусского ряда. Главный стол княжества он пытался передать не старшему из сыновей, кото-

⁶ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 434–435.

⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 64.

рый имел на него все права. Двое младших сыновей остались без причитающихся частей, а еще один, Всеволодович, оказался обделенным. Характерно, что, узнав о занятии Юрием Владимирского стола, Константин говорит: «То сему ли подобает седети на отни столе, меншему, а не мне болшему?»

События 1212 г. являют собой классический пример столкновения двух способов княжеского наследования. Положения ряда Всеволода существенно противоречили обычно-правовому порядку, и это сделало их нелегитимными в глазах большинства его наследников. Становится очевидным, что даже в начале XIII в. попытки использовать завещательную волю для изменения положений наследования по закону были обречены на неудачу.

Отдельный вопрос — влияние ордынского ига на престолонаследие.

Источником власти отныне становилось ханское пожалование. Процедура десигнации должны были пройти все князья Северо-Восточной Руси, включая великого князя Владимирского. Кроме того, очевидно, что после смены власти в Орде ранее санкционированные владения требовали переутверждения.

После смерти Батые и прихода к власти Сартака и позже источники зафиксировали такие факты. Нечто подобное происходит в 1256, 1257 и 1258 гг., когда в Орде после прихода к власти там хана Улагчи последовательно побывали русские князья. В 1313 году, после того как к власти в Орде пришел хан Узбек, к нему на переутверждение и получение новых ярлыков отправились не только князья, но и митрополит и епископы. В 1359 году князья «поидоша во Орду къ новому царю Наурусу вси князи Рустии, и биша челом царю о разделении княжений ихъ, и тако смири ихъ, и раздел положи княжениямъ ихъ, и знати им комуждо свое княжение, и не преступати»⁸. В 1412 году Ва-

силий Дмитриевич и Иван Михайлович Тверской ходили в Орду к сыну Тохтамыш хану Зелени-Султану для подтверждения ярлыков на свои княжения⁹.

Еще одна характерная деталь, также зафиксированная в источниках, заключается в том, что после кончины князя-наследодателя потенциальные претенденты на наследство отправлялись к хану и именно там определялись и санкционировались параметры наследственного раздела.

При этом воля хана, как главный фактор легитимации княжеской власти, создавала возможности для того, чтобы нарушить обычно-правовой порядок наследования престола и сделать невозможным переход престола по завещанию.

Нельзя не заметить, что установление произвольного порядка перехода столов было умело использовано московскими князьями для приобретения новых территорий (так называемые купли Ивана Калиты, присоединение Нижегородского княжества в конце XIV в.) и стало одним из факторов возвышения Москвы¹⁰.

Как известно, первые из дошедших до нас духовные (завещания) князей связаны с именем Ивана Даниловича Калиты. Показательно, что завещатель не пытается вовсе распорядиться великим княжением, а для главного города княжества — Москвы используется правовая конструкция: «Приказываю сыном своимъ отчину свою Москву»¹¹. Для других территорий княжества используется обычная формула: «А се даю сыну моему...» Объяснение этим явлениям, безусловно, стоит искать в ордынском факторе. Зная, что право утверждать переход

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 403.

¹⁰ Борисов Н.С. Политика московских князей. Конец XIII — первая половина XIV века. М., 1999.

¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950 (ДДГ). № 1. С. 7–11.

⁸ ПСРА. Т. 9. СПб., 1863. С. 231.

княжеских столов по наследству принадлежит хану, Иван Данилович считал невозможным включать такие распоряжения в завещания. Характерно, что такую же ситуацию зафиксировали духовные московских князей Семеона Ивановича Гордого и Ивана Ивановича Красного. Только во второй духовной грамоте Дмитрия Ивановича появилась формула о передаче великого княжения наследнику: «А се благословляю сына своего Василья, своею отчиной великим княжением»¹². Однако ее появление связано с произошедшим слиянием территории великого княжения Владимирского и Московского княжеств и с общим ослаблением ордынского влияния на Руси.

Власть Золотой Орды постоянно присутствует в духовных грамотах как фактор, ограничивающий завещательную волю московских князей. Иван Калита, а позже Иван Иванович в своих завещаниях предусматривают возможность территориальных потерь по вине татар: «А ци по грехомъ, имуть искати из Орды Коломны, или Лопастеньских мести, или отменьных мести Рязаньскихъ, а по грехомъ, ци отъимется котре место, дети мои, князь Дмитрии и князь Иванъ, князь Володимеръ, и княгини (в то) место поделатся безъпеньными месты»¹³.

Интересно, что в позднейших актах междукняжеских отношений присутствует стандартная фраза о принятии на себя сторонами обязательств не использовать Орду для претензий на владения друг друга: «А ци имут нас сваживати татарове, а оучнут вамъ давати... нашу отчину... и вамъ ся, брате, не имати...»¹⁴

Это подтверждает еще один характерный фактор в период ордынского владычества — прижизненный переход княжеского стола от одного князя к другому. Очевидно, что само понятие престолонаследия в этом случае носило весьма ус-

ловный характер. Зачастую ханские решения не только не следовали правовому обычаю наследования престола, а прямо ему противоречили.

Все эти обстоятельства привели к консервации обычно-правового порядка престолонаследия, препятствовали развитию наследования престола по завещанию. Как результат, это привело к усилению процессов феодального дробления в большинстве русских княжеств.

Весьма актуальной является необходимость более обоснованного объяснения причин образования Русского централизованного государства. Представляется, существенную роль в этом процессе сыграли правовые факторы.

Во второй четверти XV века в Москве разгорелась династическая борьба, в ходе которой формально определялось то, какая ветвь великокняжеского дома закрепится на престоле, но в каком направлении пойдет процесс централизации. Кризис имел правовую природу и был напрямую связан с вопросом о порядке и способе наследования великого княжения.

Несмотря на то что сохранилось 10 завещаний великих князей и 6 — удельных, относящихся к этому периоду, только во второй духовной грамоте Дмитрия Донского, датированной 13 апреля — 16 мая 1389 г. присутствует норма, свидетельствующая о передаче престола по завещанию: «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиной, великим княжением»¹⁵. В XV–XVI веках картина столь же неоднозначна. Из пяти великокняжеских духовных грамот только в трех содержится норма, регулирующая наследование престола. Это вторая духовная грамота великого князя Василия Дмитриевича, завещания Василия Темного и Ивана III.

Наследование по закону также допускалось в двух основных формах. Первая форма — это наследование по принципу,

¹² ДДГ. № 12. С. 34.

¹³ ДДГ. № 1. С. 8, 10; № 4. С. 16.

¹⁴ ДДГ. № 59. С. 187.

¹⁵ ДДГ. № 12. С. 33.

который получил в литературе название родового старейшинства¹⁶. Он означал, что после смерти великого князя престол наследовался по очереди всеми братьями великого князя, а потом переходил к сыновьям старшего из них в той же последовательности. Такой принцип был характерен для замещения главного стола княжества во времена феодальной раздробленности. Уместно вспомнить, что в XIII в. Владимирский великокняжеский стол постоянно замещался в соответствии с этим принципом.

Характерно, что сыновья каждого из князей, занимавших великокняжеский престол, сохраняли на него формальные права, в соответствии с существовавшим правовым обычаем. Эти два фактора, в свою очередь, препятствовали государственному единству и неоднократно вызывали конфликты на почве престолонаследия.

Вторая форма — наследование происходило по прямой нисходящей линии, согласно принципу династического старейшинства (примогенитуры), когда престол последовательно переходил к старшему сыну великого князя, потом к старшему внуку и т.д.

Анализ свидетельствует, что процессам объединения земель и власти наиболее соответствовал принцип династического старейшинства. Это связано в первую очередь с тем, что происходило отделение центральной великокняжеской власти от феодальных владений на местах.

В московском княжеском доме в XIV в. существовал специфический порядок престолонаследия в сочетании с отсутствием конфликтов на почве наследования престола. На протяжении всего XIV в. в Москве отсутствовали сами условия осуществления одновременно двух описанных правовых механизмов наследо-

вания по закону, а следовательно, и конфликты между ними. Кроме этого следует отметить введенную первыми московскими князьями практику совместного владения Москвой и так называемого «старейшего пути». Весомым фактором возвышения также являлась политика первых московских князей, в частности Юрия Даниловича, и немногочисленность наследников по закону, что, в свою очередь, препятствовало феодальному дроблению княжества.

Вместе с тем практика наследования власти по завещанию и реализации завещательной воли в Москве к началу XV в. была на стадии становления. В завещании Дмитрия Донского была заложена известная неопределенность в регулировании наследования великокняжеского стола. С одной стороны, наследником престола объявлялся старший сын Дмитрия, Василий. Но при этом регламентировалось, что в случае его смерти престол наследует следующий по старшинству брат Дмитрия — Юрий¹⁷. Вполне возможно, что при составлении завещания не учитывалось возможное появление у Василия наследника, который родился в 1416 г. Эта правовая неопределенность создавала противоречие между двумя возможными вариантами наследования престола. Оно не могло быть разрешено на основании обычно-правового порядка, который допускал и родовой, и династический принципы наследования. Дополнительным фактором являлась апелляция к фактору ордынского суверенитета над Русью. В период правления Василия I указанные обстоятельства были лишь источником политической напряженности, однако после его смерти в 1425 г. они вылились в открытое противостояние, в ходе которого престол неоднократно переходил из рук в руки.

Поэтому чрезвычайно важной задачей великокняжеской власти являлось создание правового механизма, который обе-

¹⁶ Пресняков А.Е. Княжое право Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 62; Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

¹⁷ ДДГ. № 12. С. 34.

спечивал выход из затяжного династического кризиса.

Носителями центростремительных тенденций, одним из которых, несомненно, являлся великий князь Василий Васильевич Темный (1462–1505), был создан механизм, включающий и правовые инструменты, которые обеспечивали легитимный переход престола и исключали конфликты на этой почве. Предлагается определить этот механизм как институт соправительства.

Соправительство в XV в. можно характеризовать как правовой институт, основные черты которого нашли отражение в целом ряде однородных государственно-правовых норм. Он включал:

— номинацию (десигнацию) — прижизненное назначение монархом наследника престола;

— провозглашение его великим князем и включение этого титула в большинство правовых актов;

— постепенное формирование правомочий соправителя в различных сферах государственной власти.

Старший сын Василия Темного Иван был провозглашен великим князем летом — осенью 1448 г. Первое упоминание Ивана Ивановича Молодого в качестве великого князя относится ко времени новгородского похода 1471 г.¹⁸, а в официальном московском актово-

¹⁸ ПСРА. Т. 27. М.–Л., 1962. С. 132.

Литература

1. Борисов Н.С. Политика московских князей. Конец XIII — первая половина XIV века / Н.С. Борисов. Москва : МГУ, 1999. 391 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. 639 с.
3. Мельников С.А. Историко-правовые факторы эволюции Древнерусского государства IX–XV вв. : монография / С.А. Мельников. Москва : Голден-Би, 2010. 222 с.
4. Мельников С.А. Правовой режим наследования престола в Древней Руси IX — начала XVI вв. : историко-правовое исследование / С.А. Мельников. Москва : Информ-Знание, 2009. 222 с.
5. Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) / А.В. Назаренко // Из истории русской культуры Т. 1. Древняя Русь / В.Я. Петрухин. 2-е изд. Москва : Языки русской культуры, 2000. 760 с.
6. Плотникова О.А. Князь в системе социально-политических отношений древнерусского общества VI–XII веков: принципы властвования / О.А. Плотникова. Москва : Московский гуманитарный университет, 2006.
7. Пресняков А.Е. Княжое право Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь / А.Е. Пресняков. Москва : Наука, 1993. 632 с.

риале этот титул встречается с 1473 г.¹⁹. Сын Ивана Молодого Дмитрий Внук являлся соправителем Ивана III с 1498 по 1502 г., когда его в этом качестве сменил Василий III.

Наследник-соправитель еще при жизни отца мог осуществлять государственную власть в различных сферах: внешней политики, междукняжеских, церковно-государственных и поземельных отношений. Это отразилось также в структуре и составе великокняжеского титула. Общая тенденция в эволюции всех составляющих правового статуса наследника в том, что шел процесс постепенного увеличения его правомочий, заканчивавшийся приравнением их к правомочиям великого князя — отца²⁰.

Переход к наследованию престола по завещанию, обеспечивший доминирование престолонаследия по прямой нисходящей линии (от отца к старшему сыну и внуку), сыграл заметную роль в процессе образования Русского централизованного государства.

Таким образом, можно констатировать, что развитие форм наследования престола являлось значимым фактором эволюции Древнерусского государства.

¹⁹ ДДГ. № 69. С. 225, 227, 229.

²⁰ Мельников С.А. Правовой режим наследования престола в Древней Руси IX — начала XVI вв. Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 200.

8. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. / О.М. Рапов. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1977. 261 с.
9. Руднев Л. О духовных завещаниях по Русскому гражданскому праву в историческом развитии / Л. Руднев. Киев : Тип. Ун-та св. Владимира, 1894. 182 с.
10. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси / М.Б. Свердлов ; под редакцией И.П. Шаскольского. : Наука : Ленингр. отд., 1983. 238 с.
11. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. / М.Б. Свердлов. Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. 734 с.
12. Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология / А.П. Толочко ; ответственный редактор Н.Ф. Котляр. Киев : Наукова думка, 1992. 224 с.
13. Цитович П.П. Исходные моменты в истории русского права наследования / П.П. Цитович. Харьков : Университетская тип., 1870. 169 с.

References

1. Borisov N.S. Politika moskovskikh knyazey. Konets XIII — pervaya polovina XIV veka [Politics of Moscow Princes. The Late 13th to the First Half of the 14th Century] / N.S. Borisov. Moskva : MGU — Moscow : MSU, 1999. 391 s.
2. Vladimirskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [Review of Russian Law History] / M.F. Vladimirskiy-Budanov. Rostov-na-Donu : Feniks — Rostov-on-Don : Phoenix, 1995. 639 s.
3. Melnikov S.A. Istoriko-pravovy'e faktory' evolyutsii Drevnerusskogo gosudarstva IX–XV vv. : monografiya [Historical and Legal Factors of Evolution of the Old Russian State in the 9th to the 15th Century : monograph] / S.A. Melnikov. Moskva : Golden-Bi — Moscow : Golden-B, 2010. 222 s.
4. Melnikov S.A. Pravovoy rezhim nasledovaniya prestola v Drevney Rusi IX — nachala XVI vv.: istoriko-pravovoe issledovanie [The Legal Regime of Succession to the Throne in the Ancient Rus in the 9th to the Early 16th Century: Historical and Legal Research] / S.A. Melnikov. Moskva : Inform-Znanie — Moscow : Inform-Knowledge, 2009. 222 s.
5. Nazarenko A.V. Poryadok prestolonaslediya na Rusi X–XII vv.: nasledstvenny'e razdely', senyorat i popy'tki designatsii (tipologicheskie nablyudeniya) [The Procedure for Succession to the Throne in Rus in the 10th to the 12th Century: Inheritance Sections, Seniority and Attempts at Designation (Typological Observations)] / A.V. Nazarenko // Iz istorii russkoy kultury`. T. 1. Drevnyaya Rus / V.Ya. Petrukhin. 2-e izd. Moskva : Yazyki russkoy kultury` — From the History of the Russian Culture. Vol. 1. Ancient Rus / V.Ya. Petrukhin. 2nd edition. Moscow : Languages of the Russian Culture, 2000. 760 s.
6. Plotnikova O.A. Knyaz v sisteme sotsialno-politicheskikh otnosheniy drevnerusskogo obschestva VI–XII vekov: printsipy` vlastovaniya [Prince in the System of Social and Political Relationships of the Old Russian Society of the 6th to the 12th Century: Ruling Principles] / O.A. Plotnikova. Moskva : Moskovskiy gumanitarny` y universitet — Moscow : Moscow University for the Humanities, 2006.
7. Presnyakov A.E. Knyazhoye pravo Drevney Rusi. Ocherki po istorii X–XII stoletiy. Lektsii po russkoy istorii. Kievskaya Rus [Prince Law of the Ancient Rus. Sketches of History of the 10th to the 12th Century. Lectures on the Russian History. Kievan Rus] / A.E. Presnyakov. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1993. 632 s.
8. Rapov O.M. Knyazheskie vladeniya na Rusi v X — pervoy polovine XIII v. [Princely Domains in Rus in the 10th to the First Half of the 13th Century] / O.M. Rapov. Moskva : Izd-vo Moskovskogo un-ta — Moscow : Publishing house of the Moscow University, 1977. 261 s.
9. Rudnev L. O dukhovny`kh zaveschaniyakh po Russkomu grazhdanskomu pravu v istoricheskom razviti [On Last Wills and Testaments under the Russian Civil Law in the Historical Development] / L. Rudnev. Kiev : Tip. Un-ta sv. Vladimira — Kiev : Printing office of the St. Vladimir's University, 1894. 182 s.
10. Sverdlov M.B. Genezis i struktura feodalnogo obschestva v Drevney Rusi [The Genesis and Structure of the Feudal Society in the Ancient Rus] / M.B. Sverdlov ; pod redaktsiyey I.P. Shaskolskogo : Nauka : Leningr. отд. — edited by I.P. Shaskolskiy : Science : Leningrad department, 1983. 238 s.
11. Sverdlov M.B. Domongolskaya Rus. Knyaz i knyazheskaya vlast na Rusi VI — pervoy trety XIII vv. [Pre-Mongol Rus. Prince and Princely Rule in Rus in the 6th to the First Third of the 13th Century] / M.B. Sverdlov. Sankt-Peterburg : Akademicheskii proekt — Saint Petersburg : Academic Project, 2003. 734 s.
12. Tolochko A.P. Knyaz v Drevney Rusi: vlast, sobstvennost, ideologiya [Prince in the Ancient Rus: Power, Property, Ideology] / A.P. Tolochko ; otvetstvenny`y redaktor N.F. Kotlyar. Kiev : Naukova dumka — publishing editor N.F. Kotlyar. Kiev : Scientific Thought, 1992. 224 s.
13. Tsitovich P.P. Iskhodny'e momenty` v istorii russkogo prava nasledovaniya [Initial Moments in the History of the Russian Inheritance Law] / P.P. Tsitovich. Kharkov : Universitetskaya tip. — Kharkov : University Printing Office, 1870. 169 s.

Взаимосвязь формально-логической и диалектической методологии как условие эффективности познавательного потенциала теории государства и права

*Кулакова Юлия Юрьевна,
заместитель начальника кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
kulakova_crede@mail.ru*

Являясь методологической основой юриспруденции, теория государства и права сталкивается с объективно складывающимися реалиями современной общественной жизни: динамизмом, противоречивостью, изменчивостью, стохастичностью и т.п. Такие вызовы с необходимостью требуют адекватных и равнозначных методологических ответов, что прежде всего связано с потребностью в плюрализме, интегративности и открытости познавательного инструментария. Одним из способов совершенствования существующей общей методологии теории государства и права является выполняющий компенсаторную функцию синтез противоположных друг другу, но именно поэтому взаимообогащающих и взаимодополняющих, формально-логической и диалектической методологий. Анализ особенностей механизма данного взаимодействия выступил основной целью настоящего исследования. Методологической основой работы стали элементы диалектической и формально-логической методологий.

***Ключевые слова:** правовая теория, методология, метод исследования, формально-логическая методология, анализ, синтез, диалектическая методология, метод сравнения, синергетика, кибернетика, инновации в праве.*

The Interrelation between the Formal Logical and Dialectic Methodology as a Condition of Efficiency of the Cognitive Potential of the Theory of State and Law

*Kulakova Yulia Yu.
Deputy Head of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law), Associate Professor*

Being the methodological basis of jurisprudence, theory of state and law faces objective realia of the modern social life: dynamics, incoherence, variability, randomness, etc. Such challenges require adequate and equivalent methodological responses, which is primarily related to the need for pluralism, integrity and transparency of cognitive instruments. One of the means of improvement of the existing general methodology of theory of state and law is the synthesis of opposite, but for this very reason mutually enriching and mutually reinforcing formal logical and dialectic methodologies, performing the compensatory function. The analysis of peculiarities of such interaction mechanism is the main purpose of this study. The elements of the formal logical and dialectic methodologies constitute the methodological basis of the research.

***Keywords:** legal theory, methodology, research method, formal logical methodology, analysis, synthesis, dialectic methodology, method of comparison, synergetics, cybernetics, innovations in law.*

Теория государства и права — это методологическая и мировоззренческая основа юридической науки, развитие которой напрямую зависит от адекватности и достаточности подобранного

исследовательского инструментария. В рамках теории права разрабатываются и совершенствуются методы, способы и средства изучения общественных отношений отраслевыми и специально

прикладными направлениями юриспруденции. Динамичность, плюрализм, открытость и коммуникабельность (по отношению ко всем иным современным областям познания) данной науки — предпосылки применения в рамках юриспруденции достаточного, с качественной и количественной точек зрения, комплекса методов исследования. Так, характер и степень конгруэнтности методологии всех сфер юридической науки прямо пропорциональны уровню развития методологии теории государства и права.

Между тем многообразие форм общественных отношений и детерминируемых ими форм общественной жизни, научный прогресс, сложность окружающего мира, неоднозначность соотношения основных социальных регуляторов приводят к необходимости коренного пересмотра средств познания действительности. Это обстоятельство в том числе касается теории государства и права.

Необходимо отметить, что методологический «арсенал» данной науки достаточно разнообразен. Так, активно используются методы всех уровней: как всеобщие методы познания (диалектический, метафизический), общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция и иные составляющие формально-логического методологии), частно-научные (статистический, математический, системный, структурно-функциональный, исторический и др.), так и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический и т.д.). Кроме того, классический «набор» средств и способов исследования дополняется инновационными методами (кибернетический, синергетический, дискурсивный и др.), что обусловлено тесным и перманентным взаимодействием теории права с недавно появившимися областями исследования окружающей действитель-

ности. Достаточно детально и глубоко разработаны принципы, концепты, гипотезы и иные составляющие основных теоретико-правовых методологий, что отражено в работах таких исследователей, как С.С. Алексеев, Н.А. Власенко, А.Ю. Гарашко, А.Д. Керимов, А.И. Клименко, В.П. Малахов, Н.Ф. Медушевская, М.В. Немытина, В.С. Нерсисянц, А.В. Поляков, Р.А. Ромашов, К.Е. Сигалов, В.М. Сырых, И.Л. Честнов, и мн. др.¹

Однако практико-ориентированность юриспруденции и необходимость удовлетворения потребностей правореализационной деятельности, зачастую в ущерб академическим разработкам, приводят к конфликту двух важнейших методологий теории государства и права: диалектической и формально-логической².

¹ См., напр.: Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Методологические проблемы правового знания. М.: Издательский дом «Граница», 2013; Методология изучения интеллектуально-духовных условий формирования гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 25–28; Ромашов Р.А. Эволюция методологии историко-теоретической юриспруденции в ходе циклических преобразований российского государства // Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований: материалы III Всероссийского круглого стола по общетеоретическим проблемам права. 2015. С. 31–40; Власенко Н.А. Методологическая результативность исследования определенности права // Правосудие в эпоху интеграции: сборник материалов международной научно-практической конференции / под ред. С.С. Бугровой. 2018. С. 51–63; Немытина М.В. Методологический смысл категории «юридическая конструкция» // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 528–532; Сырых В.М. Эволюция современной методологии правовой науки // Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований: материалы III Всероссийского круглого стола по общетеоретическим проблемам права. 2015. С. 5–75; и др.

² Диалектическая методология и методология диалектической логики рассматриваются нами как синонимы.

Диалектическая методология является всеобщей, то есть используемой не только во всех науках, но и применительно к любой сфере человеческой деятельности и законам природы философской системой средств и способов познания. Впервые данная методология появилась в античности, когда один из ее основателей — древнегреческий мыслитель Гераклит сформулировал учение о всеобщем развитии и движении, единстве и борьбе противоположностей. Такое учение было еще достаточно поверхностным и неструктурированным, но уже представляло собой конструктивное философское начало, получившее в дальнейшем развитие в трудах выдающихся мыслителей истории человечества (Г. Гегель, Ф. Шеллинг, К. Маркс, Ф. Энгельс и др.). При этом наиболее ярко сущность диалектики представлена в научных исследованиях Г. Гегеля, где в форме квинтэссенции она отражена в трех предложенных им законах: единства и борьбы противоположностей, закона двойного отрицания и закона перехода количественных изменений в качественные. Диалектическая методология также позиционируется как всеобщий философский метод познания, поэтому многие свойства философии как учения, ставшего основой всей современной науки, имманентны и для данной методологии.

Формально-логический метод основывается на исторически оппозиционном диалектике метафизическом способе познания окружающей действительности, согласно которому природа и все сущее, появившись единожды, в дальнейшем находятся в статичном состоянии и не способны к развитию, и считается исключительно научным методом. Эта методология также происходит из Древней Греции, где в трудах Аристотеля закрепляются ее принципиальные основы. Но в более систематизированном виде ло-

гика предстает лишь в XVII в. в работах Ф. Бэкона, Д.С. Милля, Р. Декарта, М.В. Ломоносова и др.

В настоящее время формально-логическая методология основывается на законах и категориях, разработанных в рамках науки формальной логики, согласно которой природа и жизнь общества строятся по принципу всеобщего детерминизма, то есть всякое явление имеет строго свою причину и следствие, развитие происходит линейно и практически полностью предсказуемо. Важнейшими составляющими формальной логики являются понятие, суждение и умозаключение, подчиняющиеся принципам логичности, обоснованности, аргументированности, последовательности и т.п. Законы формальной логики включают законы тождества, исключенного третьего, достаточного основания и непротиворечия, по своему содержанию во многом противоположные вышеуказанным законам диалектики.

На отдельных этапах развития науки было достаточно использования одной из разновидностей указанных методологий. Однако существующие в настоящее время методологические вызовы науки детерминируют необходимость отказа от монизма и целесообразность активизации комплексных интегративных подходов, обеспечивающих на основе принципа плюрализма идейную достаточность и адекватность складывающимся условиям познавательного процесса. Одним из способов разрешения методологических конфликтов выступает определение сущностных оснований и направлений взаимосвязи двух полярно противоположных, вместе с тем фундаментальных как по длительности существования, содержательному масштабу, так и по системному подходу методологий. Интегрирование данных методологий может выступить основой для корреляции и взаимодополнения не только двух различных инструменталь-

ных систем познания, но и двух полярно отличающихся друг от друга способов правового мышления, находящих отражение в восточном и западном типах правосознания. Так, рефлексия и рецепция восточным правосознанием, с преобладанием диалектического взгляда на право, основ западного — с преобладанием формального подхода к праву и закрепившемуся позитивистскому взгляду на данную форму общественного сознания, наоборот, будут способствовать их большей открытости и взаимодействию. Между тем применительно к теории государства и права следует говорить в основном о компенсаторной роли диалектики применительно к формальной логике, что связано с имманентностью для права как особой сферы общественного сознания строго детерминированных и формализованных характеристик.

Соответственно, основными направлениями взаимосвязи формально-логической и диалектической методологий являются следующие.

Во-первых, диалектическая методология способна компенсировать чрезмерность проявления формализма формально-логической методологии при помощи имплементации содержательных оснований³ (акцентирование внимания не только на оформлении процесса познания, внешнем выражении его предмета, но и на его основных сущностных проявлениях). В то же время формально-логическая методология сможет разумным образом ограничивать и задавать конкретные рамки реализации абстрактным проявлениям диалектики.

Во-вторых, стремление к непротиворечивости, логичности и стройности формально-логической методологии целесообразно дополнить элементами

алогичности, стохастичности и коллизиионности, имманентными диалектическим методам познания, что обеспечит ей большую приспособляемость и органичность, стойкость к возможным форс-мажорам. Но при этом следует иметь в виду природу юридической науки, для которой свойственно стремление к строгой упорядоченности, формализму и недвусмысленности, которые даже при рецепции отдельных составляющих диалектической методологии должны быть на первом месте⁴. Так, полагаем, для юридической практики, отраслевых юридических наук и юриспруденции в образовательном масштабе целесообразнее применение преимущественно формально-логической методологии, тогда как для науки теории государства и права значимы философские, диалектические начала, способствующие качественному развитию и фундаментальным изменениям.

В-третьих, холизм как основа диалектического мировоззрения, то есть восприятие окружающего как единого организма, системы, элементы которой соединены множеством различного рода связей и когеренций, органично соразмерит избыточную предметную узконаправленность формально-логической методологии, акцентирование исключительно на предмете, без учета внешних факторов и явлений, надсистемных взаимодействий⁵.

В-четвертых, развитие, перемены и трансформации явлений природы и жизни общества, в контексте диалектической методологии, естественны, стихийны и неотвратимы⁶. Между тем фор-

³ См.: Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

⁴ См.: Малахов В.П., Мамонтов А.Г., Клименко А.И., Лановая Г.М., Сидорова Е.В. История и методология юридической науки. М.: МосУ МВД России, 2013.

⁵ См.: Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

⁶ См.: Гарашко А.Ю. «Черные лебеди» в праве, или О методологических заблуждениях

мальная методология ориентирована прежде всего на статичность и предсказуемость. В этой связи актуальным представляется синтез двух данных противоположных начал для формирования такой методологии, которая, с одной стороны, была бы приспособлена к всеобщему развитию окружающего мира, динамизму общественной жизни и отношений, а с другой стороны, направлена на их упорядоченность и стабильность.

В-пятых, формально-логическая методология замкнута на теоретических закономерностях, дефинициях, типах, формах, структурах и т.п. оторванных от эмпирических исследований феноменов. Между тем «приблизить ее к жизни» способна диалектическая составляющая, учитывающая дифференциацию права и закона, права в реальности (фактического) и права в идее и документах (юридического), планы законодателя и общественные последствия принимаемых им нормативных правовых актов, а также естественную трансформацию общественной жизни, не связанную с правовыми основами, и т.д.

В-шестых, формально-логическая методология призвана приспособлять частное под общее при приоритете последнего. Потребности общества, надындивидуальное рассматриваются как более важные. Между тем принципы справедливости, равенства, свободы и т.п. направлены и на удовлетворение интересов отдельных личностей, учет их внутренних способностей и качеств. Тем самым диалектическая методология способна выступить нравственным основанием для применения формально-логического подхода в праве.

В-седьмых, гибкость и пластичность диалектического мышления естественным и наиболее оптимальным образом компенсируют излишнюю прямолиней-

ность и ригидность природы юридической науки, выраженной в том числе в формально-логических методах познания.

В-восьмых, механицизм формальной логики следует уравновесить принимаемой диалектической моделью познания синергетикой⁷, которая представляет собой учение о способности отдельных видов систем к саморазвитию и самоуправлению. Так, диалектическая методология признает принципиальную невозможность окончательного и полного познания окружающей природы и явлений общественной жизни, так как каждое из них уникально, формировалось в собственной среде и к тому же в отдельных случаях способно самостоятельно и каждый раз по-разному реагировать на внешнее воздействие.

В-девятых, целью формальной логики служит корректность и последовательность суждений и умозаключений, в случае с юридической наукой ограниченных нормативными рамками и юридическими понятиями; цель диалектики более абстрактна и привязана к истине или по крайней мере стремлению приблизиться к ней, не лимитирована понятиями какой-либо одной формы общественного сознания, формальными процедурами, оперирует категориями и концептами.

В-десятых, диалектика — рефлексивна, надсистемна, так как исследует не только сами закономерности мышления, но и закономерности размышления о закономерностях мышления, имея в виду как объект, так и субъект познания, условия и факторы, воздействующие на них, развитие и изменчивость окружающего мира, наступление сложно прогнозируемых феноменов. В то время как

правовой науки // Юридическое образование и наука. 2017. № 5. С. 44–48.

⁷ См.: Кулакова Ю.Ю., Чувальникова А.С. Возможности использования синергетического подхода в исследовании права // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 40–43.

формальная логика оперирует объективными, существующими в данное место, данное время и при данных условиях явлениями.

Таким образом, выступая одной из составляющих юриспруденции, теория государства и права прежде всего должна руководствоваться формально-логической методологией, отвечающей целям и задачам права в существующих условиях. Вместе с тем анализ основных направлений взаимосвязи формально-логической и диалектической методологий позволил прийти к выводу о необходимости их когеренции как важнейшего условия эффективности познавательного потенциала теории государства и права в качестве методологической и мировоззренческой основ юридической науки. Так, диалектическая логика при полном

отрицании формальной логики становится иррациональной, безграничной, бесконечно абстрактной и констатирующей принципиальную невозможность, а значит, бессмысленность познания действительности. В свою очередь, формальная логика в крайних вариантах своего проявления предстает как догма, теоретическое, ригидное, узконаправленное и ограниченное умствование, далекое от реальных общественных отношений. Также необходимо иметь в виду, что такая взаимосвязь при целесообразных взаимных рецепциях и имплементациях не должна приводить к излишнему, до неузнаваемости смешению двух методологий, каждая из которых по своему уникальна, неповторима и применима к условиям той или иной познавательной ситуации.

Литература

1. Власенко Н.А. Методологическая результативность исследования определенности права / Н.А. Власенко // Правосудие в эпоху интеграции : материалы международной научно-практической конференции (г. Суздаль, 31 мая — 3 июня 2017 г.) / под редакцией С.С. Бугровой. Москва : РГУП, 2018. С. 51–63.
2. Гарашко А.Ю. «Черные лебеди» в праве, или О методологических заблуждениях правовой науки / А.Ю. Гарашко // Юридическое образование и наука. 2017. № 5. С. 44–48.
3. Гарашко А.Ю. Особенности системных свойств источников права : диссертация кандидата юридических наук / А.Ю. Гарашко. Москва, 2013. 167 с.
4. Кулакова Ю.Ю. Возможности использования синергетического подхода в исследовании права / Ю.Ю. Кулакова, А.С. Чувальникова // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 40–43.
5. Малахов В.П. История и методология юридической науки : учебное пособие / В.П. Малахов [и др.]. Москва : МосУ МВД России, 2013. 154 с.
6. Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография / В.П. Малахов, Н.Д. Эриашвили. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 430 с.
7. Медушевская Н.Ф. Методологические проблемы правового знания : монография / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов. Москва : Граница, 2013. 175 с.
8. Медушевская Н.Ф. Методология изучения интеллектуально-духовных условий формирования гражданского общества / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 25–28.
9. Немьгина М.В. Методологический смысл категории «юридическая конструкция» / М.В. Немьгина // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 528–532.
10. Ромашов Р.А. Эволюция методологии историко-теоретической юриспруденции в ходе циклических преобразований российского государства / Р.А. Ромашов // Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований : материалы III Всероссийского круглого стола по общетеоретическим проблемам права (г. Казань, 1 октября 2015 г.) / ответственные редакторы О.Ю. Рыбакова, Р.Ф. Степаненко. Казань : ТИСБИ, 2015. С. 31–40.
11. Сырых В.М. Эволюция современной методологии правовой науки / В.М. Сырых // Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований : материалы III Всероссийского круглого стола по общетеоретическим проблемам права (г. Казань, 1 октября 2015 г.) / ответственные редакторы О.Ю. Рыбакова, Р.Ф. Степаненко. Казань : ТИСБИ, 2015. С. 59–75.

References

1. Vlasenko N.A. Metodologicheskaya rezultativnost issledovaniya opredelennosti prava [Methodological Efficiency of the Research of Legal Certainty] / N.A. Vlasenko // *Pravosudie v epokhu integratsii : materialy` mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (g. Suzdal, 31 maya — 3 iyunya 2017 g.) / pod redaktsiyey S.S. Bugrovoy. Moskva : RGUP — Justice in the Integration Epoch : files of the international scientific and practical conference (Suzdal, May 31 to June 3, 2017) / edited by S.S. Bugrova. Moscow : RSUJ, 2018. S. 51-63.
2. Garashko A.Yu. 'Cherny`e lebedi` v prave, ili O metodologicheskikh zabluzhdeniyakh pravovoy nauki [Black Swans` in the Law or on Methodological Misperceptions of the Legal Science] / A.Yu. Garashko // *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science*. 2017. № 5. S. 44-48.
3. Garashko A.Yu. Osobennosti sistemy`kh svoystv istochnikov prava : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Peculiarities of Systemic Attributes of Legal Sources : thesis of PhD (Law)] / A.Yu. Garashko. Moskva — Moscow, 2013. 167 s.
4. Kulakova Yu.Yu. Vozmozhnosti ispolzovaniya sinergeticheskogo podkhoda v issledovanii prava [The Possibility of Application of the Synergetic Approach to the Research of Law] / Yu.Yu. Kulakova, A.S. Chuvalnikova // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. № 12. S. 40-43.
5. Malakhov V.P. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki : uchebnoe posobie [History and Methodology of the Legal Science : textbook] / V.P. Malakhov [i dr.]. Moskva : MosU MVD Rossii — V.P. Malakhov [et al.]. Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 154 s.
6. Malakhov V.P. Metodologicheskie i mirovozzrencheskie problemy` sovremennoy yuridicheskoy teorii : monografiya [Methodological and Worldview Issues of the Modern Legal Theory : monograph] / V.P. Malakhov, N.D. Eriashvili. Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : UNITI-DANA, 2012. 430 s.
7. Medushevskaya N.F. Metodologicheskie problemy` pravovogo znaniya : monografiya [Methodological Issues of Legal Knowledge : monograph] / N.F. Medushevskaya, K.E. Sigalov. Moskva : Granitsa — Moscow : Border, 2013. 175 s.
8. Medushevskaya N.F. Metodologiya izucheniya intellektualno-dukhovny`kh usloviy formirovaniya grazhdanskogo obschestva [Methodology of Research of Intellectual and Spiritual Conditions of the Establishment of the Civil Society] / N.F. Medushevskaya, K.E. Sigalov // *Grazhdanskoe obschestvo v Rossii i za rubezhom — Civil Society in Russia and Abroad*. 2015. № 3. S. 25-28.
9. Nemytina M.V. Metodologicheskii smy`sl kategorii `yuridicheskaya konstruktziya` [Methodological Meaning of the Legal Structure Category] / M.V. Nemytina // *Yuridicheskaya tekhnika — Legal Writing*. 2013. № 7-2. S. 528-532.
10. Romashov R.A. Evolyutsiya metodologii istoriko-teoreticheskoy yurisprudentsii v khode tsiklicheskikh preobrazovaniy rossiyskogo gosudarstva [Evolution of Methodology of Historical and Theoretical Jurisprudence in the Course of Cyclic Transformations of the Russian State] / R.A. Romashov // *Sovremenny`e tendentsii v evolyutsii metodologii pravovy`kh issledovaniy : materialy` III Vserossiyskogo kruglogo stola po obshcheteoreticheskim problemam prava* (g. Kazan, 1 oktyabrya 2015 g.) / otvetstvenny`e redaktory` O.Yu. Ry`bakova, R.F. Stepanenko. Kazan : TISBI — Modern Tendencies in the Evolution of the Legal Research Methodology : files of the III all-Russian round table on general theoretical legal issues (Kazan, October 1, 2015) / publishing editors O.Yu. Rybakova, R.F. Stepanenko. Kazan : TISBI, 2015. S. 31-40.
11. Syrykh B.M. Evolyutsiya sovremennoy metodologii pravovoy nauki [Evolution of the Modern Methodology of the Legal Science] / B.M. Syrykh // *Sovremenny`e tendentsii v evolyutsii metodologii pravovy`kh issledovaniy : materialy` III Vserossiyskogo kruglogo stola po obshcheteoreticheskim problemam prava* (g. Kazan, 1 oktyabrya 2015 g.) / otvetstvenny`e redaktory` O.Yu. Ry`bakova, R.F. Stepanenko. Kazan : TISBI — Modern Tendencies in the Evolution of the Legal Research Methodology : files of the III all-Russian round table on general theoretical legal issues (Kazan, October 1, 2015) / publishing editors O.Yu. Rybakova, R.F. Stepanenko. Kazan : TISBI, 2015. S. 59-75.

Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

Нация и личность

*Рымарь Светлана Викторовна,
доцент Муромского института (филиал)
Владимирского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент
svetlavir@mail.ru*

В статье содержится критика мифических, в сущности условных, либеральных представлений о русской нации. В своей критике автор опирается на идеи выдающихся русских филологов, языковедов, писателей, философов, этнологов.

Ключевые слова: народ, народность, нация, племя, человечество, человек, идентичность, личность.

Nation and an Individual

*Rymar Svetlana V.
Associate Professor of the Murom Institute (Branch) of the Vladimir State University
PhD (Philology), Associate Professor*

The article contains a criticism of the mythical, in fact, conditional liberal ideas about the Russian nation. In his criticism the author relies on the ideas of outstanding Russian philologists, linguists, writers, philosophers, ethnologists.

Keywords: people, nationality, nation, tribe, humanity, man, identity, personality.

Человека как индивидуальную личность формирует его принадлежность к определенной нации. В личности конкретно в той или другой степени находят выражение природные, антропологические, духовные, общественные и иные качества народа, к которому данная личность принадлежит. Национальные признаки человек получает как по наследственности, так и путем овладения в своей жизни и деятельности принятыми в данном национальном сообществе языком, образом жизни, стереотипами поведения, культурой, навыками труда, картиной мира, нравственными, этическими и другими нормами. Нет вненациональной личности. Именно личность является носителем народности, образование которой, по А.А. Потебне, происходит вместе с языком, т.е. ее истоки уходят в глубокую древность. Эти принятые и усвоенные в родной национальной среде нормы жизни подчиняют поведение личности и делают его автоматическим, бессознательным. Усвоенные таким образом нормы жизни, сте-

реотипы поведения и проч. становятся формой жизни и деятельности человека в пределах его родной нации.

В этом отношении национальная принадлежность личности, т.е. ее народность, напоминает язык. Народность, как и язык, есть единство формы и содержания. Владеть языком — это значит владеть прежде всего его формой, которую по условиям речи «заполняем» тем или другим конкретным содержанием. Когда мы говорим, мы не задумываемся над тем, какие фонемы, морфемы, модели словосочетаний и предложений будем применять, в каких значениях будем употреблять слова и др. Все эти элементы языка и правила их применения мы усвоили в раннем детстве и используем их автоматически, бессознательно, освобождая умственную энергию для творческой, речевой деятельности.

Подобным же образом человек в своей родной национальной среде не задумывается над тем, что он будет вести себя как русский, француз или немец. Он живет среди людей своего народа, у

которого в течение столетий выработались образ жизни, стереотипы поведения и проч. Он пользуется ими, как и в случае с языком, автоматически, бессознательно, и тем самым также освобождает свои умственные усилия для самостоятельной, личной деятельности. Он не рефлексировал в своей родной национальной среде по тому поводу, что он русский, француз или немец. И в этом отношении народность также выступает формой.

Попадая же в чужую национальную среду с другим бытом, психологией, стереотипами поведения, отношениями в семье и обществе и проч., человек сразу же ощущает отличие своей национальности от народности чужой страны, в какой он оказался. Мы уже не говорим о различии языков, которое ощущается в первую очередь.

Многие русские мыслители последовательно проводили параллель между развитием народа и народности, с одной стороны, и личностью — с другой.

Белинский много внимания уделял диалектическому взаимодействию: личность — народность (национальность) — человечество. Важность этих категорий вскрывается в органической их связи и взаимообусловленности: «Что личность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества. Другими словами, народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов...»¹ Особенности человеческие черты народ выработывает своей историей: «...Человеческое приходит к народу не извне, а из него самого, и всегда проявляется в нем национально... Что человек без личности, то народ без

национальности... Наше время есть по преимуществу время сильного развития национальностей»².

Личность и нация кровно связаны между собой, и национальные черты особенно ярко проявляются у великих представителей народа. «Что касается до великих людей, — продолжал Белинский, — они по преимуществу дети своей страны. Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собою свой народ»³.

И.А. Ильин утверждал: «Истинное... величие всегда почвенно. Подлинный гений национален»⁴.

А.А. Потебня, как и другие отечественные мыслители, считал, что дифференциация и развитие народов сопровождается обособлением в них личности. Общечеловечность, о которой писали в его время либералы-западники, проявляющаяся в сглаживании различий между народами, можно представить, по Потебне, только «позади нынешнего уровня развития человечества»⁵. Именно первобытная эпоха, когда народы своими нравами, духовной жизнью мало разнятся между собой, есть «эпоха решительного несуществования личности»⁶.

С.Н. Булгаков, говоря о том, что нации в конечном счете образуются на основе родственных связей (ср. также — С.Н. Трубецкой, О. Шпенглер и др.), замечает, что существует в народном общении расхожее выражение — «национальное чувство». Это довольно точное обозначение того состояния и отношения человека к своей нации, которое подобно таким выражениям, как «мате-

¹ Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. III. М., 1948. С. 662.

² Там же. С. 663.

³ Там же. С. 664.

⁴ Ильин И.А. Родина. Русская философия. Православная культура. М., 1992. С. 87.

⁵ Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1913. С. 220.

⁶ Там же. С. 220.

ринское чувство», «отцовское чувство», «сыновнее чувство». Эти названия выражают весьма большое содержание, которое трудно логически, формально определить, как человеку трудно определить свои чувства любви, дружбы и т.п. Но одновременно нельзя отрицать реальность таких чувств. Они движут, управляют жизнью и поступками людей.

Человек в своей жизни выступает как деятель, руководимый определенными идеями, волевыми импульсами, настроениями и т.д. Его сознание обусловлено его национальной принадлежностью.

Проблема нации неразрывно связана с проблемой личности, как тайна личности с тайной нации. В частности, С.Н. Булгаков замечает: «Ответить на вопрос, в чем тайна личности, значит духовно познать ее, а это познание есть такой внутренний интимный акт, который основывается только на духовном слиянии, на сокровенном касании душ, скорее непосредственном восприятии, нежели на рефлекслирующей деятельности рассудка»⁷.

С.Н. Булгаков решительно выступает против отрицания родового начала личности.

Весьма показательны в этом отношении суждения знаменитого историка В.О. Ключевского, высказанные в его специальной работе «Исторические портреты».

Известно, что тема «Роль личности в истории» была весьма популярна в марксистской философии и истории; однако в работах такого рода описывалась деятельность вождей, видных государственных руководителей преимущественно с точки зрения их роли в коммунистическом, общественном движении. Несомненно, это важный аспект изучения места личности в истории. Но при этом мало или вовсе не обращалось внимания на роль личности в духовном, нрав-

ственном, культурном и т.д. развитии конкретной нации, в нашем случае — русской, ее народности. Между тем в русской философии эта сторона вопроса занимала немалое место, а поэтому в ней говорилось не только о государственных деятелях и вождях. Тем самым существенно расширялось само историческое содержание и значение личности в истории нации. На духовное, нравственное, культурное развитие, а тем самым на ее самосознание оказывали влияние великие писатели, религиозные деятели, художники, композиторы, деятели искусств в широком смысле слова вплоть до «простых» людей в их труде и ратном деле нации. Таких примеров можно привести множество.

В.О. Ключевский пишет, что есть имена, которые жили в определенное историческое время, но «которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители». Это происходило потому, что дело, осуществленное таким человеком, «выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из постороннего деятеля превращалось в народную идею...»⁸. Такими историческими деятелями В.О. Ключевский считал Сергея Радонежского, Петра I и др.

Но если исторические деятели своим непосредственным делом создают «народную идею», то люди творческого, художественного начала так или иначе отражают эту «народную идею» в своем творчестве, находят черты ее содержания в душе, в мыслях, делах, психологии — в общем, в образе жизни изображаемых героев. Таковы Пушкин, Лермонтов, Гоголь, И. Тургенев, Л. Толстой и мн. др.

⁷ Булгаков С.Н. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 223.

⁸ Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 64.

По словам В.О. Ключевского, Пушкин имеет большое историческое значение: «Без Пушкина нельзя представить себе эпохи 20-х и 30-х годов, как нельзя без его произведений написать истории первой половины нашего века»⁹.

Более того, историческое, национальное значение имеют и литературные герои, созданные нашими выдающимися писателями, будучи типическим, художественным обобщением личности той или другой исторической эпохи. В.О. Ключевский рассматривает Евгения Онегина как русского человека, «который вырос в убеждении, что он вырос не европейцем, но должен стать им. Вот уже 200 лет этот тип господствует над остальными и по влиянию на наше общество, и по интересу для историка. Без его биографии пустует история нашего общества последних двух столетий. Около него сосредотачиваются, иногда от него исходят самые важные умственные, а подчас и политические движения»¹⁰. «Онегин — лицо, столь же историческое, сколько и поэтическое»¹¹.

В поэзии Пушкина конкретно выражается в единстве национальное и общечеловеческое. Через Пушкина, заключал В.О. Ключевский, мы лучше стали понимать чужое и серьезнее смотреть на свое.

Значительно позже сходную мысль высказывал академик В. Виноградов на основе своих фундаментальных исследований творчества Пушкина, и прежде всего его языка: «Пушкин доказал способность русского языка творчески освоить и самостоятельно, оригинально отразить всю накопленную многими веками словесно-художественную культуру Запада и Востока»¹².

⁹ Там же. С. 393.

¹⁰ Там же. С. 395.

¹¹ Там же. С. 388.

¹² Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 484.

В отражении и воспитании национальных качеств русского народа большую роль играют великие представители не только русской литературы, но и живописи, музыки, балета и других видов искусства.

Любая личность, а не только выдающаяся, своими корнями уходит в национальную почву, вне которой невозможны ни национальное творчество, ни национальная личность вообще. Эту сторону проблемы подчеркивали все выдающиеся отечественные мыслители.

С точки зрения рассматриваемой нами темы «Нация и личность» весьма показательна судьба крупнейшего русского прозаика и поэта В.В. Набокова. Он родился в примерной англофильской семье, которая ежегодно выезжала в Лондон из Петербурга и жила там порой продолжительное время. Родители, заметив, что к восьми годам сын лучше владеет английским языком, чем русским, поторопились отдать его для обучения в знаменитое Тенишевское училище. Таким образом, можно сказать, что В. Набоков с детства свободно владел английским и русским языками.

Литературную свою деятельность он начал в России, естественно, на русском языке и в эмиграции до 1942 г. писал только на русском. С переездом в Америку он начал писать свои произведения на английском. Однако в душе он оставался русским человеком, ностальгирующим по своей родине, по Петербургу, по своему дому, по имению Рождественно. Это так или иначе отражалось в его произведениях, в том числе написанных и на английском, но особенно в стихах на русском, созданных в поздние годы, что вполне естественно.

Поэтому вряд ли можно во всем согласиться с Н. Берберовой, когда она в очерке, посвященном В.В. Набокову, пишет о нем в ряду с некоторыми западными писателями: «Набоков — единственный из русских авторов (как в России,

так и в эмиграции), принадлежащий всему западному миру (или — миру вообще), не России только. Принадлежность к одной определенной национальности или к одному определенному языку для таких, как он, в сущности, не играет большой роли». Сравнивая Набокова с некоторыми западными писателями, Н. Берберова продолжает: «Язык для... Набокова перестал быть тем, чем он был в узконациональном смысле 80–100 лет тому назад. И языковые эффекты, и национальная психология в наше время, как для автора, так и для читателя, не поддержанные ничем другим, перестали быть необходимостью»¹³.

Сказанное о В. Набокове противоречит тому, что он сам говорил о себе, а также его творчеству как на русском, так и на английском языке. До конца своих дней он писал стихи на русском языке и очень хотел, чтобы его книги дошли до русского читателя. В эмиграции единственное, что осталось у него от Родины, — это русский язык, и ему он посвящает свое глубокое искреннее чувство любви и восхищения.

Стремление определенных политических, мистических сил нивелировать национальные особенности, пропаганда космополитизма под разными предлогами и теориями возникли не сегодня. Попытки же отдельных личностей следовать в своей жизни таким принципам объективно заканчивались для них трагически.

Разрыв с родной нацией и ее народностью в большей степени болезненно переносят люди творческие, которые выросли на родной почве и чье творчество своими корнями уходит в толщу народной жизни, неразрывно связано с психологией, сознанием народа.

Поскольку в природе нет чистых этносов, а следовательно, и чистых на-

ций, то с древних времен те или другие объективные или субъективные обстоятельства ставят перед любым человеком как личностью, оказавшейся в другой, чужой ему национальной среде, проблему приспособления к ней, ассимиляции либо, напротив, отторжения от нее.

В многонациональном государстве, каким были Российская империя и Советский Союз, межнациональные браки воспринимались, в общем, свободно, можно сказать, почти как обычное явление. Жизнь в такой стране по общегосударственным законам, со свободой передвижения и относительной свободой выбора места жительства, пользованием равными правами и обязанностями и т.д. заметно скрашивала в таком обществе, собственно, национальные различия людей, объединенных родственными, семейными узами.

Но в XX и XXI веках Россия пережила трагические события, в результате которых миллионы людей были вынуждены либо покинуть родину (Октябрьская революция 1917 г., первая эмиграция), либо после распада СССР оказаться на территориях новых государств, образовавшихся на месте советских республик, где они много лет прежде жили. Особенно в трудное положение попало более двадцати миллионов русских, неожиданно оказавшихся в недружелюбной, а то и во враждебной иной национальной среде. И в первом, и во втором случаях эти события породили массу человеческих трагедий. Оказавшись в чужой стране, люди по-разному воспринимали и переживали эту трагедию.

Наблюдая жизнь людей разных социальных и образованности в чуждой им национальной среде, А.А. Потемня отметил разную степень их устойчивости в своей народности. События XX–XXI вв. только подтвердили его наблюдения.

В истории Российской империи и Советского Союза XX и XXI вв. вопрос о взаимоотношении нации и лично-

¹³ Берберова Н. О Набокове // Набоков В. Тяжелый дым. М., 1996. С. 374.

сти приобрел, в силу известных обстоятельств, большую остроту. Русские люди разных профессий, оказавшись в эмиграции, на собственной судьбе испытали противоречие между с детства усвоенной русской народностью и той национальной средой, в какой не по своей воле им выпало жить. В результате первой русской эмиграции пределы России покинуло более двух миллионов человек. Жизнь вне пределов родины показала, что именно просвещенная их часть, представители интеллигенции: писатели, художники, деятели искусства, ученые — оказались устойчивыми в своей русской народности, создав за рубежом

творения, без которых история русской литературы, живописи, искусства, науки XX в. была бы неполной. Между тем огромная масса «простых» русских, т.е. людей нетворческих профессий, была в основном более подвержена ассимиляции другими нациями, послужив для них живительным этническим вливанием; хотя, разумеется, этот процесс проходил весьма болезненно.

Однако даже те деятели культуры, литературы, науки, которые когда-то из своих стран эмигрировали в Россию, но творчески выросли на русской почве, также болезненно переживали разрыв с жизнью и культурой русского народа.

Литература

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 3 томах. Т. 3. Статьи и рецензии / В.Г. Белинский ; под общей редакцией Ф.М. Головенченко. Москва : Гослитиздат, 1948. 928 с.
2. Берберова Н. О Набокове / Н. Берберова // Набоков В. Тяжелый дым : избранная проза. Москва : АИР, 1996. 379 с.
3. Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. Избранные статьи / С.Н. Булгаков ; вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И.Р. Бородянской. Москва : Наука, 1993. 751 с.
4. Виноградов В.В. Стиль Пушкина / В.В. Виноградов. Москва : Гослитиздат, 1941. 620 с.
5. Ильин И.А. Родина. Русская философия. Православная культура / И.А. Ильин. Москва : [б.и.], 1992. 160 с.
6. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В.О. Ключевский ; издание подготовлено, вступительная статья, примечание : В.А. Александров. Москва : Правда, 1990. 622 с.
7. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. 3-е изд., дополнительные статьи «Язык и народность» и «О национализме». Харьков : Тип. «Мирный труд», 1913. 225 с.

References

1. Belinskiy V.G. Sbranie sochineniy. V 3 tomakh. T. 3. Statyi i retsenzii [Collection of Works. In 3 volumes. Vol. 3. Articles and Reviews] / V.G. Belinskiy ; pod obschey redaktsiyey F.M. Golovenchenko. Moskva : Goslitizdat — under the general editorship of F.M. Golovenchenko. Moscow : State Fiction Publishing House, 1948. 928 s.
2. Berberova N. O Nabokove [About Nabokov] / N. Berberova // Nabokov V. Tyazhely`y dy`m : izbrannaya proza. Moskva : AIR — V. Nabokov. Heavy Smoke : selected prose. Moscow : AIR, 1996. 379 s.
3. Bulgakov S.N. Sochineniya v dvukh tomakh. T. 2. Izbranny`e statyi [Writings in Two Volumes. Vol. 2. Selected Articles] / S.N. Bulgakov ; vstupilnaya statya, sostavlenie, podgotovka teksta i primechaniya I.R. Borodyanskoy. Moskva : Nauka — introductory article, compiling, text preparation and commentaries by I.R. Borodyanskaya. Moscow : Science, 1993. 751 s.
4. Vinogradov V.V. Stil Pushkina [Pushkin's Style] / V.V. Vinogradov. Moskva : Goslitizdat — Moscow : State Fiction Publishing House, 1941. 620 s.
5. Ilyin I.A. Rodina. Russkaya filosofiya. Pravoslavnyaya kultura [Motherland. Russian Philosophy. Orthodox Culture] / I.A. Ilyin. Moskva : [b.i.] — Moscow : [no publishing house indicated], 1992. 160 s.
6. Klyuchevskiy V.O. Istoricheskie portrety` . Deyateli istoricheskoy my`sl i [Historical Portraits. Figures of Historical Thought] / V.O. Klyuchevskiy ; izdanie podgotovleno, vstupilnaya statya, primechanie : V.A. Aleksandrov. Moskva : Pravda — edition preparation, introductory article, commentary : V.A. Aleksandrov. Moskva : Truth, 1990. 622 s.
7. Potebnya A.A. My`sl i yazy`k [Thought and Language] / A.A. Potebnya. 3-e izd., dopolnitelny`e statyi 'Yazy`k i narodnost` i 'O natsionalizme'. Kharkov : Tip. 'Mirny`y trud' — 3rd edition, additional articles Language and Nationality and On Nationalism. Kharkov : Peaceful Labor printing office, 1913. 225 s.

Правовые основы семейных отношений и духовное наследие

Юсупова Нигора Жалолiddин кизи,
доцент Международной исламской академии Узбекистана,
кандидат юридических наук
nigora.jaloliddin.qizi@mail.ru

На сегодняшний день актуально исследовать историко-правовые и культурно-нравственные аспекты семейных отношений в исламском праве, а также их урегулирование с общесоциальными, общественно-историческими, социально-экономическими, правовыми, просветительско-организационными основами. В данной статье рассматриваются семейные правила в исламе и анализируются их значимость и роль, своеобразные свойства, социально-экономические, культурно-просветительские основы которых очень эффективны при воспитании членов семьи в духе национальной идеи, ценностей и патриотизма.

Ключевые слова: семейные проблемы, брачные отношения, права женщин, семейное право, Коран, хадисы.

Legal Bases of Family Relationships and Spiritual Heritage

Yusupova Nigora Zh.
Senior Lecturer of the International Islamic Academy of Uzbekistan
PhD (Law)

Today, it is important to examine the historical, legal, cultural and moral aspects of family relations in Islamic law, as well as their settlement with general social, socio-historical, socio-economic, legal, educational and organizational bases. This article examines and analyzes the importance and role of family rules in Islam, its peculiar properties, socio-economic, cultural and educational bases that are very effective in educating members of the family in the spirit of a national idea, values and patriotism.

Keywords: family problems, matrimonial relationships, women rights, family law, Qur'an, Hadiths.

Семейное право является одним из древних отраслей права, его формирование и развитие связано с далеким прошлым. С древних времен у всех народов и наций, проживающих на Земле, особое внимание обращалось на организацию семьи, являющейся первичной ячейкой и опорой общества, на ее укрепление, точное определение прав и обязанностей членов семьи, воспитание детей, развод, правовое упорядочивание социальных отношений, связанных с его последствиями.

В частности, ведущая сфера исламского права, которая формировалась начиная с VII в., развиваясь веками, стала одной из систем современного права — семейным правом. Религия ислам резко отличается от других правовых систем своей всесторонней и глубокой разра-

боткой вопроса об упорядочивании семейных отношений. Ислам заслуживает внимания в семейном праве наличием совершенного механизма упорядочивания отношений, связанных с созданием семьи, бережным хранением ее святости, условиями фиксирования брака, ситуациями, препятствующими созданию семьи, взаимными правами и обязанностями супругов, воспитанием ребенка, опекуном и эгидой.

Как известно, семья в качестве естественного основного компонента общества регулируется действующими законами, обычаями и религиозными правилами. На современном этапе развития нашего общества, в процессе оздоровления духовности, в частности религиозной грамотности узбекского народа, научный анализ правил ислам-

ского учения, касающихся семейных отношений, становится социальной необходимостью. По этой причине сегодня имеет огромное значение изучение общественно-социальных аспектов семейных отношений в исламе, их культурно-духовных особенностей и специфики регулирования семейных отношений с социально-экономической, правовой, просветительско-организационной сторон на основе главных источников исламского права и научных наследий исламских правоведов. Потому что исламские правоведы нашей страны в своих произведениях, досконально исследуя правовые нормы по семейным отношениям, намеченные в шариате, даже старались согласовать некоторые критерии с местными условиями. Именно поэтому «имена Имам Бухари, Бурханиддин Маргинони, Иса и Хахим Термизи, Махмуд Замахшари, Мухаммад Кафтол Шоши, Бахоуддин Накшбанд, Ходжа Ахрар Вали, Мухаммад Харазми, Ахмад Фаргани, Абу Райхан Беруни, Абу Али ибн Сина, Мирза Улугбек, Алишер Навои и многие другие гении вписаны золотыми буквами не только в историю ислама, но и в историю мировой цивилизации. С этой точки зрения заслуживает отдельного внимания глубокое изучение, всестороннее усвоение и широкое распространение произведений мыслителей исламского мира, которые были нашими великими предками, их бесценный вклад в развитие общемировой цивилизации. Данный вопрос важен для усиления чувства стремления молодежи к науке и образованию, правильного осознания и восприятия исламских ценностей и культуры во всех обществах, для доведения до всех народов мира настоящей сути и содержания религии ислам»¹. Пока данные положе-

ния недостаточно проработаны и охарактеризованы.

Надо отметить, что совершенствование семейных отношений связано с обычаями, религиозными взглядами и положениями народов каждого государства. С этой точки зрения, с учетом того что сегодня некоторые обычаи рассматриваются как догма, религиозные правила толкуются неправильно. Необходимо изучение различных теорий по политическим и правовым учениям о семейных отношениях и сбор правового комплекса, который исторически существовал по семейным отношениям в исламе, изучение положений норм по семейным отношениям в исламе с развитием общества, их внедрение в процесс образования и введение в научный оборот. Такой подход к проблеме диктуется следующим.

Во-первых, на основе современных концепций о семье изучение и исследование сущности исламских правовых норм по семейным отношениям с точки зрения Священного Корана и Хадисов, которые считаются основными источниками и принципов, приведенных в произведениях известных исламоведов, и основных институтов семейного права, дает возможность определить, какие права и свободы являются универсальными, а какие можно учитывать с позиций традиции, культуры, религии и обычаев специфики того или иного общества. Здесь необходимо подчеркнуть, что успех демократических реформ в основном зависит от благополучного образа жизни семьи в обществе. Поэтому требуется определение факторов, влияющих на активность членов семьи во всех сферах общественной жизни, учет общесоциальных и национально-религиозных особенностей в ней, разработка теоретических выводов и практических предложений.

¹ Мирзиеев Ш.М. Речь на церемонии открытия 43-й сессии Совета министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества. 18.10.2017. URL: <http://uza.uz/oz/politics/>

Во-вторых, после достижения независимости Республика Узбекистан поставила перед собой цель построения гуманного демократического правового государства и гражданского общества. Закрепила в ст. 65 своего основного закона: «Граждане независимо от происхождения и гражданского состояния равны перед законом. Материнство и детство защищается государством». В статье 66: «Взрослые, трудоспособные дети должны заботиться о родителях». За годы независимости в стране осуществлены великие реформы по достижению этой цели и по реализации в жизнь семейных положений, закрепленных в основном законе. Достигнутые широкомасштабные победы, которые нельзя достигнуть за века. Очередная задача — это укрепление независимости, совершенствование построения гуманного правового демократического государства и гражданского общества. В выполнении данной задачи имеют важное значение укрепление семьи, которая является основной ячейкой общества, обеспечение ее стабильности, защита ее святости, воспитание гармонично развитого человека в семье, гарантирование на практике защиты материнства и детства. История свидетельствует, что в данных вопросах на территории нашего государства в течение 14 веков обретенны великие достижения и накоплен огромный опыт в исламском семейном праве, которое регулировало семейные отношения. По этой причине, для того чтобы приобрести глубокое знание об исламском праве, необходимы понятия о его важной отрасли — семейном праве, т.е. о его возникновении, сущности, специфике, институтах, понятия о семье в исламе; об основных принципах исламского права; бракосочетании, порядке бракосочетания; условиях законности брачного договора; субъектах брачного договора; возрасте субъектов; добро-

вольности субъектов при вступлении в брак; участии опекунов в брачном договоре; свидетелях; личных правах и обязанностях супругов, об имущественных правах и обязанностях; основах аннулирования брака; видах аннулирования брака и об их правовых последствиях; разводах в судебном порядке; недействительности брака; родственности и ее видах; о принадлежности ребенка; об основах лишения прав опекунства; имущественных правах и обязанностях родителей и детей; о кормлении чужого ребенка грудью и о его правовых последствиях; обеспечении пособием; усыновлении, об опекунстве.

В-третьих, имеет особое теоретическое значение изучение взглядов на семейные отношения, лежащие в основе наших духовных ценностей. Изучение исламского семейного права создает фундамент для исследователей по глубокому изучению в целом понятия права, его сущности, места в жизни общества для дальнейшего расширения и содержательного обогащения взглядов, знаний, мнений о месте семейного права в укреплении основ общества и государственности, в регулировании отношений между супругами, родителями и детьми, в воспитании детей.

В-четвертых, в исламе жизненно важное значение имеет изучение принципов семейного отношения. Дело в том, что сегодня в нашей стране семейные отношения и светское законодательство регулируются нормативно-правовыми актами, принятыми уполномоченными органами государства.

Однако нельзя отрицать влияния роли исламского права на повседневные семейные отношения в нашей стране, где более 90% населения составляют мусульмане. Это особенно ярко проявляется в таких ситуациях, как регистрация брака, во взаимоотношениях между супругами, воспитании детей, при ан-

нулировании брака (вопрос талака), соблюдении сроков идды. В связи с этим наличие точного и верного понятия о нормах исламского права является жизненной необходимостью.

В-пятых, изучение взглядов по семейным отношениям в исламском праве, в частности в произведениях ученых нашей страны, также имеет существенное значение в сфере законотворчества и применения правовых норм. Потому что в произведениях исламоведов, выросших в нашей стране, имеются идеи и соображения, которые не теряют своего значения и сейчас, и в будущем, — о месте и роли семьи в жизни общества, о сохранении святости семьи, ее укреплении, об условиях и порядке оформления брака, о супружестве, уходе за ребенком и его воспитании, опекуновстве. Их можно аналитически применять для совершенствования современного семейного законодательства, повышения уровня правового воспитания и культуры.

В-шестых, также имеет важное политическое значение изучение исламского семейного права, которое регулировало семейные отношения в течение веков в Узбекистане, где существует самосознание, т.е. объективное и глубокое изучение истории народа, нации, национальной государственности.

Нормы исламского права в течение почти 14 веков служили в качестве основного средства регулирования отношений, связанных с семейными проблемами на территории нашей страны. Наша история государственности и права неразрывно связана с исламским правом, в частности с семейным правом, являющимся его важной отраслью. Институты и нормы семейного права в течение веков регулировали национальные, религиозные, человеческие ценности, мораль, жизнь, здоровье рода, имущество, основы национального государства, обычаи и традиции наших предков. В условиях, когда изучение

истории узбекского народа и его национальной государственности, являющейся основным условием самосознания, поднято до уровня государственной политики, создание научной монографии по исламскому семейному праву имеет особое значение.

В-седьмых, за годы независимости Республика Узбекистан установила дипломатические и консульские отношения с рядом мусульманских государств, где семейные отношения регулируются нормами исламского семейного права, подписала с ними договоры в экономической, политической, научной и культурной сферах. Установлены между населением этих стран дружественные, даже сватовские отношения. По этой причине изучение исламского семейного права важно в практическом аспекте.

В-восьмых, изучение исламского семейного права считается актуальным и с идеологической точки зрения. Потому что сегодня различные фундаменталистские, экстремистские и террористические группы и организации, исходя из своих низких и корыстных целей, пытаются фальсифицировать исламское право, в том числе нормы семейного права, подходят к проблеме односторонне и стараются внушить свои, а на самом деле противоречащие исламскому семейному праву идеи нашим гражданам. Если это так, то, действительно, верно, что «приобретает важное значение задача укрепления здоровой среды в семьях, махаллях, в обществе в целом, защиты воспитания молодежи, мирной жизни, чистоты нашей священной религии...»². По этой причине существует огромная потребность во всестороннем изучении исламского семейного права.

² Мирзиеев Ш.М. Речь на симпозиуме «Обеспечение социальной устойчивости, сохранения безупречности нашей священной религии — требование времени». 15.06.2017. URL: <https://www.press-service.uz/uz/news/649>

В-девятых, изучение взглядов о семейных отношениях в исламском учении имеет и духовно-просветительское, а также важное воспитательное значение. Нормы данного права орошены такими идеями, как бережное хранение святости семьи, ее защита от всяких выпадов, взаимоуважение супругов, родителей и детей, добросовестное выполнение своих обязанностей, их понимание, усвоение, что имеет высокую цену в воспитании молодого поколения.

Духовно-просветительское значение изучения взглядов на семейные отношения в шариате в том, что тринадцативековая духовно-просветительская история узбекского народа неразрывно связана с исламской духовностью и просветительством, в том числе с ее правовой культурой. В духовной жизни людей важное место занимают национальные ценности, традиции-обычаи и религия народа. Они все формируются, развиваются и обеспечиваются их переходом от поколения к поколению в семье.

В качестве заключения можно отметить, что священная исламская религия, исламская культура и мораль, составляющие неотъемлемые части нашей духовности, были постоянно оклеветаны в бывшую советскую эпоху. В тот период регулирование социальных отношений на основе правил шариата оценивалось так, будто оно приведет к неравенству и несправедливости, и, таким образом, все делалось для того, чтобы полностью вывести религию ислам из жизни нашего народа. Особенно при освещении брачных и семейных отношений положения шариата рассмотрены как комплекс обычаев, где дискриминируются права и интересы женщин, не учитываются желания женщины при составлении или аннулировании брака. Отсюда актуальная задача, стоящая перед исследователями, — посредством осуществления объективного анализа таких неверных интерпретаций

изучение положений, которые могут стать основой для укрепления семьи и довести их до широкой общественности. Так как:

— с древних времен своеобразные аспекты семейных отношений, проблемы их совершенствования, предупреждения распада интересовали мыслителей всех эпох. В частности, в течение прошлых 14 веков ученые нашего края, также анализируя проблемы предупреждения распада семьи, доведя запреты исламского учения в этой сфере до широких масс, создали многочисленные произведения;

— в большей части религиозных правовых произведений, созданных в регионе Мавераннахр в Средние века, не только исследованы нормы шариата, относящиеся к семейным отношениям, но и изучены пути решения проблемы исходя из условий, обычаев региона;

— нормы шариата, относящиеся к семейным отношениям, и местные ценности по своему содержанию были совершенными, везде можно заметить очень осторожный подход к проблеме;

— их можно использовать в вопросах, которые приобретают актуальное значение сегодня, когда необходимо найти разрешение, посредством изучения положений шариата, причин сущности день за днем растущих семейных разводов;

— осознание сущности супружеских обязанностей, отмеченных в исламском семейном праве, также имеет огромное значение в повышении семейной ответственности между людьми, которые объединяются браком.

Испокон веков наши предки серьезно относились к вопросам укрепления семьи, что и сегодня не теряет своей актуальности. Множество мероприятий, которые в настоящее время осуществляются в нашей независимой республике, доказывают, что проблема семьи в стране поднята до уровня государ-

ственной политики. А это требует рассмотрения вопроса семейных отношений в современном обществе с точки зрения общесоциальных и национальных ценностей;

— создание в обществе достаточных защитных гарантий относится к внутренним компетенциям государств. Все законы, относящиеся к семье любого государства, создаются на основе международных норм прав и норм религии и обычаев конкретного государства. Нормы религии и обычаев, если они разработаны хорошо, правильно, логично, естественно, достойны быть имплементированными в национальное право.

Потому что нормы исламского права занимают огромное моральное место в сохранении, в чистоте духовного мира граждан нашего общества. Как подчеркивает Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиев, «наша священная религия и в будущем без сомнения служит средством, которое невозможно за-

менить ничем для объединения нашего народа независимо от национальности и языка, стимулирует к духовной чистоте, миру, добру, толерантности, взаимоуважению и сплоченности»³. Учение ислама имело огромное значение в формировании национального менталитета нашего народа, он, в свою очередь, также имел значительное влияние на развитие образования и науки в нашей стране. По этой причине мы должны довести и до других жемчужины наших древнейших и вечных ценностей, изучать наследие великих предков, известных во всем мире; как достойные их наследники, глубоко осознать сегодняшнее значение духовной кладези, находящейся в них.

³ Мирзиев Ш.М. Речь на церемонии открытия 43-й сессии Совета министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества. 18.10.2017. URL: <http://uza.uz/oz/politics/zbekiston-respublikasi-prezidenti-vazifasini-bazharuvchi-sha-18-10-2016>

Литература

1. Мирзиев Ш.М. Речь на симпозиуме «Обеспечение социальной устойчивости, сохранения безупречности нашей священной религии — требование времени». 15.06.2017 / Ш.М. Мирзиев. URL: <https://www.press-service.uz/uz/news/649>
2. Мирзиев Ш.М. Речь на церемонии открытия 43-й сессии Совета министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества. 18.10.2017 / Ш.М. Мирзиев. URL: <http://uza.uz/oz/politics/zbekiston-respublikasi-prezidenti-vazifasini-bazharuvchi-sha-18-10-2016>

References

1. Mirzieev Sh.M. Rech na simpoziume Obespechenie sotsialnoy ustoychivosti, sokhraneniya bezuprechnosti nashey svyashchennoy religii — trebovanie vremeni. 15.06.2017 [The Speech Delivered at the Symposium Securing of Social Stability, Preservation of Impeccability of Our Holy Religion is the Requirement of the Time. June 15, 2017] / Sh.M. Mirzieev. URL : <https://www.press-service.uz/uz/news/649>
2. Mirzieev Sh.M. Rech na tseremonii otkry`tiya 43-y sessii Soveta ministrov inostranny`kh del Organizatsii islamskogo sotrudnichestva. 18.10.2017 [The Speech Delivered at the Opening Ceremony of the 43rd Session of the Council of Ministers of Foreign Affairs of the Organization of Islamic Cooperation. October 18, 2017] / Sh.M. Mirzieev. URL : <http://uza.uz/oz/politics/zbekiston-respublikasi-prezidenti-vazifasini-bazharuvchi-sha-18-10-2016>

Уважаемые авторы!

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону: +7 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-11-37-44

Аппарат Президента СССР: «несвоевременный» орган гибнущего государства

*Станкевич Зигмунд Антонович,
советник президента Коллегии адвокатов города Москвы «ТАМИР»,
действительный член (академик)
Российской академии социальных наук (РАСН),
доктор юридических наук
miussy-zs@yandex.ru*

В статье представлена краткая история создания и деятельности Аппарата Президента СССР, дан анализ его задач, функций и структуры на разных этапах непродолжительного существования этого специфического для советской системы органа. Предпринята попытка оценки его места, роли и значения в государственной жизни уходящего с исторической сцены Советского Союза.

Ключевые слова: Советский Союз, президентская власть, Аппарат Президента СССР, государство, политическая реформа, бюрократия, управление, демократия, «перестройка», советская система.

The Executive Office of the President of the USSR: An Untimely Body of the Perishing State

*Stankevich Zigmund A.
Adviser to the President of the TAMIR Moscow Bar Association
Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences
LL.D.*

The article presents a brief history of the creation and operation of the Apparatus of the President of the USSR, the analysis of its tasks, functions and structure at different stages of the short existence of this, specific to the Soviet system body. An attempt is made to assess its place, role and significance in the state life of the Soviet Union leaving the historical scene.

Keywords: the Soviet Union, presidential power, Apparatus of the President of the USSR, state, political reform, bureaucracy, management, democracy, 'perestroika', Soviet system.

Последнее пятилетие существования Союза Советских Социалистических Республик (далее — Советский Союз, Союз ССР, СССР) было отмечено активными поисками новых, более соответствующих духу времени и актуальным условиям существования сверхдержавы форм управления обществом и государством. Данные поиски вошли в историю как комплекс идей, намерений и действий под общим названием «политическая реформа Михаила Горбачева»¹. Как известно, на деле эта «реформа» приве-

ла к крайне противоречивым результатам. С одной стороны, она, несомненно, дала мощный толчок процессу демократизации страны, утверждению в ней атмосферы свободы и открытости, а также развитию гражданской активности широких масс населения. С другой стороны, она, столь же бесспорно, усугубила кризисные явления в социально-экономической и политической жизни СССР, привела к полной деградации его государственного механизма и в конечном итоге существенно приблизила распад Союза.

Подобный исход, как представляется, был предопределен целым рядом

¹ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Россика-Зевс, 1993. С. 65–80.

грубых ошибок и просчетов стратегического характера, допущенных высшим политическим и государственным руководством Советского Союза в самый чувствительный и ответственный период «перестройки» (1987–1989 гг.), когда, используя далеко не все имеющиеся в их распоряжении внутрисистемные ресурсы и возможности, «реформаторы» фактически взялись за демонтаж самой системы². Только так, с точки зрения исторической ретроспективы, сегодня может и должна быть оценена ключевая резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС «О демократизации советского общества и реформе политической системы», в соответствии с которой **коренным вопросом** данной реформы выдвигалось разграничение функций партийных и государственных органов, а ее **решающим направлением** — обеспечение полномочия Советов как основы социалистической государственности и самоуправления в стране³.

Вне всяких сомнений, обе эти важнейшие проблемы должны были найти свое рациональное решение в процессе демократического переустройства СССР. Хотя бы потому, что освобождение КПСС от несвойственных политической партии функций государственного управления, равно как и превращение Советов в ответственные представительные и законодательные органы государственной власти и ядро местного самоуправления, могло стать мощным резервом в деле модернизации страны. Но это могло произойти лишь в результате достаточно длительной и хорошо управляемой эволюции, поэтапного приспособления КПСС и Советов к работе в кардиналь-

но меняющихся социально-экономических и политических условиях. Всякие же попытки форсировать данный процесс, предварительно не создав эффективно действующую систему «сдержек и противовесов», способную нейтрализовать практически неизбежные в тех обстоятельствах негативные последствия подобной трансформации, были чреватy полной дезорганизацией работы как партийных органов, так и Советов, превращением последних в арену ожесточенной политической борьбы, угрожающей самому существованию союзного государства. Это, собственно, и доказали последующие три года (1989–1991 гг.) «полномочия Советов»⁴.

Между тем даже после принятия вышеуказанной резолюции партийной конференции существовало как минимум несколько вполне реальных вариантов выхода из ситуации, не подвергая такой опасности государство. Один, наиболее рациональный из них, предполагал опережающее создание противовеса в виде института президента. Речь шла о всенародно избранном главе союзного государства, выступающем в качестве главного «столпа» нарождающейся новой системы, которая не могла появиться без конституционного закрепления и воплощения в государственную практику страны принципа разделения властей, формирования ответственного перед парламентом (даже в форме Верховного Совета!) правительства, создания конституционного суда и введения прочих неотъемлемых элементов демократического, правового государства⁵.

История, однако, распорядилась по-другому. Тогдашнее высшее руководство Советского Союза, увлечен-

² Уткин А.И. Почему исчез Советский Союз // Независимая газета. 1997. 31 декабря.

³ XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. Т. 2. М.: Политиздат, 1988. С. 136.

⁴ Станкевич З.А. История крушения СССР: политико-правовые аспекты. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 13–14.

⁵ Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001. С. 327–328.

ное идеей не просто сохранения системы Советов, но и возвращения ей изначального, «ленинского» смысла и значения, не прислушалось к мнению авторитетных ученых-правоведов и прочих экспертов, выступающих за новое устройство центральной государственной власти. Как следствие, было упущено критическое время (примерно, 1,5 года), абсолютно необходимое для сохранения контроля над страной и управляемости внутривластных процессами, порожденными политикой «перестройки». А парадокс состоит в том, что к идее президентства все равно вернулись — только в намного более неблагоприятных условиях, когда социально-экономический кризис, охвативший страну, уже приобрел катастрофические формы и перешел в политический, а эрозия Союза стала переходить в его распад (армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, антимосковские выступления в Грузии и Молдавии, а также мирная «суверенизация» советской Прибалтики).

Как представляется, именно тогда (в конце 1989 — начале 1990 г.) люди, находившиеся у руля государства в СССР, пришли к выводу, что ситуацию можно попытаться спасти путем одновременной отмены ст. 6 Основного Закона страны, закрепляющей «руководящую и направляющую» роль КПСС⁶, и, соответственно, введения поста Президента СССР⁷, пусть даже в первый раз избираемого не гражданами, а Съездом народных депутатов — высшим органом государственной власти Советского

Союза. Этого, в представлении творцов тогдашней советской политики, должно было быть достаточно, чтобы обеспечить легитимность главы союзного государства и продолжение курса М.С. Горбачева хотя бы на некий переходный период, до общей нормализации обстановки. Впрочем, как следует из более поздних откровений этих же руководителей, видны им были и «огрехи новой структуры»⁸.

Тем не менее решение состоялось и «новая структура» стала реальностью — вначале (вторая половина марта — апрель 1990 г.) только политической, поскольку возник принципиально новый центр власти (Президент СССР + его «штаб» в лице Президентского совета⁹ и Совета Федерации СССР), а затем, начиная с мая 1990 г., и организационно-правовой, поскольку был создан орган, обеспечивающий жизнеспособность президентской власти, в лице Аппарата Президента СССР (далее также АП СССР, АП). В декабре 1990 г. президентские структуры были дополнены формальным заместителем главы государства — Вице-президентом СССР, однако это «нововведение», по причинам как объективного, так и субъективного характера, не послужило укреплению президентской власти в Союзе. Наоборот, оно заложило дурную традицию острого политического противостояния во властных верхах, которая затем «по наследству» передалась правопреемнице Советского Союза — «ранней» (1991–1993 гг.) Российской Федерации.

Ввиду непродолжительности существования, Аппарат Президента СССР, естественно, не сумел раскрыть весь свой созидательный потенциал, стать ведущим элементом новой бюрократической

⁶ Конституция (Основной Закон) СССР. М. : Изд-во «Известия», 1978. С. 12.

⁷ Закон СССР от 14 марта 1990 г. «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

⁸ Горбачев М.С. Жизнь и реформы : в 2 кн. Кн. 1. М. : Изд-во «Новости», 1995. С. 483–491.

⁹ Существовал до конца 1990 г., после чего был заменен Советом безопасности СССР.

тической системы. Но этому было также несколько причин иного характера. Во-первых, уже изначально предполагалось, что АП СССР не будет обладать какими-либо властными полномочиями, позволяющими ему вмешиваться в оперативную деятельность союзных и республиканских органов государственной власти. Его главной задачей было определено всестороннее (интеллектуальное, информационно-аналитическое, пропагандистское, организационное, финансово-хозяйственное и проч.) обеспечение нормальной деятельности президента, вице-президента и ряда консультативных органов (советов), действующих при главе союзного государства, которые возглавлял Президент СССР¹⁰. Посему и отношения с другими органами власти формально могли строиться лишь на основе координации и взаимодействия.

Во-вторых, Аппарату Президента СССР практически весь период его существования пришлось работать в условиях достаточно серьезной конкуренции, а порой и соперничества со стороны «старых» центров бюрократической власти — особенно Секретариата Верховного Совета и Управления делами Совета Министров СССР, но, отчасти, и ЦК КПСС. И это притом, что кадровый костяк АП СССР изначально составили опытные работники, делегированные именно этими органами. Объяснение такому положению может быть дано в контексте тех принципиальных разногласий, которые существовали в высшем советском руководстве относительно полити-

ки «перестройки» в целом и конкретных путей разрешения отдельных важных проблем в частности. В качестве яркого примера можно привести трения, которые существовали между Секретариатом парламента и АП СССР в период активной работы над проектом нового Союзного договора, особенно в рамках так называемого новоогаревского процесса.

Наконец, в-третьих, на работе Аппарата Президента СССР не могло не сказаться общее ослабление, а точнее — деградация и развал союзной государственной власти. Особенно после драматических событий августа 1991 г., когда АП СССР, ввиду самоликвидации Съезда народных депутатов, существенного «переформатирования» Верховного Совета и Правительства Союза ССР, а также появления «полулегитимного» органа в виде Государственного совета СССР, остался, по сути, единственной действующей бюрократической структурой, олицетворяющей и подтверждающей формальное существование Советского Союза.

Сегодня определенный интерес может представлять вопрос о том, как был устроен Аппарат первого и последнего Президента Советского Союза. Прежде всего для того чтобы обеспечить соответствующее исторической правде восприятие современным общественным мнением, включая научное сообщество, судьбоносных событий нашего недавнего прошлого, вокруг которых с течением времени появилось немало мифов и полуправд. К сожалению, имеющаяся по данной теме литература, представленная главным образом мемуарами «действующих лиц» того периода¹¹, отдельные

¹⁰ Здесь и далее использованы документы и материалы из личного архива автора, который в 1990–1991 гг. работал на разных должностях в Аппарате Президента СССР (референт члена Президентского совета, консультант советника Президента, заместитель руководителя Информационно-аналитического центра АП СССР).

¹¹ Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М.: Изд-во «Республика», 1995. 447 с.; Грачев А.С. Дальше без меня. Уход Президента. М.: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1994. 272 с.; Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым

из которых снабжены документальными разделами¹², дает лишь отрывочное представление о многогранной работе АП СССР. До сих пор остаются не востребованными учеными — историками и правоведами многие ценные с теоретической и практической точек зрения документы и материалы, ныне хранящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории (Ф. 12) и в архиве Горбачев-фонда.

Что касается структуры Аппарата Президента СССР, то она была разработана с учетом необходимости максимально полного и оперативного удовлетворения потребностей главы государства, связанных с реализацией его властных функций и полномочий. Исходя из этого, весь АП был условно поделен на три непропорциональные части. Одна из них, наиболее важная и близкая к президенту часть, носила название «Секретариат Президента СССР» и состояла из примерно 40 сотрудников (по состоянию на 7 августа 1991 г.). В нее входили помощники главы государства (В.К. Егоров, В.Н. Игнатенко — он же руководитель пресс-службы при Президенте СССР, О.И. Ожерельев, А.С. Черняев и Г.Х. Шахназаров), его старший советник (В.А. Медведев) и советники (С.Ф. Ахромеев, В.В. Загладин, В.И. Карасев и Г.И. Ревенко), а также его референты (В.С. Гусенков и Г.В. Пряхин) и консультант (В.А. Ярин)¹³. Каждое из этих долж-

ностных лиц предметно занималось своим направлением внутренней и внешней политики страны, и в этой работе им помогали их малые «секретариаты», состоящие из советников, консультантов и референтов рангом пониже (у одного из помощников президента — А.С. Черняева был даже заместитель).

Вторую, самую малочисленную часть АП (около 20 сотрудников) составляли секретариаты Вице-президента СССР (Г.И. Янаев), заместителя Председателя и членов Совета обороны СССР, не являющихся членами Правительства СССР (О.Д. Бакланов, В.В. Бакатин и Е.М. Примаков), а также председателя Комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов (Ю.В. Голик) и председателя Комиссии по переговорам о сокращении вооружений и безопасности Совета безопасности при Президенте СССР (Л.Н. Зайков). Данная часть АП, как видно даже из названий, имела достаточно узкую специализацию и по большинству разрешаемых проблем тесно взаимодействовала с Секретариатом Президента СССР.

Третью часть Аппарата Президента СССР составлял собственно аппарат данного государственного органа, включающий целый ряд функциональных структурных подразделений (отделов, служб и др.) и объединяющий в основном вспомогательный и обслуживающий персонал. Это была самая крупная часть АП (общее количество работников — 300–350 человек), которую возглавлял назначенный указом президента руководитель АП СССР¹⁴.

Ю.А. Осипьян, члены-корреспонденты АН В.А. Мартынов и Ю.В. Яременко, зам. Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР Б.И. Олейник.

¹⁴ Формально власть руководителя АП СССР распространялась на всех сотрудников и работников АП, за исключением тех, которых

записям. М. : Изд. группа «Прогресс-Культура», 1993. 528 С.

¹² Шахназаров Г.Х. Цена свободы. С. 453–570; Сазонов А.А. Кто и как уничтожал СССР? Архивные документы. Проект «Аргументы истины». 3-е изд., перераб. и доп. М. : Алгоритм, 2018. 576 с.

¹³ У Президента СССР были также внештатные советники из числа видных ученых и крупных государственных деятелей — в частности, академики Л.И. Абакин, В.Н. Кудрявцев и

Вначале это был В.И. Болдин (17 апреля 1990 г. — 22 августа 1991 г.), а затем — Г.И. Ревенко (22 августа 1991 г. — 2 января 1992 г.). В числе важных структурных подразделений данной части АП следует назвать: отдел по вопросам обороны и безопасности государства, службу информации, отдел социально-экономического анализа и правовой экспертизы, отдел наград, общий отдел, включающий сектор архива, группу писем и приема граждан, отдел кадров и управление делами, включающее финансово-бюджетный, организационный, протокольный и издательский отделы, отделы информатизации и связи, капитального строительства и материально-технического обеспечения. Наряду с этими структурами существовали газетно-журнальное объединение «Воскресенье» АП СССР и объединение по хозяйственному обслуживанию АП СССР.

Рассматривая структуру Аппарата Президента СССР, необходимо отметить ее достаточную гибкость, организационную приспособляемость, которая позволяла быстро и адекватно реагировать на изменения обстановки в стране и политике, концентрируя имеющиеся силы и средства на выполнении непрерывно возникающих новых задач. Одним из таких изменений, например, стала начавшаяся после IV Съезда народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.) реорганизация союзной исполнительной власти с ее переподчинением непосредственно главе государства. Однако наиболее серьезному «переформатированию» АП подвергся сразу после августовских событий 1991 г., когда выяснилось, что часть сотрудников вольно или невольно участвовала в «заговоре». Пре-

жде всего это касалось людей и даже целых подразделений, находившихся в непосредственном подчинении Г.И. Янаева, В.И. Болдина и О.Д. Бакланова.

Как следствие, было серьезно укреплено руководство АП СССР — назначен новый руководитель, у которого появились два заместителя (раньше этого не было), каждый из которых курировал свои направления работы и, соответственно, свою группу структурных подразделений. Функции общего отдела перешли к вновь созданной канцелярии руководителя АП¹⁵. Вместо службы информации, к которой *post factum* оказалось немало претензий в плане закрытости и недостаточного информирования руководства страны, был организован Информационно-аналитический центр АП СССР, обладающий широкими возможностями в плане сбора, обработки и анализа информации. Фактически «под крыло» руководства АП была переведена пресс-служба президента, находящаяся в ведении одного из помощников главы государства (А.С. Грачев). Был существенно повышен статус подразделения, занимавшегося вопросами протокола — из отдела в составе управления делами оно стало самостоятельной службой. Появилась качественно новая юридическая служба, которую возглавило новое высокое должностное лицо — государственный советник по правовой политике при Президенте СССР (В.Ф. Яковлев). Наконец, вместо управления делами и других подразделений, ранее занимавшихся разносторонним (материально-техническим, транспортным, бытовым и проч.) обслуживанием АП, было создано единое финансово-хозяйственное управление.

назначал на должность и освобождал от нее президент. Фактически же глава АП руководил лишь той частью АП, которая являлась собственно аппаратом.

¹⁵ Названия структурных подразделений АП СССР приведены по состоянию на 12 декабря 1991 г.

В вышеописанном виде Аппарат Президента СССР просуществовал вплоть до «кончины» Союза. Точнее, АП в некотором смысле пережил и само союзное государство, и его главу. Дело в том, что еще 23 декабря 1991 г., т.е. за два дня до объявления М.С. Горбачевым о своей отставке, президенты СССР и РСФСР издали совместное распоряжение, в соответствии с которым была образована ликвидационная комиссия по упразднению аппаратов Президента СССР и Межреспубликанского экономического комитета (созданное в сентябре 1991 г. «псевдоправительство» СССР) в количестве 50 человек. Комиссии, костяк которой составляли руководители всех (!) подразделений АП СССР, предстояло в течение января — февраля 1992 г. завершить деятельность данных структур и передать дела соответствующим структурам Администрации Президента и Правительства России, а также обеспечить трудоустройство увольняемых сотрудников¹⁶. Таким образом, можно считать, что фактическое существование АП окончательно завершилось лишь к 1 марта 1992 г.

Оценивая Аппарат Президента СССР, его место, роль и значение в государственной жизни уходящего с исторической сцены Советского Союза, необходимо отметить, что в целом это был типичный продукт своего времени, со всеми его плюсами и минусами. Как и во всем советском обществе

той поры, в АП существовало большое разнообразие мнений относительно путей и способов трансформации страны, ее будущего. И эти различия, естественно, влияли на работу данного органа — особенно в кризисные моменты социально-политической и государственной жизни. Влияли на деятельность АП и политические «метания» высшего руководства, его не всегда понятные для аппарата решения, которые нередко принимались кулуарно и вопреки общей логике развития ситуации¹⁷, но подлежали исполнению в порядке субординации. Поэтому, как представляется, глубоко неправы те, кто сегодня, «задним числом» пытается возложить всю ответственность за роковые ошибки и просчеты 1990–1991 гг. преимущественно на Аппарат Президента СССР.

Вместе с тем невозможно, на наш взгляд, не признать, что АП СССР, несмотря на все его «врожденные» недостатки, был достаточно прогрессивным элементом меняющейся на глазах советской системы. Именно в его недрах возникло немало интересных, а главное — перспективных идей и проектов, связанных с демократическим переустройством страны в интересах всех ее народов. Прежде всего это внушительный массив наработок, подготовленных в рамках работы над проектом нового Союзного договора. К сожалению, в тот период по-своему уникальные и существенно опережающие свое время материалы оказались недооцененными и не востребованными современниками, но это не значит, что интерес к ним не возродится на одном из следующих этапов развития российского государства. И тогда, возможно, будет совсем по-иному вос-

¹⁶ Администрация Президента России в лице ее тогдашнего руководителя Ю.В. Петрова проявляла немалый интерес к высокопрофессиональным кадрам из АП СССР, однако к подобному «переходу» в тот момент оказались готовы очень немногие сотрудники (за исключением вспомогательного и технического персонала). Впоследствии, правда, целая плеяда выходцев из АП СССР (Ю.М. Батурин, С.К. Дубинин, В.А. Никонов, В.Г. Пансков, А.П. Торшин, В.Н. Шевченко и др.) заняла важные посты в государственном аппарате постсоветской России.

¹⁷ Особенно ярко это проявилось в период между 17 марта и 23 апреля 1991 г., когда в принципиальном плане решался вопрос о дальнейших действиях Центра после Всесоюзного референдума о сохранении СССР.

приниматься и весь остальной опыт «несвоевременного» органа гибнущего государства.
Аппарата Президента СССР — этого

Литература

1. Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева / В.И. Болдин. Москва : Республика, 1995. 447 с.
2. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2 томах. Т. 1 / М.С. Горбачев. Москва : Новости, 1995. 600 с.
3. Грачев А.С. Дальше без меня. Уход Президента / А.С. Грачев. Москва : Прогресс : Культура, 1994. 272 с.
4. Сазонов А.А. Кто и как уничтожил СССР? Архивные документы / А.А. Сазонов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Алгоритм, 2018. 576 с.
5. Станкевич З.А. История крушения СССР: политико-правовые аспекты / З.А. Станкевич. Москва : Изд-во МГУ, 2001. 320 с.
6. Уткин А.И. Почему исчез Советский Союз / А.И. Уткин // Независимая газета. 1997. 31 декабря.
7. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым записям / А.С. Черняев. Москва : Прогресс : Культура, 1993. 528 с.
8. Шахназаров Г.Х. С вождями и без них / Г.Х. Шахназаров. Москва : Вагриус, 2001. 592 с.
9. Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника / Г.Х. Шахназаров. Москва : Россика-Зевс, 1993. 624 с.

References

1. Boldin V.I. Krushenie pedestal. Shtrikhi k portretu M.S. Gorbacheva [The Pedestal Collapse. Strokes to the M.S. Gorbachev's Portrait] / V.I. Boldin. Moskva : Respublika — Moscow : Republic, 1995. 447 s.
2. Gorbachev M.S. Zhizn i reformy`. V 2 tomakh. T. 1 [Life and Reforms. In 2 volumes. Vol. 1] / M.S. Gorbachev. Moskva : Novosti — Moscow : News, 1995. 600 s.
3. Grachev A.S. Dalshe bez menya. Ukhod Prezidenta [Continue without Me. The President's Resignation] / A.S. Grachev. Moskva : Progress : Kultura — Moscow : Progress : Culture, 1994. 272 s.
4. Sazonov A.A. Kto i kak unichtozhal SSSR? Arkhivny`e dokumenty` [Who and How has Destroyed the USSR? Archive Documents] / A.A. Sazonov. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Algoritm — 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Algorithm, 2018. 576 s.
5. Stankevich Z.A. Istoriya krusheniya SSSR: politiko-pravovy`e aspekty` [History of Collapse of the USSR: Political and Legal Aspects] / Z.A. Stankevich. Moskva : Izd-vo MGU — Moscow : Publishing house of the MSU, 2001. 320 s.
6. Utkin A.I. Pochemu ischez Sovetskiy Soyuz [Why the Soviet Union Disappeared] / A.I. Utkin // Nezavisimaya gazeta. 1997. 31 dekabrya — Independent Newspaper. 1997. December 31.
7. Chernyaev A.S. Shest let s Gorbachevy`m: po dnevnkovy`m zapisyam [Six Years with Gorbachev: Based on Diary Notes] / A.S. Chernyaev. Moskva : Progress : Kultura — Moscow : Progress : Culture, 1993. 528 s.
8. Shakhnazarov G.Kh. S vohzdyami i bez nikh [With and without Leaders] / G.Kh. Shakhnazarov. Moskva : Vagrius — Moscow : Vagrius, 2001. 592 s.
9. Shakhnazarov G.Kh. Tsena svobody`. Reformatsiya Gorbacheva glazami ego pomoschnika [The Price of Freedom. The Gorbachev's Reformation as Viewed by His Assistant] / G.Kh. Shakhnazarov. Moskva : Rossika-Zevs — Moscow : Rossika-Zevs, 1993. 624 s.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-11-45-50

Становление и развитие пенсионного обеспечения в дореволюционной России

*Арутюнян Радмила Эдуардовна,
заведующая кафедрой теории государства и права
Юридического института
Пятигорского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
Radmila.arutyunian@yandex.ru*

*Станкевич Галина Викторовна,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института
Пятигорского государственного университета,
доктор политических наук, доцент
stankevichg@rambler.ru*

*Каракотов Расул Муратбиевич,
доцент кафедры теории государства и права
Юридического института
Пятигорского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
info@pgu.ru*

В статье рассмотрены правовые аспекты формирования пенсионного обеспечения граждан в дореволюционной России, порядок проведения пенсионных реформ. Проведен анализ законодательства в данной области.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, государственные пенсии, пенсионная система.

Establishment and Development of Pension Support in Pre-Revolutionary Russia

*Arutyunyan Radmila E.
Head of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute of the Pyatigorsk State University
PhD (Law), Associate Professor*

*Stankevich Galina V.
Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute of the Pyatigorsk State University
Doctor of Political Sciences
Associate Professor*

*Karakotov Rasul M.
Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University
PhD (Law), Associate Professor*

The article reviews legal aspects of the establishment of pension support of citizens in pre-revolutionary Russia, the procedure for carrying out pension reforms. Laws in this sphere are analyzed.

Keywords: pension support, state pensions, pension system.

Цивилизационные изменения в жизни российского общества, произошедшие в конце XVII — начале XVIII в.,

обусловили формирование новых начал в социальной и политической сферах жизни, контролируемых правитель-

ством России. Глубокие преобразования государственных институтов власти, проведенные Петром I, поставили вопрос о пенсионном и социальном обеспечении офицеров и государственных служащих, которые получали средства к жизни благодаря государственной службе. Правительство объявило о выплате пенсий семьям погибших военнослужащих и чиновников при выполнении своих должностных обязанностей. В случае смерти офицера его вдове и сиротам предусматривалось содержание, которое было безусловным и обязательным к выплате для всех иждивенцев или членов семьи, имевших доход меньше того, что приносил погибший кормилец.

Эти шаги Петра I по материальному обеспечению служащих государства были одними из самых передовых в Европе. Но пенсионная система, охватывающая всех государственных служащих, сложилась в России только во второй половине XIX в. Так, согласно данным обзора «Пенсионные накопления в дореволюционной России» Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, с 1853 по 1868 г. было произведено 127 965 пенсионных назначений на 16 млн 493 тыс. 391 руб. 71 коп. В 1828 году один пенсионер приходился на 4,5 служащих, в 1843 г. уже на 2,5 служащих, а в 1868 г. на одного служащего¹. То есть российское общество столкнулось с серьезной проблемой формирования гибкой действенной пенсионной системы, которая актуальна и сегодня – создание пенсионного фонда и его регулярное пополнение финансами.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что государство было вынуждено сокращать число получателей пенсии и снижать пенсионные выплаты.

¹ Сидорова В.А. Пенсионные накопления в дореволюционной России / Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М., 2003. С. 18.

Стремление сделать пенсионное обеспечение всеобщим не дало серьезных результатов в дореволюционной России, и введенное в 1912 г. для всех рабочих социальное страхование было просто мизерным. Другое дело, что законодательное решение вопроса о социальном страховании рабочих, показывает внимание правительства к данной проблеме.

Передовая часть российского общества пыталась найти приемлемые механизмы пенсионного обеспечения. В первую очередь это введение пенсионного страхования, которое позволяло накапливать служащим определенный капитал, а с выходом на пенсию должно было обеспечить старость. Эта форма предназначалась для ряда категорий работников и служащих, работодатели которых брали на себя заботу по социальному обеспечению. Такая схема опиралась на прогрессивные механизмы накоплений, предусматривающих накопленные средства на лицевых счетах будущих пенсионеров. Эта форма поддержки своих работников реализовывалась через систему пенсионных касс, которые создавались крупными заводами и фабриками.

Рубеж XIX–XX веков в Российской империи характеризовался совмещением частной и государственной пенсионных систем, поскольку пенсия являлась разновидностью награды за службу. Получение такого вознаграждения служащими производилось в соответствии с общим уставом о пенсиях и разовых выплатах по гражданским ведомствам. Причиной формирования такой системы являлось достижение определенного возраста работника, после чего его увольняли, а значит, он не мог обеспечить свою семью. Право на такую пенсию предоставлялось при наличии выслуги не менее 35 лет безукоризненной службы. Выслуга 25 лет давала право на 50% пенсии. Размер пенсии зависел от должностей служащих, разде-

ленных на 9 разрядов, и варьировался от 7 до 100 руб.

Но этих денег было недостаточно, так как инфляция росла, а индексация пенсий не производилась. Заработные платы высококвалифицированных работников достигали лишь нескольких десятков рублей, и для того, чтобы хоть немного повысить размер пенсии для своих работников, управляющие ведомств обращались к министрам финансов с прошениями об «усиленных пенсиях», размеры которых составляли от 1/3 до 1/2 жалования.

Полный размер пенсии причитался чиновникам при наличии 30 лет выслуги и обладающим неизлечимыми заболеваниями. А при невозможности самостоятельного ухода за собой, вследствие такого заболевания, при выслуге 20 лет. Профессора университетов могли выйти на пенсию после 25 лет службы, при этом им выплачивалась пенсия, равная 100% заработной платы. В случае продолжения работы профессор получал жалование и полную пенсию².

Также существовали выплаты по потере кормильца, их размер устанавливался в зависимости от количества лиц, оставшихся после гибели служащего. Вдова погибшего, оставшаяся с детьми в возрасте старше 17 лет или не имевшая их вовсе, получала право на 1/2 пенсии, полагающейся мужу. На детей младше 17 лет начислялась надбавка в размере трети половины пенсии на каждого ребенка. При наличии в семье четверых детей каждому полагалась равная доля пенсии, но в целом вместе они не превышали размер целой пенсии. Не имели права на пенсию сыновья, достигшие 17 лет или принятые на службу; дочери, достигшие 21 года или выданные замуж, а также дети, которые обучались за ка-

зенный счет, и вдова, вторично вступившая в брак³.

Помимо пенсий чиновникам существовали и офицерские пенсии за безукоризненную службу в течение 25 лет (полная пенсия) или 20 лет (1/2 пенсии).

Офицерам и должностным лицам военных ведомств, проходившим службу на окраинах империи, сроки службы уменьшались следующим образом:

- на территориях первого разряда два дня службы равнялись трем;
- на территориях второго разряда три дня службы равнялись четырем;
- на территориях третьего разряда четыре дня службы равнялись пяти.

Для офицеров, военных священников и врачей служба в действующей армии засчитывалась вдвойне.

Морские офицеры, помимо основных пенсий, имели право на специальные. Им предоставлялось дополнительное содержание за плавание в открытом море, равное 1/2 оклада жалования, при продолжительности плавания от 120 до 180 месяцев (за всю службу) и 2/3 оклада при продолжительности 180 месяцев.

Командирам кораблей причиталось содержание (от 1/2 до 1 оклада) за управление судном в течение долгого времени, инженерам на кораблях — за строительство судов (до 1350 руб. в год), инженерам-механикам — за долговременное командование кораблями (до 900 руб.)⁴.

Дети и вдовы погибших офицеров могли получать пенсию, если офицер:

- погиб в бою или на гражданке вследствие ран, полученных на службе;
- погиб на службе, имея право на пенсию;

³ URL: <http://www.yppensioner.ru/pensionnaya-sistema-dorevoljucionnoy-rossii> (дата обращения: 14.04.2018).

⁴ Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987.

² Карлов И.А. Высшее образование в дореволюционной России. М., 2015. С. 53.

— погиб, находясь в отставке, независимо от получения пенсии, но имея на нее право.

Офицеры, которым покровительствовал Александровский комитет о раненых, могли получать пенсии из инвалидного капитала, который формировался за счет отчислений солдат и офицеров из жалования. Размеры пенсий формировались в соответствии с чином и степенью тяжести ранения. Примечательно, что такие пенсии были гораздо больше обычных. Так, размер пенсии раненому первого класса составлял от 300 до 1716 руб., второго класса — от 170 до 1143 руб. 90 коп. Офицеры, раненные вследствие военных сражений, получали пенсии из инвалидного капитала независимо от получения ими пенсий из государственного казначейства, и не только в отставке, но и находясь на службе.

Пенсионеры в отставке, помимо пенсии, имели право на ежегодное пособие для найма прислуги.

Помимо государственных пенсий выплачивались эмеритуры. Они представляли собой дополнительное денежное вознаграждение отставных служащих, вдов и сирот. Их финансирование осуществлялось из такого вида казны, который состоял из обязательных отчислений от жалования чиновников. Эти денежные средства были неприкосновенны и шли на выплату пенсий, пособий или содержание государственно-учреждения.

Вплоть до конца XIX века в России не существовало пенсионного обеспечения рабочих, и лишь в 1893 г. молодой, но талантливый министр финансов С.Ю. Витте предложил созвать комиссию по принятию законопроекта об индивидуальной ответственности предпринимателей за здоровье и обеспечение рабочих. Закон «О вознаграждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих,

утративших трудоспособность вследствие несчастных случаев» вступил в законную силу лишь в 1904 г. Это событие стало началом возникновения пенсионного рабочего обеспечения в России. Данный закон предусматривал перечисление постоянной пенсии в размере 2/3 заработка при полной потере трудоспособности или в случае смерти рабочего.

К сожалению, в дореволюционной России на практике пенсии получало незначительное число людей. Так, на выплаты пенсии в 1910 г. было затрачено 8 млн руб. вместо 40. Помимо этого, расчет среднего жалования рабочего осуществлялся не честно — сумма значительно занижалась. Таким образом, хотя в теории и были приняты законы о пенсионном обеспечении, на практике они реализовывались довольно редко.

Практическая реализация законов о пенсионном обеспечении началась сразу после захвата реальной политической власти в РСФСР. Она развивалась поэтапно, в течение достаточно большого количества времени. Прерогативой ее политики была защита социальных прав трудящихся.

Несмотря на то что пенсионные права были предоставлены рабочим и служащим в 1920-х годах, сама система еще не была цельной. Первый этап формирования централизованной распределительной пенсионной системы в СССР пришелся на 1917–1956 гг. В ее основу лег принцип социального равенства и справедливости. Первым актом формирования пенсионной системы стало создание в 1918 г. Народного комиссариата социального обеспечения, задачей которого стало проведение социальной политики государства. Вслед за образованием НКСО стала формироваться правовая база отрасли социального обеспечения. В 1928 году появились пенсии по старости, но на тот момент право на них имели только работники текстиль-

ной промышленности. Постепенно список профессий, имевших социальные гарантии, пополнялся⁵.

Основой пенсионной системы в СССР стал Закон «О государственных пенсиях», принятый в 1956 г. В соответствии с этим законом выделялось три вида пенсий: по старости, по инвалидности и по потере кормильца. Право на государственную пенсию имели наемные рабочие и государственные служащие, военные, учащиеся всех ступеней образования, граждане, получившие инвалидность при выполнении своих должностных или общественных обязанностей, а также указанные в законе члены семей, потерявших кормильца.

Большую роль сыграл Закон «О пенсиях и пособиях членам колхозов», принятый в 1964 г. Данный закон структурировал порядок предоставления пенсий колхозникам. До его принятия эту деятельность осуществляли колхозы, причем самостоятельно, поэтому качество пенсий серьезно разнилось по стране.

Пенсионным законодательством СССР были предусмотрены персональные пенсии, которые предоставлялись отдельным заслуженным деятелям науки, культуры и государственным деятелям. Право на такую пенсию было закреплено Положением о персональных пенсиях № 1475 за 1956 г. Согласно этому нормативно-правовому акту, существовали следующие виды персональных пенсий:

— союзного значения — в размере до 200 руб.;

— республиканского значения — в размере до 120 руб.;

— местного значения — до 60 руб.

Общий порядок назначения пенсий в Советском Союзе предполагал полу-

чение пенсии при: достижении 60 лет мужчинами и наличии у них трудового стажа не менее 25 лет и 55 лет женщинами и наличии стажа у них не менее 20 лет. Пенсионеры, проживавшие в городах, получали пенсии в размере от 70 до 120 руб. Размер минимальной социальной пенсии составлял 35 руб. Назначалась она людям, не имевшим необходимого трудового стажа. Пенсия рассчитывалась в соответствии со средним заработком за последний год работы перед выходом на пенсию либо за любые пять из десяти лет непрерывного трудового стажа. Надбавки за длительный трудовой стаж назначались женщинам, проработавшим не менее 30 лет, и мужчинам, проработавшим не менее 35 лет, а также за непрерывный стаж на протяжении 15 лет начислялось 10%. За 25 лет работы на одном месте при общем стаже 35 лет начислялось 20%, но не более 120 руб. в целом⁶.

Законодательство предусматривало льготы для людей, работавших на производстве с вредными и тяжелыми условиями труда, включая подземные работы, работы в цехах с высокой температурой, работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним и т.д. Также льготы предоставлялись людям, чьи профессии имели социальную значимость, — врачам, учителям. Перечисленные граждане имели право выйти на пенсию раньше.

Последней ступенью развития пенсионной системы Советского Союза стала реформа 1990 г., в ходе которой был принят Закон «О пенсионном обеспечении граждан СССР». Данный закон предоставлял всем нетрудоспособным гражданам право на государственное социальное обеспечение. Так, появилось два типа пенсий — государственные и социальные.

⁵ Барбасова С. Обзор государственной политики СССР в области пенсионного обеспечения граждан // Вестник БИСТ. 2009. № 4 (4). С. 108–112.

⁶ URL: <http://www.ypensioner.ru/sovetskaya-pensionnaya-> (дата обращения: 25.02.2018).

Пенсия выплачивалась за счет отчислений работодателей в период работы служащих и из средств государственного бюджета. До 1964 года исключение составляли пенсии колхозников, их выплата осуществлялась из средств специального резерва колхозной артели, в который работодатели перечисляли страховые взносы. Поэтому не было необходимости в создании Пенсионного фонда как специального денежного института. Лишь с усилением рыночных отношений в 1990 г. было принято решение о создании ПФ СССР, который через год прекратил свое существование⁷.

Для того чтобы оценить эффективность пенсионной системы Советского Союза, рассмотрим статистические данные по величине пенсии в СССР с

1960 по 1986 г. Количество пенсионеров выросло в 10 раз, а размер средней пенсии по стране увеличился более чем в два раза, что наглядно говорит о высокой продуктивности деятельности государства в сфере пенсионного обеспечения.

Таким образом, на основании приведенных статистических данных можно говорить об огромном значении пенсионного обеспечения в СССР и поражающей скорости развития по количеству и качеству предоставляемого социального обеспечения⁸. При этом стоит упомянуть, что рассматриваемый период приходится на военное и послевоенное время, которое для нашей страны безусловно было кризисным и очень тяжелым.

⁷ URL: <http://pensia-expert.ru/materialy/pensiya-v-sssr/> (дата обращения: 25.09.2019).

⁸ Пудовкин А.В. Анализ системы пенсионного обеспечения СССР // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 2 (41).

Литература

1. Барбасова С.С. Обзор государственной политики СССР в области пенсионного обеспечения граждан / С.С. Барбасова // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2009. № 4 (4). С. 130-136.
2. Карлов И.А. Высшее образование в дореволюционной России / И.А. Карлов. Москва, 2015.
3. Пудовкин А.В. Анализ системы пенсионного обеспечения СССР / А.В. Пудовкин // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 2 (41). С. 217-223.
4. Сидорова В.А. Пенсионные накопления в дореволюционной России / В.А. Сидорова ; Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. Москва, 2003.

References

1. Barbasova S.S. Obzor gosudarstvennoy politiki SSSR v oblasti pensionnogo obespecheniya grazhdan [Review of the State Policy of the USSR on Pensions Payment to Citizens] / S.S. Barbasova // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsialny`kh tekhnologii) — Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies. 2009. № 4 (4). S. 130-136.
2. Karlov I.A. Vy`sshее obrazovanie v dorevolutsionnoy Rossii [Higher Education in the Pre-Revolutionary Russia] / I.A. Karlov. Moskva — Moscow, 2015.
3. Pudovkin A.V. Analiz sistemy` pensionnogo obespecheniya SSSR [Analysis of the Pension Provision System of the USSR] / A.V. Pudovkin // Vestnik MGIMO Universiteta — Bulletin of the MGIMO University. 2015. № 2 (41). S. 217-223.
4. Sidorova V.A. Pensionny`e nakopleniya v dorevolutsionnoy Rossii [Pension Savings in the Pre-Revolutionary Russia] / V.A. Sidorova ; Institut sotsialno-ekonomicheskikh problem narodonaseleniya RAN. Moskva — Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2003.

Автор, имеющий намерение опубликовать Произведение в одном либо в нескольких Изданиях, направляет в Издательство оферту о заключении с Издательством безвозмездного договора об отчуждении исключительного права на Произведение. Форму оферты можно скачать на сайте Издательской группы «Юрист» <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-11-51-57

Правовой анализ процесса становления и развития первых прообразов Центрального банка в России

*Айвазидис Ахиллес Кириакович,
преподаватель кафедры истории государства и права
Юридического института
Пятигорского государственного университета
daichimaru803@gmail.ru*

В статье представлен анализ исторического аспекта формирования и развития ранней системы эмиссионных институтов государственной власти в России. Показано формирование и реформирование учреждений, осуществляющих денежную эмиссию в России. Раскрыта проблема соотношения государственной монополии и негосударственной, частной инициативы в деятельности по осуществлению денежной эмиссии в период возникновения ранних форм эмиссионных институтов. Освещены проблемы единства политики правового и организационного обеспечения деятельности этих организаций.

Ключевые слова: Центральный банк, променный банк, Государственный ассигнационный банк, эмиссионный институт.

Legal Analysis of the Process of Establishment and Development of First Prototypes of the Central Bank in Russia

*Ayvazidis Akhilles K.
Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University*

The article presents an analysis of the historical aspect of the formation and development of the early system of emission institutions of state power in Russia. The formation and reformation of institutions engaged in monetary emission in Russia is shown. Disclosed the problem of the relation of the state monopoly and non-governmental, private initiatives in the implementation of the monetary issue during the period of the emergence of early forms of the issuing institutions. The problems of the unity of the policy, legal and organizational support of the activities of these organizations.

Keywords: Central Bank, promyonny Bank, State assignation Bank, issue Institute.

Проблема правового и организационного анализа эффективности деятельности Центрального банка Российской Федерации на современном этапе развития эмиссионных отношений актуальна как никогда. Тем не менее понятийная структура и основные критерии оценки деятельности подобных учреждений до сих пор не разработаны. Для подробного и всеобъемлющего анализа такого сложного и многогранного правового явления, как Центральный банк, по нашему мнению, необходимо прежде всего представить и проанализировать процесс становления и развития этого учреждения. Без понима-

ния тех историко-правовых тенденций, которые обеспечили современные подходы к определению конституционно-правовых, источником которых служит Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹, и организационно-управленческих основ Центрального банка Российской Федерации, невозможно будет составить объективное представление о важ-

¹ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (действующая редакция от 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570

нейших условиях, определяющих эффективность политики по повышению эффективности деятельности данного учреждения.

Первичные банковские учреждения в России носили исключительно государственный характер и создавались для обеспечения нужд конкретного слоя населения. Совершенно обоснованно, что в такой ситуации причиной создания эмиссионного банковского института в России не могли стать экономические причины.

Причиной его возникновения послужил дефицит бюджета государства. Растущие расходы Российской империи, вызванные и увеличением спроса на денежный массив и возрастающей военной и политической активностью, требовали постоянного увеличения денежной массы. К примеру, с начала первой Русско-турецкой войны дефицит госбюджета вырос до 1,880 млн руб. Введение бумажных денег стало насущной необходимостью, очевидной для государственной власти. Согласно манифесту от 29 декабря 1768 г., «во-первых, удостоверились Мы, что тягость медной монеты, одобряющая ее собственную цену, отягощает ее же и обращение; во-вторых, что дальний перевоз всякой монеты многим неудобствам подвержен, и наконец, третье, увидели Мы, что великий есть недостаток в том, что нет еще в России, по примеру разных европейских областей, таких учрежденных мест, которые бы чинили надлежащие денег обороты и переводили бы всюду частных людей капиталы без малейшего затруднения и согласно с пользою каждого»².

Следующие действия российского правительства, в лице графа Карла Сиверса и князя Александра Вяземского, стали одним из ярчайших примеров конвертации экономических идей

Запада на российскую экономико-правовую систему. Предлагалось создание государственного эмиссионного банка с правом выпуска бумажных денежных знаков, по аналогии с Банком Англии, и правом выпуска «ассигнаций». Изначальная формулировка предполагала полную конвертацию бумажных денег в монетный эквивалент, с обеспечением соответствующего медного резерва всей суммы выпущенных ассигнаций.

Результатом приложенных усилий было издание манифеста³, определявшего учреждение, официальным названием которого стал «променный банк». В целом функциональный состав банковской деятельности данного учреждения был довольно ограничен и заключался главным образом в выступлении в качестве эмитента выпускаемых денег беспрепятственной конвертации ассигнаций в бумажные деньги и наоборот, а также гарантии полного монетного обеспечения бумажной денежной эмиссии. Тем не менее это был исторический момент для развития российской банковской системы, так как впервые в правовой системе России был учрежден полноценный финансово-банковский эмиссионный институт; бумажные ассигнации получили законный статус платежного средства; обеспечивался процесс конвертации ассигнаций на серебряные, золотые и медные монеты, в том числе и выпущенные в других странах.

Стоит отметить, что первоначально обеспечением ассигнаций предполагалось сделать медные монеты весом один килограмм, производство которых должно было быть организо-

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 18. С. 787–788.

³ Манифест об учреждении в Санкт-Петербурге и Москве государственных Банков для обмена ассигнаций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manifest-ob-uchrezhdenii-v-sank-peterburge-i-moskve-gosudarstvennyh-bankov-dlya-obmena-assignatsiy> (дата обращения: 26.09.2019).

вано на Сестрорецком монетном дворе. Однако их массовую чеканку наладить не удалось, поэтому обеспечением ассигнаций стали обычные медные монеты⁴.

Способ создания и утверждения правового статуса эмиссионного института посредством принятия специализированного законодательного акта — наиболее распространенная в России и на территориях, когда-либо входивших в ее состав, правовая практика. А манифест Екатерины II, учреждающий в Санкт-Петербурге и Москве банки для обмена ассигнаций на металлические монеты разной ценности, первый подобный прецедент. Манифест довольно подробно, для своего времени, устанавливал различные правовые и структурно-управленческие аспекты деятельности данного учреждения. В частности, организационная структура была представлена в виде не одного, как большинство современных моделей центральных банков в России и на постсоветском пространстве, а в виде консорциума из двух банков. Данная организация была продиктована территориальными причинами, предопределившими местоположение учреждений в «столицах» Российской империи, Санкт-Петербурге и Москве. Несмотря на территориальные признаки, сама организация рассматривалась как единое целое, что подтверждается п. 1 Манифеста Екатерины II, исследованиями ряда авторитетных ученых, таких как М.Ю. Перышкин, который утверждал, что «хотя банки для вымена государственных ассигнаций и именуются один Санкт-Петербургским, а другой Московским, однако они по существу своему составляют, так сказать, единое тело, и потому быть им обоим под особливим от Нас здесь в Санкт-Петербурге учрежденным банковым

правлением»⁵, а также формой построения управленческих учреждений. У обоих банков оно было одно, расположенное в Санкт-Петербурге, и именовалось «Банковским Правлением». Тем не менее территориальное расположение «Банковского Правления» в Санкт-Петербурге вовсе не означало его превращение в составную часть управленческой системы местного отделения. Правовой статус «Банковского Правления» характеризовал его как надбанковскую структуру, функциональный состав которой подразумевал регулирование деятельности обоих банковских учреждений путем направления персоналу банков приказов в форме «дневных записок» и получения в ответ еженедельных рапортов о проделанной работе. Должностной состав «Банковского Правления» представлял собой организованную и иерархическую структуру из директора, двух советников и аппарата из четырнадцати человек, в котором состояли секретарь, регистратор, канцелярист и другой вспомогательный персонал.

Также стоит отметить и еще одно свойство данного эмиссионного учреждения, которое и в наше время составляет немалый научный и практический интерес, а именно степень независимости эмиссионного института в системе правового и организационного обеспечения его деятельности. Принцип независимости центральных и национальных банков в осуществлении своей деятельности нашел отражение во множестве нормативно-правовых актов значительного количества стран. В качестве примера можно указать Республику Беларусь, где формой реализации данного принципа стала ст. 24 Банковского кодекса республики. В данной статье

⁴ Юров А.В. Деньги вчера, сегодня, завтра // Деньги и кредит. 2010. № 7. С. 7.

⁵ Перышкин М.Ю. Денежные реформы Екатерины II в документах РГАДА. Денежные реформы в России. История и современность. М., 2004. С. 46.

указывается, что «Национальный банк осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, настоящим Кодексом, законами Республики Беларусь, нормативными правовыми актами Президента Республики Беларусь и независим в своей деятельности»⁶.

В правовом поле Российской Федерации данный принцип получил еще более основательное определение, так как закрепившим его нормативно-правовым актом был основополагающий закон страны, а именно ст. 75 Конституции РФ⁷.

Принцип независимости «променного банка» Российской империи, в отличие от его современных «коллег», не получил прямого отражения в Манифесте об учреждении в Санкт-Петербурге и Москве государственных Банков для обмена ассигнаций, и оценка степени реализации этого принципа может производиться исключительно на косвенных основаниях. Однако количество этих оснований представляется весьма значительным. Во-первых, формально правление учреждения, включавшее оба эмиссионных банка, не подчинялось никому, кроме монарха. Подчиненность выражалась не только в форме официального назначения на должность директора правления посредством императорского указа, но и в необходимости еженедельного отчета перед монаршей особой о результатах деятельности.

Во-вторых, государственное регулирование затронуло и сферу организации рабочего процесса правления «про-

менного банка», определив его порядок заседания не реже чем два раза в неделю. Данная мера позволяет четко отличать принцип построения управленческих императив в области эмиссионной политики и правового статуса реализующих ее институтов России от стран Запада, в основном использующих частный принцип. В качестве примеров можно привести: Stockholm Banco, учрежденный в 1654 г. в Швеции, который при активных экономических связях и договорной политике правительства формально оставался частным банком; Банк Англии, учрежденный в форме акционерного общества в 1694 г.; схожий по принципу учреждения с Банком Англии эмиссионный Банк Шотландии и мн. др.

Анализируя представленные примеры, можно прийти к выводу, что принципом организации первого эмиссионного института в России была исключительно государственная инициатива, в отличие от «Запада», где превалировал частный формат. На первый взгляд акцентирование внимания исследователей на данном принципе не является особо целесообразным, однако это далеко не так. Исторический и правовой опыт разных стран в системе правового и организационного обеспечения центральных банков имеет критическую важность для дальнейшего исследования их конституционно-правового статуса, рациональной организации структурно-управленческих органов и других аспектов. Ведь без резюмирования результатов анализа, вкупе с оценкой причинно-следственной связи их возникновения, составить эффективную программу инноваций в правовой системе Центрального банка будет весьма затруднительно, что подтверждается и мировым исследовательским опытом. Как писал в своей работе А.Г. Гузнов, «на протяжении всей истории существования центральных банков велись

⁶ Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З. URL: <http://kodeksy.by/bankovskiy-kodeks>

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL: <http://www.constitution.ru>

бурные дискуссии о необходимости наличия центрального банка и его роли в развитии банковского бизнеса. Высказывались две противоположные точки зрения. Так, первую точку зрения отстаивали представители школы свободной банковской деятельности, которые выступали против самой идеи существования центрального банка, поскольку, по их мнению, он ограничивал свободное предпринимательство в банковской сфере. С другой стороны, сторонники денежной школы (Л. Мизес) придерживались мнения о необходимости создания центрального банка, поскольку стабильность в развитии банковской системы непосредственно связана с вмешательством в ее деятельность центрального банка и с ведением операций с частичным резервированием»⁸.

Создание «променного банка» посредством государственной инициативы, по нашему мнению, является ярким доказательством тому, что российская банковская модель представляет из себя регулируемый государством вид централизованной банковской активности.

Анализ организационно-управленческой структуры первого эмиссионного учреждения России также дает повод считать «променный банк» формой реализации задачи создания средства организации и систематизации банковской активности, наряду с задачей создания механизма государственного контроля над этой системой. В частности, территориальные филиалы банка были организованы только с началом распространения бумажных денег среди населения. А именно с 1772 г. Когда потребность в бумажном обращении ак-

туализировалась в крупных городах и для удовлетворения потребительского спроса в услугах по размену денег, банк начал создавать «променные конторы». Они действовали на правах полуавтономных филиалов с собственным капиталом, сформированным за счет ассигнаций. В 1783 году количество контор достигло исторического максимума — 23 подразделения, численность каждого из которых состояла из дюжины служащих. Их деятельность заключалась в обмене ассигнаций на медные пятикопечные монеты.

С организационно-правовой точки зрения представляет немалый интерес начальный способ контроля данных учреждений. Ответственность по реализации их функций лежала на местном правительстве, в лице губернатора, которому вменялась в обязанность ежемесячная проверка общего количества денежных запасов конторы. К сожалению, до наших дней не дошло источников, позволивших четко определить мотивацию принятия такого решения. Однако вполне однозначно оценены результаты в виде коррумпированности «променных контор», в итоге приведшие эту систему к ликвидации.

Тем не менее уровень влияния местных властей на организационно-управленческий механизм государственного ассигнационного банка продолжал долгое время оставаться на довольно высоком уровне. В частности, вопрос о наличии металлических денежных средств очень долгое время не был в области ведения центрального аппарата, а формировался из местных налогов и сборов. К тому же форма отчетности не предполагала наличия в банке кодифицированного правового обеспечения документаоборота. Вместо этого основой регламента учета средств и внутренних распоряжений было принятие в купеческой среде правил торгового оборота. Определенной упорядоченностью обла-

⁸ Гузнов А.Г. Исторический аспект создания и развития центральных банков // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-aspekt-sozdaniya-i-razvitiya-tsentralnyh-bankov> (дата обращения: 31.09.2019).

дал только ежегодный финансовый отчет, направляемый Императорской особе и Сенату.

Таким образом, мы можем констатировать, что проект создания Государственного ассигнационного банка был сугубо государственной инициативой, изначальной функцией которого была модернизация экономики посредством введения бумажного денежного оборота. Тем не менее при активной финансовой и организационной помощи государства его управленческая структура не была достаточно теоретически обоснована и опиралась на опыт зарубежных стран, не обработанный ни теоретически, ни институционально.

Если касаться правового сопровождения его деятельности и правового статуса, то и тут можно наблюдать недальновидность его учредителей, так как уровень детализации его правовых норм не отвечал общественно-политическим требованиям, предъявляемым к этому учреждению. Но нельзя сказать, что данный «опыт» является полностью провальным. Банк довольно успешно осуществлял свою главную функцию, и деструктивные аспекты его организации и правового обеспечения стали оказывать негативное воздействие только к тому моменту, когда стала расширяться территориальная и социальная сфера применения его функционального воздействия.

В частности, изменение функций банка было обусловлено сокращением кредитного предложения в Российской империи. С начала 1780 г. довольно быстрыми темпами проходил процесс ликвидации банков, создаваемых с целью предоставления различным группам населения краткосрочных кредитов. Наиболее характерным примером служило преобразование учрежденного Указом императрицы Елизаветы Петровны Романовой от 1754 г.⁹ «Дворянского Банка» в Государ-

ственный заемный банк. Данные действия властей представляются, по нашему мнению, весьма оправданными. Так как эффективность этих учреждений была весьма сомнительна. Как указывает в своем исследовании Л.А. Муравьева, «заниматься возвращением долгов Коммерческого банка поручалось Коммерц-коллегии. Среди недобросовестных заемщиков выделялись крупные купцы с очень большими денежными оборотами. Полностью долг так и не был возвращен. Указ Павла I от 02.03.1797 объявлял о прощении должников. Неудачи первого опыта кредитования российского купечества вытекали из особенностей всего социально-экономического развития России и слабости медленно нарождающейся русской буржуазии. Основные государственные средства выделялись для поддержки дворянства. Видя в дворянстве главную опору трона, власть стремилась сохранить за ним ведущее положение в народном хозяйстве. Значительная дифференциация российского купечества также мешала развитию кредитных отношений. Правом получения кредита Коммерческого банка в основном пользовалась верхушка торгово-промышленного мира, делая его недоступным для средних и мелких торговцев. Впрочем, Дворянский банк сам пребывал в плачевном состоянии. Помещики охотно прибегали к услугам банка, получая государственные деньги в долг, но возвращать их не спешили. Так как клиенты банка не возвращали долгов, не выплачивали процентов по ним и не обращались за отсрочкой, то Дворянский банк остался без средств, и банковские операции пришлось «заморозить». Было совершенно очевидно, что Дворянский банк нужда-

дачи из одного денег и о наказании ростовщиков // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XIV. 1754–1757. № 10235. С. 87–94.

⁹ Елизавета Петровна. Об учреждении Государственного Заемного Банка; о порядке вы-

ется в реорганизации»¹⁰. Соответственно, исходные события послужили причиной возникновения кредитного дефицита среди населения. Его и восполнил Государственный ассигнационный банк.

Подводя итог политическим, организационным, экономическим и правовым усилиям Российского государства на начальном этапе становления кредитной и эмиссионной системы страны, можно прийти к выводу, что од-

ной из главных причин деградации и ликвидации первых эмиссионных институтов были: во-первых, неопределенность государственной политики в вопросе определения пути развития основополагающих институтов эмиссионных учреждений, что привело к постоянной смене организационной и эмиссионной политики и, как следствие, утрате цельности и эффективности проводимых реформ; во-вторых, это расширение функционала эмиссионных институтов и последующие попытки решения за их счет различных, не свойственных для этих учреждений задач.

¹⁰ Муравьева Л.А. Кредитная политика Екатерины II // Финансы и кредит. 2010. № 13 (397). С. 75-76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreditnaya-politika-ekateriny-ii> (дата обращения: 25.04.2019).

Литература

1. Гузнов А.Г. Исторический аспект создания и развития центральных банков / А.Г. Гузнов // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). С. 71-80.
2. Муравьева Л.А. Кредитная политика Екатерины II / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. 2010. № 13 (397). С. 75-83.
3. Пeryшкин М.Ю. Денежные реформы Екатерины II в документах РГАДА / М.Ю. Пeryшкин // Денежные реформы в России. История и современность : сборник статей / составитель М.М. Альтман. Москва : Древлехранилище, 2004. С. 42-48.
4. Юров А.В. Деньги вчера, сегодня, завтра / А.В. Юров // Деньги и кредит. 2010. № 7. С. 3-12.

References

1. Guznov A.G. Istoricheskiy aspekt sozdaniya i razvitiya tsentralny`kh bankov [The Historical Aspect of Establishment and Development of Central Banks] / A.G. Guznov // Aktualny`e problemy` rossiyskogo prava — Relevant Issues of the Russian Law. 2016. № 3 (64). S. 71-80.
2. Muravyeva L.A. Kreditnaya politika Ekateriny` II [The Catherine the Great's Credit Policy] / L.A. Muravyeva // Finansy` i kredit — Finance and Credit. 2010. № 13 (397). S. 75-83.
3. Peryshkin M.Yu. Denezhny`e reformy` Ekateriny` II v dokumentakh RGADA [Catherine II's Monetary Reforms in Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts] / M.Yu. Peryshkin // Denezhny`e reformy` v Rossii. Istoriya i sovremennost` : sbornik statey / sostavitel M.M. Altman. Moskva : Drevlekhranilische — Monetary Reforms in Russia. History and the Modern Times : collection of articles / compiled by M.M. Altman. Moscow : Archive, 2004. S. 42-48.
4. Yurov A.V. Dengi vchera, segodnya, zavtra [Money Yesterday, Today, Tomorrow] / A.V. Yurov // Dengi i kredit — Money and Credit. 2010. № 7. S. 3-12.

Уважаемые читатели!

Чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период с 2013 по 2018 г. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 г. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

Историко-правовое развитие кооперации кредитных обществ и кустарных промыслов в пореформенный период

*Олейник Николай Николаевич,
профессор кафедры международных отношений и украиноведения
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
доктор исторических наук, профессор
Oleinik@bsu.edu.ru*

*Невлев Владислав Владимирович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент
no.pasaran@mail.ru*

В статье рассматриваются правовые, исторические и экономические предпосылки становления в России во второй половине XIX — начале XX века различных видов кредитных обществ, их взаимосвязь с кустарными промыслами. Исследованы место и роль крестьянской промышленности в формировании сельской экономики пореформенной Южной России на примере Белгородского края и Харьковской губернии. Выявлены основные формы крестьянских кустарных промыслов, их правовые особенности, а также основные тенденции развития. Проанализировано правовое регулирование создания и регистрации различных видов крестьянских промыслов. Рассмотрены понятия «крестьянская промышленность», «кустарные промыслы», «промысловое предпринимательство». Показаны особенности социально-экономической организации кооперирования кредитных обществ и кустарной промышленности в данном регионе. Освещена роль волостных и земских управ, частных лиц в правовой и экономической организации и поддержке обществ крестьянских промысловиков. Рассмотрены взаимоотношения кустарных промыслов с крупным фабрично-заводским производством. Взаимодействие кредитных обществ и кустарных промыслов стимулировало значительный рост сельской экономики в российский пореформенный период.

***Ключевые слова:** крестьянская промышленность, сельская экономика, промысловое предпринимательство, кредитные общества, кустарные кооперативы, правовое регулирование, порядок надзора, промысловые центры.*

Historical and Legal Development of Cooperation between Credit Institutions and Handicraft Industry in the Post-Reform Period

*Oleynik Nikolay N.
Professor of the Department of International Relations and Ukrainian Studies
of the Belgorod State National Research University
Doctor of History, Professor*

*Nevlev Vladislav V.
Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
PhD (Law), Associate Professor*

The article discusses the legal, historical and economic prerequisites of becoming in Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. various types of credit societies, their relationship with handicrafts. The place and role of the peasant industry in the formation of the rural economy of post-reform South Russia is studied on the example of the Belgorod Territory and the Kharkov Province. The main forms of peasant handicrafts, their legal features, as well as the main development trends are revealed. Analyzed the legal regulation of the creation and registration of various types of peasant industries. The concepts of 'peasant industry', 'handicrafts', 'commercial entrepreneurship' are considered. The features of the socio-economic organization of cooperation of credit societies and handicraft industry in the region are shown. The role of volost and Zemstvo governments, private individuals in the legal and economic organization and

support of the societies of peasant trappers is highlighted. Relationships of handicrafts with large factory production are considered. The interaction of credit societies and handicraft industries stimulated a significant growth of the rural economy in the Russian post-reform period.

Keywords: peasant industry, rural economy, commercial entrepreneurship, credit societies, artisanal cooperatives, legal regulation, supervision procedure, fishing centers.

В становлении и развитии рыночной экономики в пореформенной Российской империи важную роль сыграла крестьянская промышленность (по терминологии XIX — начала XX в. — «кустарные промыслы»). Различные формы крестьянского промыслового предпринимательства в 1861–1914 гг. были достаточно весомыми составными частями крестьянского хозяйства. В целом по Российской империи крестьянские промыслы удовлетворяли до одной трети потребностей ее населения в промышленных товарах¹. Поэтому без детального исследования как в целом промысловой деятельности крестьянства, так и отдельного вопроса о развитии кооперации в среде промыслового крестьянства невозможно объективно понять особенности развития всех остальных составных частей сельской экономики. В конечном итоге — основных путей, форм и темпов развития рыночных отношений и связанных с ними правовых, социальных, культурных и бытовых процессов как на региональном, так и на общероссийском уровнях.

Данный этап российской истории изучали и анализировали в своих трудах отечественные ученые разных поколений, такие как В. Бажаев, И.М. Вановская, Е.С. Маляр, Н.П. Маслов, А.В. Меркулов, Л.В. Низова, А.А. Рыбников, Е.Н. Сахарова-Вавилова, Д.П. Семенов, В. Потресов и мн. др. Имеются публикации авторов по этой проблеме².

¹ Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении народного хозяйства. М.: Тип. т-ва «Кооп. изд.», 1922. С. 4.

² Олейник Н.Н., Маслов Н.П. Развитие кооперации в крестьянской промышленности Харьковской губернии в конце XIX — начале XX вв. // Потребительская кооперация России на пороге третьего тысячелетия :

Среди особенностей социально-экономической организации крестьянской промышленности прежде всего значительно выделялись различные формы кооперирования в системе ее кредитования. Потребность в приобретении необходимого капитала для открытия промышленного дела закономерно вела потенциальных кустарей к необходимости финансово-кредитного кооперирования. Так, например, по свидетельству земских источников, устройство горна в гончарном и кирпично-черепичном производствах обходилось промысловикам не менее чем в 100 руб., еще дороже — строительство и оборудование

сборник научных трудов участников научно-практической конференции (12–15 мая 1999 г.). Белгород : Изд-во БУПК, 1999. Ч. 3. С. 132–138; Олейник Н.Н., Невлев В.В. Правовая компонента обществ взаимного кредита в развитии послереволюционного частного производства // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. Т. 28. Вып. 2. Ижевск, 2018. С. 291–295; Невлев В.В. О юридической судьбе российской промысловой кооперации // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (25–26 октября 2012 г.). Сыктывкар : СГУ, 2012. Ч. 2. С. 62–65; Невлев В.В. Историческая специфика зарождения и правового развития российской промысловой кооперации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 3 (252). Вып. 39. С. 149–152; Невлев В.В. Конституционно-правовое развитие кредитной кооперации в истории России // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 26. С. 74–82; Невлев В.В. Правовая деятельность российской кооперации: исторические страницы : учебное пособие. Белгород : Изд-во БУКЭП, 2017. С. 102–103.

кузни, сухопарни, кожевни и других подобных кустарных мастерских³.

В изученных авторами источниках с данными о кредитных операциях на селе довольно трудно выделить сведения, относящиеся исключительно к кредитованию крестьянского промышленного производства. Зато они позволяют определить общие черты крестьянского кооперативного кредита, полностью приемлемые для промышленной сферы. Эти черты в основном сводились к тому, что для любого товарного производства кредит являлся вполне закономерным явлением, так как он помогал мобилизации капитала, ускорял процесс производства и в известной степени содействовал росту производительности труда. Таким образом, общее развитие товарно-рыночных отношений в России требовало создания соответствующей кредитной системы, в том числе на основе финансового кооперирования.

В 90-е годы XIX в. основное кредитование кустарной промышленности, как в целом в стране, так и на территориях Белгородского края и Харьковской губернии, осуществлялось через разветвленную систему краткосрочного кооперативного кредита — общества взаимного кредита, кредитные и ссудо-сберегательные общества, земские кассы мелкого кредита, сельские банки и другие подобные учреждения. На 1907 год в масштабах всей страны было создано 2110 заведений мелкого кооперативного кредита, а 1914 г. — уже свыше 10 тыс. В это время они охватывали приблизительно 4% крестьянских промысловых хозяйств империи⁴.

³ Харьковская губернская земская управа. Отчеты Харьковской губернской земской управы за 1907 год по оценочно-статистическому отделу. Х. : Тип. губ. правления, 1908. С. 36.

⁴ Российский государственный архив экономики. Ф. 328. Сахарова-Вавилова Е.Н. Оп. 1. Д. 11. Л. 2; Бажаев В. Что может дать русской деревне кооперативное движение в сельском

На харьковской земле одним из первых было основано в 1873 г. Изюмское общество взаимного кредита, а вслед за ним в 1870–1990-х гг. еще десятки подобных кредитных кооперативов. С 1895 года наибольшее распространение в губернии получили кредитные общества. Они стали наиболее удобной формой кредитования местных кустарей, потому что от них не требовали значительных паевых взносов, а основной капитал обществ состоял из ссуд, которые выделялись губернской конторой Государственного банка.

Кроме этого преимущества, кредитные общества, в случае если их основной капитал был меньше 10 тыс. руб., еще освобождались от государственного промыслового налога. На 1912 год членами кредитных обществ стало более 10 тысяч селян, значительная часть которых была занята в промышленной сфере⁵. Например, Богодуховское кредитное общество (4543 пайщиков) только за сентябрь и октябрь 1914 г. выдало под залог товаров несколько десятков ссуд на общую сумму 600 руб.⁶ Всего в губернии в этот период насчитывалось около 300 различных заведений мелкого сельского кредита, что составило более 3% от общероссийской численности.

Количество ссудо-сберегательных товариществ в губернии только за период с 1908 по 1912 г. выросло с 13 до 16, кредитных товариществ — с 56 до 159, общественных ссудо-сберегательных касс — с 2 до 11, земских кооперативных касс — с 5 до 10⁷. В результате Харьковская губерния по их количеству ста-

хозяйстве // Русская мысль. 1910. № 7. С. 137, 138.

⁵ Харьковский листок. Известия по торговле, промышленности, технике, искусству и ремеслам. 1901. 6 января, 9 марта.

⁶ Государственный архив Харьковской области. Ф. 306. Богодуховская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 102. Л. 153–160.

⁷ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и

ла одной из первых в стране, поэтому здесь в 1910 г. впервые состоялся Всероссийский съезд представителей касс мелкого кредита⁸.

Таким образом, развитие сельского промышленного предпринимательства в губернии сопровождалось созданием широкой сети кооперативных финансово-кредитных заведений. Эта система мелкого краткосрочного кредита оказала существенное влияние на повышение производительности труда в крестьянской промышленности и стала одним из наиболее важных источников ее финансирования.

Кооперативное движение в сфере крестьянской промышленности было также представлено сырьевыми, сбытовыми кооперативами и кустарными производственными артелями. Форма организации производственных кооперативов определялась их основными заданиями. Наиболее распространенной оставалась семейная кооперация. Однако рядом с семейной поступательно приобретали значительное развитие и другие виды сельской производственной кооперации. Среди них в губернии особо выделялись две формы. Первая в наиболее чистом виде выражала интеграцию сельских промыслов в общую рыночную структуру экономики региона. Это была кооперация, во главе которой стоял относительно большой внекустарный собственник. Примером такой кооперации могут служить объединения крестьянских промысловиков, занятых изготовлением папиросных гильз (140 человек) и обверток для конфет (800 человек) по заказу крупных кондитерских и папиросных фабрик⁹.

иностранных государств. СПб.: [б.и.], 1914. С. 542-561.

⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 403. Товарищества «Русское зерно». Оп. 1. Д. 203. Л. 6.

⁹ Труды и комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1881. Т. 7. С. 101.

В слободе Новая Водолага артель гончаров была создана местной помещицей В.В. Капнист. Она передала в пользование артели принадлежащий ей гончарный горн и участок земли с залежами глины¹⁰. В Волчанском уезде несколько кустарных кооперативов образовались благодаря финансовой поддержке со стороны председателя уездной земской управы В.Г. Колокольцева¹¹. В Сумском уезде многие собственники местных сахарных заводов объединяли кустарей в артели для производства бочек, мешков и брезента, необходимых для хранения и транспортировки сахара¹². В Изюмском уезде в 1906 г. несколько хозяйств были сгруппированы в производственную артель земской управой. Она выделила кустарям заем в 2 тыс. руб. и обеспечила их своими заказами на различные столярные изделия¹³. В целом по губернии наибольшее количество таких кустарных артелей возникло в Харьковском и Сумском уездах, а наименьшее — в Старобельском¹⁴.

Еще одна форма производственной кооперации была представлена в губернии предприятиями, которые создавались несколькими промысловыми крестьянами на паевых началах. Все члены подобной артели оставались самостоятельными товаропроизводителями, но их объединяли общие производственные помещения, некоторое наиболее ценное оборудование и инструменты, а часто общие источники сырья и формы сбыта готовой продукции. Здесь не исключалось фактическое доминирова-

¹⁰ Харьковская губернская земская управа. Доклады Харьковской губернской земской управы губернскому собранию 1908 г. X. : Изд-во губ. зем. управы, 1908. С. 21, 22.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Родная земля. 1906. 2 июня.

¹⁴ Харьковская губернская земская управа. Доклады Харьковской губернской земской управы губернскому собранию 1908 г. X. : Изд-во губ. зем. управы, 1908. С. 41, 46.

ние наиболее богатого и удачливого из промысловиков. Чаще всего такие артели возникали в гончарной, кирпично-черепичной, кожевенной и кузнечной отраслях, где нужны были относительно большие деньги для сооружения гончарного горна, печи для обжига кирпича, оборудования кожевни и кузнечной мастерской.

Договор между промысловыми крестьянами — основателями артели юридически оформлялся в волостном правлении и регистрировался в волостной книге соглашений и договоров. На 1914 год в губернии существовало 148 таких зарегистрированных по всем правилам артелей, которые объединяли 2505 кустарей. Это составляло около 4% всех кустарных артелей в Российской империи. Однако значительное большинство подобных кооперативных объединений создавалось промысловыми крестьянами только на основе устных договоров и поэтому слабо отражено в официальной статистике¹⁵.

Перечисленные типы кооперации крестьянских промысловых хозяйств встречались в губернии повсеместно. На основе приведенного фактического материала можно уверенно утверждать, что кооперация не приводила к разрушению крестьянской кустарной промышленности и перерастанию ее в фабрично-заводскую. Кустарные кооперативы не предусматривали внутреннее распределение труда, не ограничивали хозяйственную самостоятельность отдельных кустарей. В условиях достаточно развитых рыночных отношений становились закономерным фактором расширения и укрепления в регионе крестьянской промышленности.

Достаточно широкое распространение разнообразной кооперации в сфе-

ре крестьянской промышленности привело к тому, что в рассматриваемый период она охватила своим развитием территорию всей губернии. Каждый промысел имел свою особую географию — слободы целой волости, где отдельные промыслы получили наиболее широкое распространение. Многие из таких промысловых центров прославились своими умельцами на всю Российскую империю. За 1897–1914 годы численность промысловых крестьян в России выросла примерно в 4,5 раза и достигла почти 137 тысяч¹⁶.

Несмотря на то что одни промыслы не выдерживали конкуренции с крупным фабрично-заводским производством и исчезали, другие, наоборот, в условиях рыночной экономики начинали развиваться более динамично. На месте исчезнувших кооперативов возникали новые формы крестьянского промышленного предпринимательства. Объем товаров крестьянской промышленности стабильно составлял до 35% общегубернского промышленного производства¹⁷.

Очень близка по социально-экономическим и природно-географическим особенностям к бывшей Харьковской губернии территория нынешнего Белгородского края. Для доказательства аналогичности регионов проведем небольшой исторический экскурс. Современная Белгородская область суммарно создана из разных районов бывших Курской, Воронежской и Харьковской губерний. Сегодня в ней из общего числа населения проживает около одной

¹⁵ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб. : [б.и.], 1914. С. 561.

¹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 47: Харьковская губерния. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1904. С. 256–269; Промыслы и занятия земледельческого населения Харьковской губернии. Х. : Тип. А. Либина, 1920. С. 112–116.

¹⁷ Харьковская губернская земская управа. Доклады Харьковской губернской земской управы губернскому собранию 1908 г. Х. : Изд-во губ. зем. управы, 1908. С. 41–53.

трети этнических украинцев. Наиболее украинизирован Валуйский регион. Город Валуйки — его центр, кроме Белгорода и Старого Оскола, один из старейших в области. Стоит на крупной реке Оскол при впадении в нее речки Валуй (отсюда название). Когда-то он был пограничной крепостью на степных рубежах Киевской Руси.

Город в разные годы истории то процветал с великолепной славянской культурой, то погибал во времена нашествий полчищ врагов с юга и запада. В городе и вокруг него всегда проживало много украинцев, а затем русских северных казаков — севрюков. После 300-летнего забвения валуйская крепость была восстановлена в 1593 г. стараниями русского царя-собирателя Бориса Годунова. Начался новый период 1000-летней истории древнего города. Важным этапом того времени являются события, связанные с Азовскими походами царя Петра I. В Валуйках он останавливался, из местных жителей пополнял свои войска. В этих краях изготавливали многие деревянные детали для строительства в Воронеже военных кораблей.

В разные времена город входил в Азовскую, Белгородскую и Воронежскую губернии. Местные территории были густо заселены и получили у историков название Слобожанщин (от слова — слобода). Слобода — крупный сельский населенный пункт, в котором имелись православный храм или каменная церковь, даже несколько церквей. Села поменьше назывались слободками¹⁸. Валуйский регион в дореволюционный период носил название «Валуйский уезд», который имел устойчивое социально-экономическое положение и значительную для того времени инфраструктуру.

¹⁸ История Слобожанщины и Белгородского края : учебное пособие / под общ. ред. В.В. Овчинникова, Н.Н. Олейника. Белгород : Белгород. обл. тип., 2011. 336 с.

В 1804 и 1807 годах более 15 тысяч ревизских душ перешли в разряд «вольных хлебопашцев». В результате слободы Уразово и Никитовка стали торгово-промышленными селами. Промыслами и ремеслами в уезде занимались более 32 тысяч мужчин и около 7 тысяч женщин, их общий доход составил 1183 тыс. руб. В конце XIX века в уезде насчитывался 471 населенный пункт, 71 церковь, 698 промышленных и 413 торговых заведений, 92 ярмарки, 6 врачебных участков, коммерческое училище в Уразово и педагогические курсы в г. Валуйки, мужские и женские гимназии¹⁹. В уезде было хорошо развитое сельскохозяйственное и промышленное производство, значительная сеть учреждений образования и здравоохранения. Большое влияние на развитие региона оказали постройка и открытие железных дорог «Валуйки — Елец» и «Валуйки — Балашово».

В связи с малоземельем крестьян уезда в конце XIX в., особенно после крестьянской реформы 1861 г., для того чтобы добыть средства для пропитания, сельское население было вынуждено заниматься дополнительно народными промыслами и ремеслами. Согласно исследованиям Д.П. Семенова, в Валуйском уезде на рубеже XIX–XX вв. были развиты следующие сельские ремесла и кустарные промыслы, которые можно сгруппировать по следующим направлениям²⁰.

Так как большую часть населения уезда составляли переселенцы с Украины, то были распространены обработка кож и овчины, сапожничество, валяльный и шорный промыслы. Для переработки других видов сельскохозяйственного сырья существовали мукомольные ветряные мельницы, маслобойни для

¹⁹ Белгородская энциклопедия. Белгород : Обл. типография, 1998. С. 71.

²⁰ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2: Среднерусская черноземная область. СПб., 1902. С. 257–263.

семян подсолнечника, льна, конопли. Вторую группу составляли промыслы, связанные с переработкой минерального сырья, — добыча мела и строительного камня, обжиг извести, изготовление кирпича, самана и гончарных изделий. В некоторых селах существовал промысел, связанный с заготовкой пучков камыша для покрытия крыш.

Третья группа объединяла строительные профессии. Это каменщики, печники, плотники, грабари (землекопы), особенно — копатели колодцев. В четвертую группу входили промыслы по обработке древесины — столярный, бондарный, изготовление киотов для икон, а также лопат, грабель, вил, гребней и гребенок. Сюда можно отнести и плетение корзин из ивового прута, лукошек из соломы и камышового листа. С использованием древесины связано производство гужевых транспортных средств: саней, различных видов телег и бричек, а также гужевого инвентаря — дуг, чересседельников, хомутов, седел.

Пятую группу составляли женские промыслы, связанные с одеждой, — прядение, ткачество, вязание, вышивка по полотну, кружевоплетение, изготовление ковров, полотенец, скатертей, салфеток. Было подсчитано, что в уезде работало на дому в четыре раза больше ремесленников, чем на промышленных предприятиях. Отдельной группой стояли извоз и отхожие промыслы, когда мужчины и женщины уходили на заработки на Дон и Кубань, иногда в города. На Дону они занимались на сельхозработы, в городах — на заводы и в домработницы.

Все отмеченные группы ремесел и промыслов были организованы на народном уровне в виде артелей или товариществ. По сути это кооперативные объединения со своими функциями, принципами, отношения в которых строились по правилам данного слова. Подробно рассмотренные исто-

рические, социальные, экономические и правовые условия развития Валуйского уезда дают возможность сделать вывод, что к концу XIX в. регион был готов к началу кооперативного зарождения.

История становления и развития потребительской кооперации Валуйского региона многогранна. Сегодня кооперация способствует разрешению продовольственной и других проблем, связанных с развитием инфраструктуры сельских территорий региона. В своей эволюции она прошла длинный и тернистый путь²¹.

Государственный архив Белгородской области (ГАБО) сохранил материалы кооперативной деятельности того времени в Валуйском регионе. До нас дошли документы, отражающие названия кооперативных организаций либо с ними связанных учреждений. Например, Валуйская уездная касса мелкого кредита (1917)²².

Нам стало известно, что Валуйская уездная касса мелкого кредита была учреждена на основании Положения об учреждениях мелкого кредита от 7 июля 1904 г. Находилась в ведении уездной земской управы, занималась приемом вкладов и выдачей ссуд жителям уезда, содействовала открытию кредитных товариществ. Ликвидирована на основании декрета СНК РСФСР от 1 марта 1918 г. Сохранились циркуляры управления акцизными сборами о выделении кредитов сахарной казенной монополии, переписка с кредитными товариществами о внесении денег, выборе представителей в общественный комитет.

Таким образом, формирование и развитие различных форм кооперации в крестьянской промышленности стало в конце XIX — начале XX в. важнейшим

²¹ Невлев В.В. Правовая деятельность российской кооперации: исторические страницы : учебное пособие. Белгород : Изд-во БУКЭП, 2017. С. 102–103.

²² ГАБО. Ф. 12. Ед. хр. 2. 1917.

механизмом рыночной экономики, который поступательно стимулировал рост крестьянского промышленного предпринимательства в данных регионах.

Литература

1. Бажаев В. Что может дать русской деревне кооперативное движение в сельском хозяйстве / В. Бажаев // Русская мысль. 1910. № 7. С. 137–145.
2. Белгородская энциклопедия : страницы истории Отечества, русской Православной церкви, культуры, ратных и трудовых подвигов белгородцев / главный редактор В.В. Овчинников. Белгород : Обл. типография, 1998. 359 с.
3. История Слобожанщины и Белгородского края : учебное пособие / под общей редакцией В.В. Овчинникова, Н.Н. Олейника. Белгород : Белгородская областная тип., 2011. 336 с.
4. Невлев В.В. Историческая специфика зарождения и правового развития российской промысловой кооперации / В.В. Невлев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 3 (252). С. 149–152.
5. Невлев В.В. Конституционно-правовое развитие кредитной кооперации в истории России / В.В. Невлев // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 26. С. 74–82.
6. Невлев В.В. О юридической судьбе российской промысловой кооперации / В.В. Невлев // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Сыктывкар, 25–26 октября 2012 г.). Сыктывкар : СГУ, 2012. Ч. 2. С. 62–65.
7. Невлев В.В. Правовая деятельность российской кооперации: исторические страницы : учебное пособие / В.В. Невлев. Белгород : Изд-во БУКЭП, 2017. 120 с.
8. Олейник Н.Н. Правовая компонента обществ взаимного кредита в развитии послереволюционного частного производства / Н.Н. Олейник, В.В. Невлев // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2018. Т. 28. № 2. С. 291–295.
9. Олейник Н.Н. Развитие кооперации в крестьянской промышленности Харьковской губернии в конце XIX — начале XX вв. / Н.Н. Олейник, Н.П. Маслов // Потребительская кооперация России на пороге третьего тысячелетия : сборник научных трудов участников научно-практической конференции (г. Белгород, 12–15 мая 1999 г.). Белгород : Изд-во БУПК, 1999. Ч. 3. С. 132–138.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под редакцией Н.А. Троицкого. Санкт-Петербург : Изд-во ЦСК МВД, 1904. Т. 47. Харьковская губерния. 290 с.
11. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества : настольная и дорожная книга для русских людей / под редакцией В.П. Семенова и под общим руководством П.П. Семенова, В.И. Ламанского ; предисловие В. Семенова. Т. 1–19. Санкт-Петербург : А.Ф. Девриен, 1899–1914. Т. 2. Среднерусская черноземная область. 1902. 717 с.
12. Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении народного хозяйства / А.А. Рыбников. Москва : Кооп. изд-во, 1922. 52 с.

References

1. Bazhaev V. Chto mozhet dat russkoy derevne kooperativnoe dvizhenie v selskom khozyaystve [What the Cooperative Movement in Agriculture Can Give the Russian Village] / V. Bazhaev // Russkaya my' sl — Russian Thought. 1910. № 7. S. 137–145.
2. Belgorodskaya entsiklopediya: stranitsy` istorii Otechestva, russkoy Pravoslavnoy tserkvi, kul'tury`, ratny`kh i trudovy`kh podvigov belgorodtsev [Belgorod Encyclopedia: Pages of History of the Native Land, the Russian Orthodox Church, Culture, Military and Labor Feats of the Natives of Belgorod] / glavny`y redaktor V.V. Ovchinnikov. Belgorod : Obl. tipografiya — editor-in-chief V.V. Ovchinnikov. Belgorod : Regional Printing Office, 1998. 359 s.
3. Istoriya Slobozhanshiny` i Belgorodskogo kraya : uchebnoe posobie [History of Sloboda Ukraine and the Belgorod Territory : textbook] / pod obschey redaktsiyey V.V. Ovchinnikova, N.N. Oleynika. Belgorod : Belgorodskaya oblastnaya tip. — under the general editorship of V.V. Ovchinnikov, N.N. Oleynik. Belgorod : Belgorod Regional Printing Office, 2011. 336 s.
4. Nevlev V.V. Istoricheskaya spetsifika zarozhdeniya i pravovogo razvitiya rossiyskoy promy`slOVOY kooperatsii [Historical Specifics of the Origination and Legal Development of Russian Handicraft Cooperation] / V.V. Nevlev // Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya :

- Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo — Scientific News of the Belgorod State University. Series : Philosophy. Sociology. Law. 2017. № 3 (252). S. 149–152.
5. Nevlev V.V. Konstitutsionno-pravovoe razvitie kreditnoy kooperatsii v istorii Rossii [Constitutional Law Development of Credit Cooperation in the Russian History] / V.V. Nevlev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pravo — Bulletin of the Tomsk State University. Series : Law. 2017. № 26. S. 74–82.
 6. Nevlev V.V. O yuridicheskoy sudbe rossiyskoy promy` slovoy kooperatsii [On the Legal Fate of Russian Handicraft Cooperation] / V.V. Nevlev // Politicheskie, ekonomicheskie i sotsiokulturny`e aspekty` regionalnogo upravleniya na Evropeyskom Severe : materialy` XI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodny`m uchastiem) (g. Sy`kty`vkar, 25–26 oktyabrya 2012 g.). Sy`kty`vkar : SGU, 2012. Ch. 2 — Political, Economic and Sociocultural Aspects of Regional Management in the European North : files of the 11th all-Russian scientific and practical conference (with international participation) (Syktyvkar, October 25 to 26, 2012). Syktyvkar : SyktSU, 2012. Part 2. S. 62–65.
 7. Nevlev V.V. Pravovaya deyatelnost rossiyskoy kooperatsii: istoricheskie stranitsy` : uchebnoe posobie [Legal Activities of Russian Cooperation: Historical Pages : textbook] / V.V. Nevlev. Belgorod : Izd-vo BUKER — Belgorod : Publishing house of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2017. 120 s.
 8. Oleynik N.N. Pravovaya komponenta obschestv vzaimnogo kredita v razvitii poslerevolutsionnogo chastnogo proizvodstva [The Legal Component of Mutual Loan Societies in the Development of the Post-Revolutionary Private Industry] / N.N. Oleynik, V.V. Nevlev // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya : Ekonomika i pravo. 2018. T. 28 — Bulletin of the Udmurt University. Series : Economics and Law. 2018. Vol. 28. № 2. S. 291–295.
 9. Oleynik N.N. Razvitie kooperatsii v krestyanskoj promy`shlennosti Kharkovskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX vv. [Development of Cooperation in Peasant Industry of the Kharkov Governorate in the Late 19th to the Early 20th Century] / N.N. Oleynik, N.P. Maslov // Potrebitelskaya kooperatsiya Rossii na poroge tretego ty`syacheletiya : sbornik nauchny`kh trudov uchastnikov nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Belgorod, 12–15 maya 1999 g.). Belgorod : Izd-vo BUPK, 1999. Ch. 3 — Consumer Cooperation in Russia on the Verge of the Third Millennium : collection of scientific works of members of the scientific and practical conference (Belgorod, May 12 to 15, 1999). Belgorod : Publishing house of the Belgorod University of Consumer Cooperation, 1999. Part 3. S. 132–138.
 10. Pervaya vseobschaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897] / pod redaktsiyey N.A. Troynitskogo. Sankt-Peterburg : Izd-vo TSSK MVD, 1904. T. 47. Kharkovskaya guberniya — edited by N.A. Troynitskiy. Saint Petersburg : Publishing house of the Central Statistics Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. Vol. 47. Kharkov Governorate. 290 s.
 11. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastolnaya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudej [Russia. Full Geographic Description of Our Native Land: A Desk and Road Book for the Russian People] / pod redaktsiyey V.P. Semenova i pod obschim rukovodstvom P.P. Semenova, V.I. Lamanskogo ; predislovie V. Semenova. T. 1–19. Sankt-Peterburg : A.F. Devrien, 1899–1914. T. 2. Srednerusskaya chernozemnaya oblast — edited by V.P. Semenov and under the general supervision of P.P. Semenov, V.I. Lamanskiy ; foreword by V. Semenov. Vol. 1 to 19. Saint Petersburg : A.F. Devrien, 1899 to 1914. Vol. 2. Central Russian Black Earth Region. 1902. 717 s.
 12. Rybnikov A.A. Melkaya promy`shlennost i ee rol v vosstanovlenii narodnogo khozyaystva [Small Business and Its Role in the Restoration of the National Economy] / A.A. Rybnikov. Moskva : Koop. izd-vo — Moscow : Cooperative Publishing House, 1922. 52 s.

В соответствии с Распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р федеральный научно-правовой журнал «История государства и права» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научной специальности и соответствующей ей отрасли науки:

12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки).

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-11-67-73

Понятие и юридическая сущность экономического суверенитета в России второй половины XIX — начала XX века

*Латыпов Урал Альфретович,
аспирант кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института
pen.depel@gmail.com*

В статье рассматриваются понятие и юридическая сущность экономического суверенитета, обеспечиваемого в Российской империи посредством добычи и переработки энергетических и минерально-сырьевых ресурсов во второй половине XIX — начале XX века. Автор доказывает, что показатель экономической независимости является не менее значимым элементом суверенитета. В процессе полемики с представителями философских и юридических школ автор приходит к формулированию понятия «экономический суверенитет».

Ключевые слова: *экономический суверенитет, государственный суверенитет, суверенитет как юридико-догматическая категория, ограниченный суверенитет, уменьшенный суверенитет, полусуверенитет.*

Concept and Legal Essence of the Economic Sovereignty in Russia in the Second Half of the 19th Century to the Early 20th Century

*Latypov Ural A.
Postgraduate Student of the Department of Theory of Law and State
and Legal Disciplines of the International Law Institute*

The article reviews the concept and legal essence of the economic sovereignty secured in the Russian Empire by extraction and processing of energy and mineral resources in the second half of the 19th century to the early 20th century. The author proves that the ratio of economic independence is an equally significant sovereignty element. The author gives a definition of the economic sovereignty concept in the course of polemics with representatives of philosophical and legal schools.

Keywords: *economic sovereignty, state sovereignty, sovereignty as a legal and dogmatic category, limited sovereignty, reduced sovereignty, semi-sovereignty.*

Развитие государства неразрывно связано с его суверенитетом, который может рассматриваться как особая юридическая форма, складывающаяся из ряда существенных суверенных признаков. Каждая историческая эпоха отличалась взглядами на состав суверенных прав и, соответственно, суверенных признаков, приоритетными в этой части были верховная власть, территория и население. Все остальные признаки считались вторичными. Господствующая государственная власть консолидировала население на конкретной территории, имеющей границы, она распространялась на субъекты

права и участников правоотношений.

Суверенитет выражался в возможности государства самостоятельно определять вектор своего развития, формировать правовую систему, а также принимать законы и подзаконные акты, удовлетворяющие потребностям общества. Но, помимо названных суверенных признаков, государство располагало правом на государственную собственность, включающую индустриальные объекты, промышленную инфраструктуру, земельные участки, природные ископаемые и иное имущество, обеспечивающее материальную основу суве-

ренитета. Таким образом, сущность государственного суверенитета рассматривалась через призму политико-правовой и хозяйственно-экономической независимости.

Идея государственного суверенитета формировалась на протяжении всей человеческой цивилизации и выражала стремление к максимальной свободе. В Российской империи второй половины XIX — начала XX века сущность и правовая основа суверенитета публично обсуждались известными российскими политическими деятелями, философами и юристами, при этом каждая философская доктрина отражала мировоззренческую позицию автора.

Так, концепция евразийцев, выраженная А.П. Карсавиным, превозносила идею абсолютной суверенной власти. Государственный суверенитет толковался евразийцами как способ утверждения православия. Автор считал, что людям на уровне инстинкта свойственно принимать абсолютную власть, что общества без власти не бывает. «Если бог сотворил мир, то человеческий инстинкт государственности соответствует воле самого бога»¹.

В конструкции, созданной П.Б. Струве, государство и его суверенитет представлялись в форме верховенства власти, признание государственного могущества как общественной ценности приравнивалось к суверенной независимости².

Иную идеологию в теорию государственного суверенитета внесли либерально настроенные юристы. В их толкованиях суверенитет

государства определялся юридическим ограничением верховенства государственной власти, солидарностью государства и общества. П.И. Новгородцев призывал превратить сословное общество в гражданское, устранить сословное неравенство и упразднить разнообразные привилегии³.

В понимании Б.Н. Чичерина союз сильного суверенного государства с активным, независимым гражданским обществом мог существенно укрепить суверенитет государства. Автор был уверен, что таким образом власть могла бы получить дополнительную поддержку народа.

Отличное от вышеприведенных представлений о суверенитете мнение в начале XX века высказывал последователь евразийцев Н.Н. Алексеев, который полагал, что теория суверенитета по существу являлась теорией, направленной на прагматическое решение чисто политических задач⁴.

Сообщество российских консерваторов конца XIX — начала XX века, представленное славянофилами, неославянофилами и почвенниками, относило суверенитет к юридико-догматической категории, не допускающей никаких видовых делений. Понятия «ограниченный суверенитет», «уменьшенный суверенитет», «полусуверенитет», по их мнению, противоречили сущности самобытной природы отечественной государственности, следовательно, не имели права на существование.

Можно согласиться с суждением Е.И. Марченко о том, что «в теории суверенитета основным вопросом

¹ Карсавин А.П. Государство и кризис демократии // Новый мир. 1991. № 1. С. 183–193.

² Струве П.Б. Отрывки о государстве // Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 205.

³ Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 20.

⁴ Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 1919. С. 197–198.

для русских мыслителей был вопрос о легитимности верховной (монархической) власти»⁵.

Многие представители российской философской школы конца XIX века отождествляли суверенитет с законом развития государств и видели в нем лишь политическую составляющую, отражающую классовую природу власти. Все остальные элементы, определяющие суверенитет, как правило, упоминались в качестве приложения к политическому контексту. Это, по нашему мнению, являлось специфическим выражением российской философско-правовой доктрины о государственном суверенитете, которая сложилась в свете социально-политической парадигмы того периода.

Юридическое обеспечение экономического суверенитета осуществлялось за счет государственно-правового регулирования промышленности, путем создания императивных норм, которые определили направления ее развития во второй половине XIX — начале XX в. Н.В. Ковалева подчеркнула, что именно в данное время происходило становление законодательной базы в промышленной сфере и зарождение промышленного права, которое началось с ремесла и промысла, явившись своеобразной основой всего правового регулирования промышленных отношений. Тогда появились понятия «завод, фабрика и мануфактура», «кустарная промышленность», «ремесло», «горный промысел» и «горный завод»⁶.

⁵ Марченко Е.И. Идея суверенитета в государственно-правовых учениях российских консерваторов второй половины XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 20.

⁶ Ковалева Н.В. Правовое регулирование промышленного производства Российской империи во второй половине XIX — начале

Мы разделяем данную точку зрения и считаем, что получению экономической независимости Российского государства способствовала внутренняя экономическая политика, целенаправленно проводимая самодержавной властью, которая юридически была закреплена в документах, регламентировавших развитие отдельных отраслей горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, стимулировавших разработку и добычу природных ископаемых. К таким документам можно отнести Положение о пошлинах на право торговли и других промыслах 1863 г., Устав о частной золотопромышленности 1870 г., Правила о нефтяных промыслах и акцизе с фотогенного производства 1872 г., Положение о государственном промысловом налоге 1898 г., Устав горный Российской империи 1893 г. и др.

Показатель экономической независимости, по нашему мнению, является не менее значимым элементом суверенитета, хотя в советской юридической школе данное суждение некоторые исследователи не поддерживали. В частности, Б.Л. Манелис в своей диссертационной работе утверждал, что отсутствие экономической независимости не означает отсутствия во всех случаях политической независимости и суверенитета. В условиях империализма многие, не только слаборазвитые, но и развитые государства в той или иной мере находятся в большей или меньшей зависимости от крупных держав, но это не ведет автоматически к потере ими суверенитета⁷.

XX веков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2006. С. 16.

⁷ Манелис Б.Л. Проблемы суверенитета : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1966. С. 13.

По его убеждению, основой подлинного суверенитета может быть не всякая политическая независимость, а только такая, которая обеспечивает национальное самоопределение, национальную независимость⁸. Считаем, что в вышеприведенном суждении прослеживается классовый подтекст, характерный для советских работ второй половины XX в.

Полагаем, что экономический суверенитет является показателем способности государства самостоятельно разрешать ключевые экономические проблемы, осуществлять контроль разработки недроресурсов и тем самым обеспечивать устойчивость государства, проводя независимый курс в данном направлении.

Проблема экономического суверенитета с XVIII в. и до настоящего времени, по мнению Т.М. Матаева, является латентной разделительной чертой в политико-правовых парадигмах полемизирующих школ экономистов⁹. В этой связи автор счел необходимым предложить научной общественности свое толкование понятия «экономический суверенитет государства». По его мнению, экономический суверенитет как понятие определяют следующие критерии: национальные отношения собственности; самостоятельное распоряжение национальными ресурсами; самостоятельное принятие управленческих решений в экономике; самостоятельное проведение национальной экономической политики; самостоятельное осуществление регулирования рынков. Основываясь на названных критериях, автор смоделировал определение экономического суве-

ренитета государства как категории, состоящей из национальных отношений собственности, на основе которых государственные органы власти и управления самостоятельно распоряжаются национальными ресурсами, принимают управленческие решения в экономике, проводят национальную экономическую политику, осуществляют регулирование рынков в интересах народа¹⁰.

Полагаем, что данная дефиниция не корректна, так как в отечественной юридической науке нет категории «национальные отношения собственности». В научном обороте встречается категория «собственность в национальной экономике», наполненная экономическим и юридическим содержанием.

Очевидно, что базовой основой экономического суверенитета является собственность, характеризующая экономические возможности государства. Во второй половине XIX века собственность в России существовала в двух формах: как государственная и частная собственность. При этом государство сохраняло жесткий контроль над крупными частными собственниками¹¹. После Октябрьской революции в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. была узаконена социалистическая форма собственности, включавшая государственную и колхозно-кооперативную собственность.

В современной России государственная собственность также является показателем степени экономического суверенитета государства. Основываясь на этом, можно сформулировать понятие «экономический

⁸ Там же.

⁹ Матаев Т.М. Государство как носитель экономического суверенитета // Вопросы экономики и права. 2013. № 6. С. 19–20.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Бородачев А.С. Институт права собственности в России во второй половине XIX — первой четверти XX вв.: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 5.

суверенитет государства». Данное понятие показывает возможность и способность государства независимо от внешних и внутренних условий реализовывать независимую экономическую политику, отражающую его интересы, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, экономическими ресурсами, производственными и иными объектами, землей, природными ископаемыми, не являющимися собственностью граждан, юридических лиц либо муниципальных образований.

Юридическая сущность экономического суверенитета реализуется через законодательство, устанавливающее правила урегулирования отношений собственности на внешнем, международном и внутреннем государственном уровнях, на основе которого уполномоченные органы власти самостоятельно разрабатывают экономическую политику.

В царской России второй половины XIX в. экономический суверенитет обеспечивался деятельностью государства, направленной на создание условий независимости возрождающегося капитализма от внешних политических и экономических факторов воздействия. Ключевое значение отводилось политике протекционизма, которую реализовывал министр финансов С.Ю. Витте. По его инициативе были введены таможенные пошлины и поощрительные премии на экспорт продукции, которые способствовали развитию российской добывающей и перерабатывающей промышленности.

В 1891 году царская администрация пошла на изменение таможенного тарифа, который устанавливал средний уровень пошлин от 33 до 100%. При этом стимулировался вывоз российских товаров и сырья за счет снижения таможенных по-

шлин. Проведенные меры позволили добиться активного торгового баланса.

Введение протекционистской политики привело к торговому противостоянию России и Германии и развязыванию торговой войны в 1892–1894 гг., результаты которой исследователями оцениваются неоднозначно.

В отечественной исторической литературе принято мнение, что торговотаможенную войну начала Германия, обложив русские товары более высокими пошлинами, чем товары других стран. В итоге Россия сократила поставки хлеба в Германию в 1891–1893 гг. более чем в четыре раза с 54,5 до 13,9%. Российским ответом стало повышение пошлин на германский импорт. В результате обе стороны понесли значительные убытки, ввоз германских товаров в Российскую империю почти прекратился. Рынок для обеих стран сократился до минимума, что привело к подписанию в 1894 г. нового русско-германского торгового договора сроком на 10 лет.

Иную позицию высказал К.Е. Иванов, полагавший, что протекционистский тариф 1891 г. установил ограничения движению германского капитала и товаров на российский рынок, в результате чего правительство Германии ввело ограничения на ввоз российского зерна и иных товаров, сославшись на конвенционный договор с Австро-Венгрией. Тем самым были созданы благоприятные условия торговли зерном для Соединенных Штатов Америки, выступавших основным конкурентом России.

Таможенная или торговая война — это инструмент, посредством которого враждующие государства пытаются разрешить свои экономи-

ческие проблемы. Как правило, это конкурентная борьба между странами на мировом рынке посредством изменения величины таможенных тарифов. Торговая война является продолжением экономической политики, направленной на обеспечение преференций определенной отрасли экономики.

Экономическая политика России того периода опиралась на доктрину, в соответствии с которой в 1893 г. были изменены базовые принципы таможенной системы. Это дало основание К.Е. Иванову сделать вывод об отказе России от дальнейшего продвижения политики «тарифной автономии» и решении перейти к соглашениям, основанным на конвенциональных тарифах¹².

В истории российской международной торговли до середины XIX в. торговые соглашения не связывались таможенными пошлинами и не включали принцип наибольшего благоприятствования. Торговля строилась на соглашениях, представляющих отдельному государству исключительные преимущества, которые не распространялись на других торговых партнеров, это подчеркивало специфику политики меркантилизма, основанной на принципе недоверия.

Можно констатировать, что торговая таможенная российско-германская война 1893–1894 гг. стимулировала переход к политике конвен-

циональных торговых договоров и отказ от тарифной автономии. Фактически данное событие кардинально изменило международную систему торговых конвенций в целом.

Для придания оперативности в управлении российской экономикой царская власть в 1893 г. законодательно закрепила право министра финансов самостоятельно принимать решение в отношении государств, препятствующих российскому экспорту, и в качестве ответной меры повышать таможенные пошлины на ввозимые товары и сырье.

Стремление к закреплению экономического суверенитета в царской России во второй половине XIX в. способствовало росту экономической устойчивости государства, которая обеспечивалась: а) деятельностью царской администрации в политическом, юридическом и экономическом направлениях, что позволило за относительно короткий промежуток времени решить задачи развития новых промышленных отраслей и существенно стимулировать уже имевшиеся, начиная от золотодобычи, разработки угля и нефтеразработки и заканчивая производством чугуна и стали; б) использованием всех политических способов давления на конкурентов, начиная от политики протекционизма и заканчивая торговой, таможенной войной; в) изменением функционирования таможенной системы — переходом от «тарифной автономии» к соглашениям, основанным на конвенциональных тарифах.

¹² Иванов К.Е. Формирование и развитие российской и немецкой таможенных систем: отличие и параллели // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала российской таможенной академии имени В.Б. Бобкова. 2013. № 1 (45). С. 32.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / Н.Н. Алексеев. Москва : Московское научное изд-во, 1919. 208 с.
2. Бородачев А.С. Институт права собственности в России во второй половине XIX — первой четверти XX вв.: Историко-правовое исследование : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.С. Бородачев. Москва, 2006. 26 с.

3. Иванов К.Е. Формирование и развитие российской и немецкой таможенных систем: отличие и параллели / К.Е. Иванов // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала российской таможенной академии имени В.Б. Бобкова. 2013. № 1 (45). С. 31–44.
4. Карсавин Л.П. Государство и кризис демократии / Л.П. Карсавин // Новый мир. 1991. № 1. С. 183–195.
5. Ковалева Н.В. Правовое регулирование промышленного производства Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.В. Ковалева. Кострома, 2006. 25 с.
6. Манелис Б.Л. Проблемы суверенитета : автореферат диссертации доктора юридических наук / Б.Л. Манелис. Москва, 1966. 42 с.
7. Марченко Е.И. Идея суверенитета в государственно-правовых учениях российских консерваторов второй половины XIX–XX вв. : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.И. Марченко. Ростов-на-Дону, 2009. 27 с.
8. Матаев Т.М. Государство как носитель экономического суверенитета / Т.М. Матаев // Вопросы экономики и права. 2013. № 6. С. 19–22.
9. Новгородцев П.И. Сочинения / П.И. Новгородцев ; составитель, авторы вступительной статьи и примечаний М.А. Колеров, Н.С. Плотников. Москва : Раритет, 1995. 446 с.
10. Струве П.Б. Отрывки о государстве // Струве П.Б. Избранные сочинения / составитель и редактор М.А. Колерова. Москва : РОССПЭН, 1999. 472 с.

References

1. Alekseev N.N. Ocherki po obschey teorii gosudarstva. Osnovny`e predposy`lki i gipotezy` gosudarstvennoy nauki [Sketches of the General Theory of State. The Main Prerequisites and Hypotheses of the State Science] / N.N. Alekseev. Moskva : Moskovskoe nauchnoe izd-vo — Moscow : Moscow Scientific Publishing House, 1919. 208 s.
2. Borodachev A.S. Institut prava sobstvennosti v Rossii vo vtoroy polovine XIX — pervoy chetverti XX vv.: Istoriko-pravovoe issledovanie : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Property Right Institution in Russia in the Second Half of the 19th to the First Quarter of the 20th Century: Historical and Legal Research : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.S. Borodachev. Moskva — Moscow, 2006. 26 s.
3. Ivanov K.E. Formirovanie i razvitie rossiyskoy i nemetskoj tamozhenny`kh sistem: otlichie i paralleli [Establishment and Development of the Russian and German Customs Systems: The Difference and Parallels] / K.E. Ivanov // Ucheny`e zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala rossiyskoy tamozhennoy akademii imeni V.B. Bobkova — Scholarly Notes of the V.B. Bobkov Saint Petersburg Branch of the Russian Customs Academy. 2013. № 1 (45). S. 31–44.
4. Karsavin L.P. Gosudarstvo i krizis demokratii [State and the Democracy Crisis] / L.P. Karsavin // Novy`y mir — New World. 1991. № 1. S. 183–195.
5. Kovaleva N.V. Pravovoe regulirovanie promy`shlennogo proizvodstva Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vekov : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Legal Regulation of Industrial Production in the Russian Empire in the Second Half of the 19th to the Early 20th Century : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / N.V. Kovaleva. Kostroma — Kostroma, 2006. 25 s.
6. Manelis B.L. Problemy` suvereniteta : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [Sovereignty Issues : author's abstract of thesis of LL.D.] / B.L. Manelis. Moskva — Moscow, 1966. 42 s.
7. Marchenko E.I. Ideya suvereniteta v gosudarstvenno-pravovy`kh ucheniyakh rossiyskikh konservatorov vtoroy poloviny` XIX–XX vv. : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Idea of Sovereignty in State Law Doctrines of Russian Conservatives of the Second Half of the 19th to the 20th Century : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / E.I. Marchenko. Rostov-na-Donu — Rostov-on-Don, 2009. 27 s.
8. Mataev T.M. Gosudarstvo kak nositel ekonomicheskogo suvereniteta [State as the Carrier of Economic Sovereignty] / T.M. Mataev // Voprosy` ekonomiki i prava — Issues of Economy and Law. 2013. № 6. S. 19–22.
9. Novgorodtsev P.I. Sochineniya [Writings] / P.I. Novgorodtsev ; sostavitel, avtory` vstupitelnoy statyi i primechaniy M.A. Kolerov, N.S. Plotnikov. Moskva : Raritet — compiled, introductory article and commentaries by M.A. Kolerov, N.S. Plotnikov. Moscow : Rarity, 1995. 446 s.
10. Struve P.B. Otry`vki o gosudarstve [Fragments about State] // Struve P.B. Izbranny`e sochineniya / sostavitel i redaktor M.A. Kolerova. Moskva : ROSSPEN — Selected Writings / compiled and edited by M.A. Kolerova. Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 1999. 472 s.

Финансовая политика земств Новгородской губернии

*Степанова Юлия Павловна,
аспирант кафедры теории государства и права
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого
yulia4444@inbox.ru*

В статье анализируется финансовая деятельность земских учреждений Новгородской губернии. Дается оценка степени самостоятельности принимаемых земствами решений по вопросам налогообложения. Приводятся примеры из практики распределения налоговой нагрузки уездными земствами. Характеризуется роль земской статистики в распределении земских повинностей.

Ключевые слова: Новгородская губерния, развитие самоуправления в России XIX века, земство, финансовая политика, налоги, статистика.

Financial Policy of District Councils in Novgorod Governorate

*Stepanova Yulia P.
Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law
of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University*

The article analyzes the financial activities of zemstvo institutions of the Novgorod province. An assessment is made of the degree of independence of decisions made by zemstvos on tax issues. Examples from the practice of the distribution of the tax burden by county zemstvos are given. The characterisation of the role of zemstvo statistics in the distribution of zemstvo services is given.

Keywords: Novgorod province, the development of self-government in Russia in the XIX century, zemstvo, financial policy, taxes, statistics.

Одной из целей земской реформы 1864 г. было решение вопроса об оптимизации налогообложения после отмены крепостного права. Необходимо было наладить новую систему сборов и повинностей, которая позволила бы сделать государственный бюджет доходным и одновременно не разрушала бы идею социальной направленности финансовой политики государства. В период проведения реформ 1860-х годов проблемы взаимоотношения власти и общества, выполнения государством обязанности попечения об общем благе были весьма популярны в кругах просвещенной интеллигенции¹. Правитель-

ство всячески старалось сформировать положительный имидж, для того чтобы получить поддержку общества в вопросах реформирования. В таких условиях роль земских учреждений в реализации задач финансовой политики государства заключалась в том, что на них переносилась моральная и юридическая ответственность за выполнение налоговой нагрузки местным населением.

Реалии буржуазного развития страны требовали, чтобы имущество населения работало на увеличение налогооблагаемой базы. Даже крестьян, освобожденных от крепостной зависимости без предоставления права на землю, правительство рассматривало в качестве субъектов налогообложения. Установление налоговой нагрузки осуществлялось

¹ Кудинов О.А. Разработка проблем власти в правовом государстве в российской науке начала XX в. // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 2. С. 46-48.

опосредованно, через земские органы, что снижало риск вызвать недовольство населения финансовой политикой центрального правительства. Таким образом, земства становились заложниками финансовой политики государства.

С одной стороны, они наделялись самостоятельностью в определении источников зарабатывания средств на местные нужды. С другой стороны, находились под жестким контролем Министерства финансов, Министерства внутренних дел и должны были выполнять требования местной администрации.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г.² давало сравнительно широкую свободу земствам в финансовых вопросах. Однако уже Положением 1890 г.³ финансовые полномочия земств ставились под усиленный административный надзор. Всего четверть века земства просуществовали как относительно самостоятельный орган, но и в последующем земские учреждения ставили себе в заслугу те или иные достижения в решении финансовых вопросов и проблем. В первом номере Вестника Новгородского земства, опубликованного 1 июля 1899 г., перечислялись следующие заслуги земских учреждений: «Благодаря земским учреждениям установлено справедливое, уравнительное, одинаковое для всех плательщиков местных налогов распределение земских повинностей... земством же

предприняты обширные статистические исследования, положившие прочное начало изучения экономического быта населения»⁴.

Примечательно, что среди заслуг земских учреждений на одно из первых мест ставятся статистические исследования. Изначально земская статистика, как отмечает Д.Я. Майдачевский, призвана была обеспечить правильную раскладку земских повинностей⁵. Авторы обзора из земского «Вестника» констатируют, что с самого начала введения земских учреждений принимались меры для правильного исчисления земель и распределения их по владельцам и разрядам, поскольку сбор с земель составлял главный источник для удовлетворения земских повинностей. Задачу свою земства видели в обеспечении посредством статистических исследований правильного исчисления земель и равномерной нагрузки на плательщиков⁶. С 1886 года губернским земством в основу определения налоговой нагрузки были положены результаты экспедиционных исследований каждого отдельного владения. Ставилась задача на основании местных исследований и документальных данных проверить распределение земель на предмет соответствия генеральному межеванию. Методика проверки и учета включала сбор данных от владельцев земли или от их соседей, а также посредством прямого осмотра владений. Учитывались имевшиеся у владельцев межевые пла-

² Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Отделение 1. Т. 39. СПб., 1867. № 40457. С. 1–21.

³ Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Утверждено указом Александра III 12 июня 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Отделение 1. Т. 10. СПб., 1893. № 6927. С. 493–511.

⁴ Вестник Новгородского земства. 1899. 1 июля. № 1. С. 2–3.

⁵ Майдачевский Д.Я. Земская статистика как экономика: к истории экономических исследований в России // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 4. С. 699–720. С. 702–703.

⁶ Вестник Новгородского земства. 1899. 1 июля. № 1. С. 32.

ны и другие письменные документы. «...При определении площади пашни принималось во внимание количество высеваемых семян, а при определении площади покосов — количество накашиваемого сена»⁷. При этом во внимание были приняты ходатайства отдельных уездных земств о необходимости введения более дробной классификации земель с учетом их экономической эффективности. Так, по Крестецкому уезду разряды земель дополнялись подразделениями: пашня навозная и ненавозная, сенокос заливной и горный, лес по судоходству и по болоту. Наличие подобных уточнений только по отдельным уездам свидетельствует об отсутствии единого подхода к распределению налоговых ставок и факторе лоббирования финансовых интересов отдельными уездами.

Экспедиционный способ проведения статистических работ, безусловно, давал более точные данные по объектам налогообложения. Однако он сам по себе добавлял земскому бюджету серьезную финансовую нагрузку. Статистические работы в ходе экспедиций по уездам осуществлял весь состав статистического отделения губернии с конца апреля до поздней осени. К тому же вводимые правительством программы сбора оценочных сведений постоянно расширялись, что приводило к необходимости проведения повторных экспедиций. В конечном итоге проблема справедливого распределения налоговой нагрузки сохранила свою актуальность до конца существования земских учреждений. Так, из Доклада Новгородской губернской оценочной комиссии по производству оценочных работ в 1915 году со сметой расходов на оценочные работы в

1916 году следует, что количество жалоб от владельцев земельных участков и во втором десятилетии XX в. не уменьшилось. По Старорусскому уезду оценочная комиссия признала необходимость разделения «неудобных земель» на облагаемые и необлагаемые. Из облагаемых были исключены болота с редкой корявой сосной и березой, «с запасом менее 2 куб. саж. на дес. при возрасте от 50 лет», не приносящие никакого дохода. В случаях сомнений причисление таких участков к необлагаемым делалось после экспедиционного обследования на местах⁸.

Несмотря на общую тенденцию усиления к концу XIX — началу XX в. административного контроля за финансовой деятельностью земств, в отдельных регионах империи, возможно, сохранялась некоторая самостоятельность в решении вопросов налогообложения. Так, Г.Б. Азаматова, анализируя финансовую политику земств Уфимской губернии, отмечает, что к 1914 г. земства были самостоятельны в сфере подведомственного им налогообложения и распределения бюджета⁹. Однако на примере Новгородской губернии видно, что эта самостоятельность касалась лишь частных вопросов «расклада» обозначенных сумм между категориями налогоплательщиков. Серьезным барьером на пути свободного волеизъявления органов местного самоуправления яв-

⁸ Доклад Новгородской губернской оценочной комиссии по производству оценочных работ в 1915 году со сметой расходов на оценочные работы в 1916 году / Новгород. губерн. земская управа. Новгород, 1915. С. 29.

⁹ Азаматова Г.Б. Финансовая политика земств Уфимской губернии в 1915–1917 гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2017/8/history/azamatova.pdf (дата обращения: 14.10.2019).

⁷ Там же. С. 35.

лялась административная власть, представленная на местах губернаторами. Все значимые решения земских учреждений должны были получать официальные отзывы губернаторов, которые являлись «обязательным звеном при реализации отдельных полномочий местных коллегиальных органов»¹⁰.

Радикальной можно считать попытку губернского земского собрания одобрить привлечение к обложению земскими сборами казенных фабрик и заводов, предпринятое Старорусским и Демянским земствами. Безусловно, это могло бы серьезно пополнить бюджет уездных земств. Губернское собрание пришло к выводу, что закон подобную практику не ограничивает и испрашивать особого разрешения Министерства внутренних дел в таких случаях не надо. Тем не менее по неизвестной причине данное решение не было запротокколировано, и в конечном итоге губернская земская управа сама исправила сметы двух уездов¹¹. Ссылки на необходимость получения разрешения Министерства внутренних дел являются подтверждением нерациональной организации власти на местах, о чем говорит Г.М. Санжарлинская. Автор отмечает факт подчинения местных органов управления не только губернатору, но и напрямую МВД, что вело к излишней бюрократизации¹².

¹⁰ Чапайкина И.Г. Полномочия губернатора в сфере местного самоуправления России во второй половине XIX в. // История государства и права. 2017. № 11. С. 44.

¹¹ Постановление Новгородской земской управы от 20 января 1870 г. «О приведении в действие смет и раскладок земского сбора, учрежденных в Новгородской губернии на 1870 г.» // НГВ. Приложение. 1870. 28 марта. № 13. С. 9.

¹² Санжарлинская Г.М. К постановке проблемы взаимодействия губернаторской власти с местными органами управления в конце XIX — начале XX века на примере Нижегородской губернии (по материалам фондов ГУ ЦАНО) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 83.

Вопросы о пересмотре оснований обложения постоянно стояли на повестке дня заседаний уездных оценочных комиссий. Так, 25 июля 1915 г. оценочная комиссия рассматривала жалобы владельцев недвижимости г. Старой Руссы, которые сетовали на непосильное обложение, являвшееся следствием оценки имущества города не по доходности, а по его ценности, «которая не всегда находится в соответствии с доходностью». Комиссия признала, что «...встречаются имущества, материальная стоимость которых сравнительно низка, а чистая доходность, наоборот, очень высока, и в пример... торговые ряды и имущество на окраинах города. Этого явления не должно быть, и уравнительность должна быть достигнута, но для этого нет надобности переоценивать весь город, а возможно достигнуть изменением оценок земельных участков и скидок со строительной стоимости». Однако, признавая в целом, что повышение земских сборов с городских имуществ по новой раскладке составило значительную сумму 18 570 руб. (с 30 955 до 49 525 руб.), или на 51% выше прежнего оклада, комиссия отметила, что причины этого повышения кроются не в способе оценки. «Если бы земство приняло оценку по доходности, то сборов пришлось бы на городские имущества еще больше»¹³.

Еще одно положение, которое оспаривалось налогоплательщиками, сводилось к тому, что «городские имущества должны были нести налог на

родской губернии (по материалам фондов ГУ ЦАНО) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 83.

¹³ Доклад Новгородской губернской оценочной комиссии по производству оценочных работ в 1915 году со сметой расходов на оценочные работы в 1916 году / Новгород. губерн. земская управа. Новгород, 1915. С. 7.

городские, земские и казенные потребности 47,6%, а земли — 36,5%». По мнению же уездной управы, приведенные цифры, скорее всего, указывали именно на уравнительность обложения, так как городские имущества несли городские налоги взамен тех волостных, мирских сборов и натуральных повинностей, которые несли земля в уездах¹⁴. В конечном итоге горожане оказывались даже в выигрыше. Описываемый подход к решению вопросов о земских сборах свидетельствует о стремлении местных земских учреждений сохранять полную лояльность губернским властям и правительству, разрешать возникавшие проблемы за счет внутренних ресурсов, не адресуясь к вышестоящим властям с требованиями или просьбами о снижении налоговой нагрузки. Экономии на всем, включая финансирование судебных участков. Так, губернатор в отзыве на смету Кирилловского уезда на 1870 г. отметил, что уезд разделен на четыре судебных мировых участка, а по смете назначено содержание только для трех судей. «... Хотя уездное земское собрание определило ходатайствовать о сокращении одного участка, но до разрешения этого ходатайства Правительствующим Сенатом следует назначить по смете сумму на содержание четырех судей». В смету было дополнительно внесено 1500 руб.¹⁵.

Постоянно выправлялись сметы, касавшиеся содержания дорог. По упомянутой выше смете Кирилловского уезда было сделано следующее замечание: «...на исправление

дорожных участков Кирилловской уездной управою внесена была... в уездную земскую смету... сумма 10 778 р., но Уездное собрание голословно уменьшило ее до 5047 р. На 1869 год назначено было на дорожную повинность 12 878 р., из коих израсходовано только 6000, а остальные в числе остатков зачислены в земский сбор 1870 года, что доказывает, что дорожные участки не все исправлены... и при ассигновании на 1870 год 5047 р. дороги будут не исправлены и в 1870 году...»¹⁶. За содержание дорог получило замечание и земство Череповецкого уезда. Однако в этом случае Череповецкой уездной управе была предоставлена из запасного губернского капитала необходимая сумма на исправление верстовых и пограничных столбов. В уездную земскую смету расходы на данную повинность не были включены. Стоит обратить внимание, что все замечания губернатора касались необходимости увеличения расходной части по сметам уездных земств. Однако финансовые ресурсы земств были весьма ограничены. Поэтому с некоторыми возражениями губернатора, изложенными в отзыве по уездным земским сметам на 1870 г., губернское земское собрание не согласилось и исправлений в сметах не сделало¹⁷.

Обращения к правительству с ходатайствами «по предметам, касающимся местных хозяйственных нужд» допускалось лишь в частных, утилитарных случаях. В 1893 году в правительство было направлено ходатайство о предоставлении пособия на отопление и освещение тюрьмы в г. Валдае¹⁸. Однако в большинстве

¹⁴ Там же.

¹⁵ Постановление Новгородской земской управы от 20 января 1870 г. «О приведении в действие смет и раскладок земского сбора, учрежденных в Новгородской губернии на 1870 г.» // Новгородские губернские ведомости. 1870. 28 марта. № 13. Приложение. С. 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Новгородские губернские ведомости. 1893. № 21. Приложение.

случае такие вопросы решались также за счет внутренних ресурсов. Так, реализуя функцию попечения о тюрьмах, губернская земская управа в смете расходов, определенных на 1870 г. из сумм губернского запасного капитала, предусмотрела возврат г. Демянску средств, израсходованных до 1865 г. на освещение острога¹⁹. Фактически осуществлялось кредитование за счет внутренних губернских ресурсов. Относительно долгов уездных земств губернскому запасному капиталу губернская управа в 1969 г. объясняла, что таковых числилось на сумму 116 229 руб. «Все-го следовало уездам оплатить губернского земского сбора за 1869 г. 60 629 рублей, действительно же уплачено только 18 690 рублей». Вместе с долгами губернскому запасному капиталу общая сумма долга уездов составляла на тот момент 157 949 руб.²⁰ 25 000 рублей недоимок предполагалось покрыть при поступлении земского сбора с земель и лесов казны. Остальная сумма оставалась долгом, ликвидировать который, по мнению губернской управы, можно было только наладив сбор недоимок и сформировав в уездах запасные капиталы.

Подобные предложения по поводу возможных путей разрешения финансовых проблем уездных земств свидетельствуют об отсутствии какой-либо четкой программы на уровне губернии в отношении финансовой стратегии земств. В то же время

в некоторых губерниях Российской империи предпринимались конкретные попытки разрешения финансовых проблем. С.А. Андреев приводит пример органов земского самоуправления в Поволжье. Местные земства пытались внести изменения в земское налогообложение, касающееся промышленных и виноторговых заведений, выступали за уничтожение изъятий из земских обложений, просили передать земствам некоторые казенные налоги, активно обращались за помощью из казны, занимались коммерцией ради получения денег на нужды местного бюджета²¹.

Новгородские земства не отличались особой инициативой в подобных вопросах, предпочитая следовать распоряжениям административных органов. Проявление некоторой самостоятельности в отстаивании финансовых интересов всегда было ограничено опасениями потерять статус лояльности по отношению к административной власти. В результате Новгородская губерния являлась воплощением идеала «контрреформ» в сфере земской политики. Местные земские учреждения ограничивали взаимодействие с государственными органами отчетами. Активного отстаивания интересов местного населения, проявления правотворческой инициативы не наблюдалось. В условиях Российской империи такое «поведение» земств можно было бы считать идеальным для центрального правительства, если бы не постепенное нарастание экономических и социальных проблем, кардинально разрешать которые на местах земства были не в состоянии.

¹⁹ Смета расходов, определенных на 1870 г. из сумм губернского запасного капитала. Приложение к журналу Новгородской губернской земской управы. 20 января 1970 г. // Новгородские губернские ведомости. 1870. № 13. Приложение № 10.

²⁰ Из доклада Новгородской губернской земской управы Губернскому земскому собранию // Новгородские губернские ведомости. 1870. № 20. С. 8.

²¹ Андреев С.А. Нетрадиционные попытки улучшения местных финансов органами земского самоуправления в Поволжье // Власть. 2013. № 2. С. 180–182.

Литература

1. Азаматова Г.Б. Финансовая политика земств Уфимской губернии в 1915–1917 гг. / Г.Б. Азаматова // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 99–101.
2. Андреев С.А. Нетрадиционные попытки улучшения местных финансов органами земского самоуправления в Поволжье / С.А. Андреев // Власть. 2013. № 2. С. 180–182.
3. Кудинов О.А. Разработка проблем власти в правовом государстве в российской науке начала XX в. / О.А. Кудинов // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 2. С. 46–48.
4. Майдачевский Д.Я. Земская статистика как экономика: к истории экономических исследований в России / Д.Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 4. С. 699–720.
5. Санжарлинская Г.М. К постановке проблемы взаимодействия губернаторской власти с местными органами управления в конце XIX — начале XX века на примере Нижегородской губернии (по материалам фондов ГУ ЦАНО) / Г.М. Санжарлинская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 79–86.
6. Чапайкина И.Г. Полномочия губернатора в сфере местного самоуправления России во второй половине XIX в. / И.Г. Чапайкина // История государства и права. 2017. № 11. С. 43–48.

References

1. Azamatova G.B. Finansovaya politika zemstv Ufimskoy gubernii v 1915–1917 gg. [Financial Policy of District Councils in Ufa Governorate in 1915 to 1917] / G.B. Azamatova // Obschestvo: filosofiya, istoriya, kultura — Society: Philosophy, History, Culture. 2017. № 8. S. 99–101.
2. Andreev S.A. Netraditsionny`e popy`tki uluchsheniya mestny`kh finansov organami zemskogo samoupravleniya v Povolzhe [Non-Traditional Attempts at Improvement of Local Finance by District Self-Government Authorities in the Volga Territory] / S.A. Andreev // Vlast — Power. 2013. № 2. S. 180–182.
3. Kudinov O.A. Razrabotka problem vlasti v pravovom gosudarstve v rossiyskoy nauke nachala XX v. [Development of Government Issues in the Law-Governed State in the Russian Science of the Early 20th Century] / O.A. Kudinov // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie — Government and Local Self-Government. 2003. № 2. S. 46–48.
4. Maydachevskiy D.Ya. Zemskaya statistika kak ekonomika: k istorii ekonomicheskikh issledovaniy v Rossii [District Council Statistics as Economics: To the History of Economic Research in Russia] / D.Ya. Maydachevskiy // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2016. T. 17 — Historic and Economic Research. 2016. Vol. 17. № 4. S. 699–720.
5. Sanzharlinskaya G.M. K postanovke problemy` vzaimodeystviya gubernatorskoy vlasti s mestny`mi organami upravleniya v kontse XIX — nachale XX veka na primere Nizhegorodskoy gubernii (po materialam fondov GU TSANO) [On Setting of the Problem of Interaction between the Governor's Power and Local Government Authorities in the Late 19th to the Early 20th Century on the Example of Novgorod Governorate (Based on Files of Funds of the State Institution Central Archive of the Novgorod Region)] / G.M. Sanzharlinskaya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo — Bulletin of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2014. № 6. S. 79–86.
6. Chapaykina I.G. Polnomochiya gubernatora v sfere mestnogo samoupravleniya Rossii vo vtoroy polovine XIX v. [Governor's Authorities in the Sphere of Local Self-Government in Russia in the Second Half of the 19th Century] / I.G. Chapaykina // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 11. S. 43–48.

Уважаемые авторы!

Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-11-81-88

Историко-правовая летопись Д.О. Серова

Федоров Александр Вячеславович,
 ведущий научный сотрудник отдела
 уголовного и уголовно-процессуального законодательства;
 судоустройства Института законодательства и сравнительного
 правоведения при Правительстве Российской Федерации,
 заслуженный юрист Российской Федерации,
 кандидат юридических наук, профессор
 1956af@mail.ru

Статья посвящена известному российскому историку-правоведу, доктору исторических наук Дмитрию Олеговичу Серову и краткому анализу его исследований создания и функционирования в первой трети XVIII века российских правоохранительных органов: судов, прокуратуры, фискальской службы, органов следствия.

Ключевые слова: Дмитрий Олегович Серов, Петр I, суд, прокуратура, фискальская служба, следственные канцелярии.

Historical and Legal Chronicle by D.O. Serov

Fedorov Aleksandr V.
 Leading Research Scientist of the Department of Criminal and Criminal Procedure Law;
 Judicial Administration of the Institute of Legislation and Comparative Law
 under the Government of the Russian Federation
 Honored Lawyer of the Russian Federation
 PhD (Law), Professor

The article is dedicated to the famous Russian historian and legal expert Doctor of History Dmitriy O. Serov and a brief analysis of his studies concerning the establishment and development of the Russian law enforcement authorities in the first third of the 18th century: courts, prosecutor's office, fiscal service, investigative authorities.

Keywords: Dmitriy O. Serov, Peter the Great, court, prosecutor's office, fiscal service, investigative chancelleries.

6 октября 2019 г. ушел из жизни Дмитрий Олегович Серов, известный российский ученый, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ).

Дмитрий Олегович родился 3 декабря 1963 г. в г. Уфе Башкирской АССР в семье студентов медицинского института, ныне известных ученых-биологов Олега Леонидовича¹

и Ирины Александровны Серовых². С 1970 года жизнь и работа Д.О. Серова неразрывно связаны с Новосибирском, в Академгородке которого проживают его родители. В 1981 году он окончил среднюю школу № 130 г. Новосибирска с углубленным изучением английского языка, а в 1986 г. — гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета им. Ленинского комсомола. В 1986–1988 годах проходил службу в Советской армии, а затем в 1988–1991 гг. обучался в очной аспирантуре Ле-

¹ Олег Леонидович Серов, доктор биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии, в настоящее время является заведующим лабораторией генетики развития Института цитологии и генетики Сибирского отделения РАН.

² Ирина Александровна Серова, кандидат биологических наук, в настоящее время является старшим научным сотрудником Института цитологии и генетики Сибирского отделения РАН.

нинградского отделения Института истории СССР АН СССР, успешно защитив кандидатскую диссертацию на тему «Степенная книга редакции Ивана Юрьева (1715–1718 гг.)»³ (научный руководитель — Аркадий Георгиевич Маньков).

Вернувшись в 1993 г. в Новосибирск, Дмитрий Олегович преподавал дисциплины историко-правового цикла на юридических факультетах университетов и в военно-учебных заведениях. В 1997–1999 годах он заместитель декана факультета мировой экономики и права Сибирского государственного университета путей сообщения. В 1999 году ему присвоено ученое звание доцента по кафедре права.

С 1999 года основным местом работы Д.О. Серова являлся НГУЭУ. Он один из основателей юридического факультета НГУЭУ, создатель и бессменный руководитель с 1999 г. кафедры теории и истории государства и права.

Будучи заведующим кафедрой, Дмитрий Олегович в 2005 г. окончил Институт по переподготовке и повышению квалификации при Новосибирском государственном университете по программе «Юриспруденция»; в 2010 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.»⁴, а в 2017 г. окончил магистратуру Курского государственного университета по направлению подготовки «Юриспруденция» (магистерская программа «Теория и история государства и права, история правовых учений»), по-

лучив степень магистра юриспруденции.

Сферой научных интересов Д.О. Серова являлись вопросы истории государства и права России XVIII–XX вв., а именно вопросы истории: отечественного судебного реформирования; российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства; систематизации отечественного законодательства; правящей элиты и бюрократии XVIII в., государственных преобразований первой трети XVIII в.; российской историко-правовой науки и российского юридического образования, а также биография Петра I.

Особо следует отметить уважительное отношение Дмитрия Олеговича к трудам предшественников — историков, изучавших эпоху Петра Великого, его стремление к ознакомлению современников с исследованиями этих ученых и их жизненным путем⁵.

В рамках проводимых исследований Д.О. Серовым были обнаружены, изучены и введены в научный оборот многие ранее неизвестные архивные материалы; разработаны новые направления историко-правовых исследований; подготовлены многочисленные публикации. Он является автором и соавтором 15 монографий и около 200 научных статей.

Существенным вкладом в развитие историко-правовых исследований стали работы Дмитрия Олеговича: «Строители Империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I»⁶; «Про-

³ Серов Д.О. Степенная книга редакции Ивана Юрьева (1715–1718 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991.

⁴ Серов Д.О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010.

⁵ См., напр.: Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / науч. ред. и вступ. ст. Д.О. Серова. М., 2017.

⁶ Серов Д.О. Строители Империи: очерки государственной и криминальной деятель-

куратура Петра I (1722–1725 гг.)»⁷, «Администрация Петра I»⁸, «Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование»⁹, а также подготовленные с его участием коллективные исследования: «Памятники российского права»¹⁰, «Тюрьма и ссылка в дореволюционной России»¹¹, «Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.»¹², «Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования»¹³.

Д.О. Серов получил признание в нашей стране и за рубежом как один из лучших знатоков петровского времени, специалист в области истории российских правоохранительной и судебной систем, ведущий ученый в изучении истории органов следствия России.

Именно работы в области истории российских следственных органов стали наиболее крупным научным достижением Д.О. Серова. По результатам проведенных им исследований Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2013 г. № 741 введен новый профессиональный праздник — День сотрудни-

ка органов следствия Российской Федерации¹⁴ (25 июля); установлен ряд памятных дат истории отечественного предварительного следствия¹⁵; внедряются учебные курсы «История российских следственных органов».

Только в журнале «Российский следователь» Дмитрием Олеговичем было опубликовано 50 статей по вопросам истории следственных органов.

Результаты многолетних исследований Д.О. Серова по истории органов следствия отражены в вышедших в 2015–2019 гг. монографических работах: «Очерки истории российских следственных органов»¹⁶, «История следствия в России»¹⁷, «Дела и судьбы следователей Петра I» (два издания)¹⁸, «Следователи Петра Великого»¹⁹.

Как указывал Д.О. Серов, «любой государственный институт возникает на стыке объективной и субъективной предпосылок. Это означает, что, с одной стороны, должна сложиться общественная потребность в появлении того или иного института, с другой — необходимость основания соответствующего института должен осознавать законодатель. В свою оче-

ности сподвижников Петра. Новосибирск, 1996.

⁷ Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.). Новосибирск, 2002.

⁸ Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд., М., 2008.

⁹ Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009.

¹⁰ Памятники российского права. Том IV: Памятники права в период единой державы Петра I / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2014; Т. V: Памятники права. 1725–1762 гг. / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2014.

¹¹ Тюрьма и ссылка в дореволюционной России. М., 2016.

¹² Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 2: XVIII — первая половина XIX в. М., 2016.

¹³ Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб., 2018.

¹⁴ СЗ РФ. 2013. № 35. Ст. 4526.

¹⁵ Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 55 «О Порядке проведения в Следственном комитете Российской Федерации мероприятий, посвященных памятным датам истории предварительного следствия в России» (в редакции приказа от 2 августа 2017 г. № 101).

¹⁶ Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов : научное издание. М., 2015.

¹⁷ История следствия в России : монография / под общ. ред. Д.О. Серова, А.В. Федорова. М., 2017.

¹⁸ Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра I. М., 2016; Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра I. М., 2019.

¹⁹ Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. М., 2018.

редь законодатель действует опираясь на известный ему отечественный и зарубежный опыт государственного строительства. Тем самым при обращении к вопросу о предпосылках возникновения того или иного государственного института представляется необходимым: во-первых, проследить развитие той линии национального государственного строительства, в рамках которой зарождается данный институт, а также определить круг его возможных иностранных образцов; во-вторых, составить представление о тех особенностях социально-политической обстановки и состоянии государственного аппарата, которые в данный момент способствуют возникновению соответствующего института; в-третьих, уяснить, какие стороны текущего умонастроения и политико-правовых воззрений законодателя способны обусловить создание этого института»²⁰.

Исходя из этих подходов, Д.О. Серовым сделан вывод о том, что предпосылки для возникновения специализированного следственного аппарата начали исподволь складываться в России во второй половине XVII в.

История становления следственных органов неразрывно связана с развитием розыскной деятельности и ее регламентацией. В допетровский период российской истории розыск (розыскная деятельность) представлял собой особую форму судопроизводства, следственного процесса, который включал как уголовно-процессуальные, так и чисто сыскные (непроцессуальные с позиции сегодняшнего дня) составляющие. Для ключевых звеньев отечественно-

го государственного механизма был свойствен феномен «единства компетенции», когда один и тот же орган власти обладал и административными, и юрисдикционными полномочиями — и управлял, и судил одновременно. Таким образом, издревле одни и те же органы либо должностные лица осуществляли весь цикл уголовного судопроизводства в его современном понимании как на судебной, так и на досудебной стадиях процесса, а зачастую занимались и розыском преступников с использованием методов, признаваемых в настоящее время оперативно-разыскными. При этом на протяжении длительного времени специальные следственные органы как таковые в государственном механизме не выделялись.

Издание грандиозного по объему единого кодифицированного акта — Уложения 1649 г., а затем Новоуказных статей о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. (Новоуказных статей 1669 г.) вывело отечественное уголовное и уголовно-процессуальное право на принципиально новый уровень развития. На протяжении 1650–1690-х годов произошел интенсивный рост бюрократизации государственного аппарата, который сопровождался углублением специализации его отдельных звеньев, в том числе по розыску преступников, и сформировались объективные предпосылки к учреждению особых органов и должностных лиц, специализирующихся на расследовании уголовных дел, что и было реализовано в результате реформ Петра I в начале XVIII в.

К этим реформам следует отнести в том числе основание первых отечественных органов надзора — фискальской службы. Согласно мнению Д.О. Серова, по компетенции фискальская служба стала как первым

²⁰ Серов Д.О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 9.

в истории отечественной государственной организацией общего надзора, так и первым досудебным органом уголовного преследования (что выразилось в наделении фискалов полномочиями возбуждать уголовные дела и выступать с обвинением в суде). В дальнейшем, стремясь обеспечить эффективное расследование и рассмотрение уголовных дел, возбуждаемых фискальской службой, Петр I пришел к решению учреждать «майорские» канцелярии — подчиненные непосредственно главе государства и призванные осуществлять предварительное расследование²¹.

25 июля 1713 г. в городе Санкт-Петербурге Петр I подписал указ о создании канцелярии под началом гвардии майора князя Михаила Ивановича Волконского. Сегодня уже возможно считать неоспоримым тот факт, что эта канцелярия стала первым российским специализированным органом следствия. Несколько лет спустя, с легкой руки самого Петра I, подобные органы стали именоваться «маюрскими» (майорскими) канцеляриями.

После образования следственных канцелярий последовало издание Наказа «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. Не обнародованный в момент издания типографски и не попавший в состав опубликованного в 1830 г. «Полного собрания законов Российской империи с 1649 года» Наказ от 9 декабря 1717 г. почти два столетия находился в забвении. Будучи выявлен и бегло упомянут историком В.И. Веретенниковым в 1910 г.²², этот законодательный акт оказался окончательно вве-

ден в научный оборот Д.О. Серовым лишь в начале XXI в.

Дмитрием Олеговичем обосновано, что зарождение российских следственных органов произошло в виде майорских канцелярий. При этом за основу признания этих канцелярий таковыми берется их характеристика как самостоятельного, постоянно действующего государственного органа, специально уполномоченного на расследование уголовных дел на досудебной стадии, для которого эта функция является единственной.

Д.О. Серовым в контексте изучения создания и функционирования первых российских следственных органов исследованы не только процессы создания таких органов и их процессуальные полномочия, но и практика их деятельности — конкретные уголовные дела, а также судьбы первых российских следователей. На это следует обратить особое внимание, ведь Д.О. Серовым впервые через изучение дел и судеб следователей Петра Великого комплексно рассматривается период зарождения российского следствия во взаимосвязи с происходившими в России того времени глубокими социально-экономическими преобразованиями и сопутствующими им изменениями в государственном строительстве.

Фактически Д.О. Серовым создана историко-правовая летопись российских органов предварительного следствия первой трети XVIII в.

Все работы Дмитрия Олеговича написаны «сочным» литературным языком, отражающим присущий ему талант писателя. О глубине этого таланта свидетельствуют опубликованные Дмитрием Олеговичем исторические миниатюры²³.

²¹ Там же. С. 10.

²² Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910.

²³ См., напр.: Серов Д.О. Федосей Мануков и другие. Извлечено из «Подлинных гисторий о достопамятных мужах российских, служив-

Уход из жизни Д.О. Серова — невосполнимая утрата для российской науки и всех, кто знал его. Замечательный человек и хороший семьянин, патриот России и прекрасный товарищ и друг, доброжелательный к людям, яркий ученый и преподаватель «от Бога» — таким останется Дмитрий Олегович в памяти тех, кому посчастливилось идти вместе с ним по жизни.

ших в царствование государя Петра Велико-го» // Наука в Сибири. 1994. Июнь. № 22. С. 7.

Как отметил председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, память о Дмитрие Олеговиче навсегда останется в сердцах его учеников и коллег, а его труды по истории продолжают воспитание сотрудников и молодежи на лучших традициях отечественного следствия²⁴.

²⁴ См.: Председатель Следственного комитета РФ направил телеграмму в связи с кончиной профессора Дмитрия Серова // Сайт Следственного комитета Российской Федерации: sledcom.ru (дата обращения: 14.10.2019).

Литература

1. Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени / В.И. Веретенников. Харьков : Тип. «Печатное дело», 1910. 307 с.
2. Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / Н.А. Воскресенский ; научное редактирование и вступительная статья Д.О. Серова. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 640 с.
3. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / ответственный редактор Д.А. Редин. Санкт-Петербург : Алетей, 2018. 722 с.
4. История следствия в России : монография / под общей редакцией Д.О. Серова, А.В. Федорова. Москва : Юрлитинформ, 2017. 280 с.
5. Памятники российского права. В 35 томах. Т. 4. Памятники права в период единодержавия Петра I / под общей редакцией Р.Л. Хачатурова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 582 с.
6. Памятники российского права. В 35 томах. Т. 5. Памятники права. 1725–1762 гг. / под общей редакцией Р.Л. Хачатурова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 590 с.
7. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 томах. Т. 2. XVIII — первая половина XIX в. / ответственный редактор А.Б. Каменский. Москва : Политическая энциклопедия, 2016. 429 с.
8. Серов Д.О. Администрация Петра I / Д.О. Серов. 2-е изд. Москва : ОГИ, 2008. 288 с.
9. Серов Д.О. Дела и судьбы следователей Петра I : научное издание / Д.О. Серов, А.В. Федоров. Москва : Юрист, 2016. 364 с.
10. Серов Д.О. Дела и судьбы следователей Петра I : научное издание / Д.О. Серов, А.В. Федоров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист, 2019. 432 с.
11. Серов Д.О. Очерки истории российских следственных органов : научное издание / Д.О. Серов, А.В. Федоров. Москва : Юрист, 2015. 318 с.
12. Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.) / Д.О. Серов. Новосибирск : Сибвузиздат, 2002. 330 с.
13. Серов Д.О. Следователи Петра Великого / Д.О. Серов, А.В. Федоров. Москва : Молодая гвардия, 2018. 348 с.
14. Серов Д.О. Степенная книга редакции Ивана Юрьева (1715–1718 гг.) : автореферат диссертации кандидата исторических наук / Д.О. Серов. Ленинград, 1991. 16 с.
15. Серов Д.О. Строители Империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I / Д.О. Серов. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1996. 262 с.
16. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование / Д.О. Серов. Москва : Зерцало-М, 2009. 488 с.
17. Серов Д.О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в. : автореферат диссертации доктора исторических наук / Д.О. Серов. Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2010. 49 с.
18. Тюрьма и ссылка в дореволюционной России : сборник статей / составители: Н. Катцер, С.В. Курдюшов. Москва : Историческая литература, 2016. 378 с.

References

1. Veretennikov V.I. Istoriya Taynoy kantselyarii Petrovskogo vremeni [History of the Secret Chancellery of the Peter the Great's Epoch] / V.I. Veretennikov. Kharkov : Tip. 'Pechatnoe delo' — Kharkov : Printing Business printing office, 1910. 307 s.
2. Voskresenskiy N.A. Petr Velikiy kak zakonodatel. Issledovanie zakonodatelnogo protsessa v Rossii v epokhu reform pervoy chetverti XVIII veka [Peter the Great as a Great Legislator. Research of the Legislative Procedure in Russia in the Epoch of Reforms of the First Quarter of the 18th Century] / N.A. Voskresenskiy ; nauchnoe redakirovanie i vstupitelnaya statya D.O. Serova. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — scientific editing and introductory article by D.O. Serov. Moscow : New Literary Overview, 2017. 640 s.
3. Granitsy` i markery` sotsialnoy stratifikatsii Rossii XVII-XX vv.: vektory` issledovaniya [Borders and Markers of Social Stratification in Russia in the 17th to the 20th Century: Research Vectors] / otvetstvenny`y redaktor D.A. Redin. Sankt-Peterburg : Aleteyya — publishing editor D.A. Redin. Saint Petersburg : Aletheia, 2018. 722 s.
4. Istoriya sledstviya v Rossii : monografiya [History of Investigation in Russia : monograph] / pod obschey redaktsiyey D.O. Serova, A.V. Fedorova. Moskva : Yurlitinform — under the general editorship of D.O. Serov, A.V. Fedorov. Moscow : Yurlitinform, 2017. 280 s.
5. Pamyatniki rossiyskogo prava. V 35 tomakh. T. 4. Pamyatniki prava v period edinoderzhaviya Petra I [Russian Law Monuments. In 35 volumes. Vol. 4. Law Monuments in the Period of the Absolute Rule of Peter I] / pod obschey redaktsiyey R.L. Khachaturova. Moskva : Yurlitinform — under the general editorship of R.L. Khachaturov. Moscow : Yurlitinform, 2014. 582 s.
6. Pamyatniki rossiyskogo prava. V 35 tomakh. T. 5. Pamyatniki prava. 1725–1762 gg. [Russian Law Monuments. In 35 volumes. Vol. 5. Law Monuments. 1725 to 1762] / pod obschey redaktsiyey R.L. Khachaturova. Moskva : Yurlitinform — under the general editorship of R.L. Khachaturov. Moscow : Yurlitinform, 2014. 590 s.
7. Reformy` v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX v. V 4 tomakh. T. 2. XVIII — pervaya polovina XIX v. [Reforms in Russia from the Ancient Times to the Late 20th Century. In 4 volumes. Vol. 2. The 18th Century to the First Half of the 19th Century] / otvetstvenny`y redaktor A.B. Kamenskiy. Moskva : Politicheskaya entsiklopediya — publishing editor A.B. Kamenskiy. Moscow : Political Encyclopedia, 2016. 429 s.
8. Serov D.O. Administratsiya Petra I [Peter I's Administration] / D.O. Serov. 2-e izd. Moskva : OGI — 2nd edition. Moscow : United Humanities Publishing House, 2008. 288 s.
9. Serov D.O. Dela i sudby` sledovateley Petra I : nauchnoe izdanie [Deeds and Fates of Peter I's Investigators : scientific edition] / D.O. Serov, A.V. Fedorov. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2016. 364 s.
10. Serov D.O. Dela i sudby` sledovateley Petra I : nauchnoe izdanie [Affairs and Fates of Peter the Great's Investigators : scientific edition] / D.O. Serov, A.V. Fedorov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Yurist — 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : Lawyer, 2019. 432 s.
11. Serov D.O. Ocherki istorii rossiyskikh sledstvenny`kh organov : nauchnoe izdanie [Sketches of History of Russian Investigative Authorities : scientific edition] / D.O. Serov, A.V. Fedorov. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2015. 318 s.
12. Serov D.O. Prokuratura Petra I (1722–1725 gg.) [Peter I's Prosecutor's Office (1722 to 1725)] / D.O. Serov. Novosibirsk : Sibvuzizdat — Novosibirsk : Siberian University Publishing House, 2002. 330 s.
13. Serov D.O. Sledovateli Petra Velikogo [Peter I's Investigators] / D.O. Serov, A.V. Fedorov. Moskva : Molodaya gvardiya — Moscow : Young Guard, 2018. 348 s.
14. Serov D.O. Stepennaya kniga redaktsii Ivana Yuryeva (1715–1718 gg.) : avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk [The Book the Royal Genealogy by Ivan Yuryev (1715 to 1718) : author's abstract of thesis of PhD (History)] / D.O. Serov. Leningrad — Leningrad, 1991. 16 s.
15. Serov D.O. Stroiteli Imperii: Ocherki gosudarstvennoy i kriminalnoy deyatel'nosti spodvizhnikov Petra I [Builders of the Empire: Sketches of State and Criminal Activities of Peter I's Companions] / D.O. Serov. Novosibirsk : Izd-vo Novosibirskogo un-ta — Novosibirsk : Publishing house of the Novosibirsk University, 1996. 262 s.

16. Serov D.O. Sudebnaya reforma Petra I: istoriko-pravovoe issledovanie [The Peter the Great's Judicial Reform: Historical and Legal Research] / D.O. Serov. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2009. 488 s.
17. Serov D.O. Fiskalskaya sluzhba i prokuratura Rossii pervoy treti XVIII v. : avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk [The Russian Fiscal Service and the Prosecutor's Office of the First Third of the 18th Century : author's abstract of thesis of Doctor of History] / D.O. Serov. Ekaterinburg : Uralskiy gosudarstvenny`y universitet im. A.M. Gorkogo — Ekaterinburg : A.M. Gorky Ural State University, 2010. 49 s.
18. Tyurma i ssy`lka v dorevolutsionnoy Rossii : sbornik statey [Prison and Exile in the Pre-Revolutionary Russia : collection of articles] / sostaviteli : N. Kattser, S.V. Kudryashov. Moskva : Istoricheskaya literatura — compiled by : N. Kattser, S.V. Kudryashov. Moscow : Historical Literature, 2016. 378 s.

Уважаемые коллеги!

Вышел в свет ежегодный сборник «Научные труды РАЮН», выпуск 19. В сборнике опубликованы доклады участников XIX Международной научно-практической конференции «Конституция Российской Федерации и современный правовой порядок», которая состоялась 27–30 ноября 2018 года на площадке Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Сборник содержит следующие разделы:

- Теория и история государства и права. История правовых и политических учений

- Конституционное и муниципальное право
- Административное право. Финансовое право
- Международное право
- Банковское право
- Гражданское право. Семейное право
- Гражданский и арбитражный процесс
- Право интеллектуальной собственности
- Предпринимательское право
- Трудовое право. Право социального обеспечения
- Природоресурсное право. Экологическое право
- Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право
- Уголовный процесс. Прокурорский надзор
- Судебная экспертиза. Криминалистика. Оперативно-розыскная деятельность

- Юридическое образование

Книга предназначена для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических вузов.

С полной версией сборника вы можете ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги»: <http://lawinfo.ru/book/2019/>